

63.3(0)2
Г 392

ФИ

Академия Фундаментальных Исследований

ЭТНОЛОГИЯ

М. Гернес

История Первобытного Человечества

(1852–1917)

Австрийский археолог и историк культуры. Родился в Вене, в семье известного палеонтолога Морица Гернеса. В 1878 г. окончил Венский университет, получил степень доктора философии. С 1885 г., после окончания военной службы, работал в Музее естественной истории в Вене. Доцент (с 1899 г.), профессор (с 1911 г.), основатель отдела первобытной истории человека в Венском университете. Как археолог работал в разных частях Австро-Венгрии, но в особенности в Боснии и Герцеговине. Развил типологический метод; в частности, дал классификацию вещей гальштатского могильника. Автор около 200 научных работ в области археологии и истории культуры, важнейшей из которых стала не утратившая поныне своего значения книга «История первобытного изобразительного искусства в Европе со времени его возникновения до 500 г. до н. э.» (1898).

Наше издательство предлагает следующие книги:

Центральная
Городская
Публичная
Библиотека
им. В.В.Маяковского

300101165869

9112 ID 114952

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

9 785396 002326 >

Тел./факс: 7 (499) 135-42-16
Тел./факс: 7 (499) 135-42-46

URSS

E-mail:
URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

Любые отзывы о настоящей издании, а также обнаруженные опечатки присылать по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

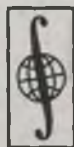
Moritz Hoernes
URGESCHICHTE DER MENSCHHEIT

М. Гернес

ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Перевод
со второго немецкого издания
под редакцией Я. Г. Гуревича

Издание второе

URSS
МОСКВА

Гернес Мориц

История первобытного человечества: Пер. с нем. / Под ред. Я. Г. Гуревича.
Изд. 2-е. — М.: КРАСАНД, 2010. — 112 с. (Академия фундаментальных исследований: этнология.)

Вниманию читателей предлагается книга австрийского археолога и историка культуры М. Гернеса (1852–1917), посвященная истории первобытного человечества — дисциплине, которая занимается изучением того периода в мировой истории, о котором из-за отсутствия памятников письменности нет никаких исторических данных. В книге кратко обрисовано место человека в природе, даны отличительные признаки человеческой культуры, описаны культура и быт человека в различные доисторические эпохи (ледниковый период, каменный век, бронзовый век, время распространения железа). Книга содержит большое количество иллюстраций.

Рекомендуется археологам, историкам, этнографам, культурологам, а также широкому кругу заинтересованных читателей.

Издательство «КРАСАНД».

121096, Москва, ул. 2-я Филевская, 7, корп. 6.

Формат 60×90/16. Печ. л. 7. Зак. № 3738.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–396–00232–6

© КРАСАНД, оформление, 2010

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете:
	http://URSS.ru
	Тел./факс: 7 (499) 135–42–18
	Тел./факс: 7 (499) 135–42–48
URSS	

9112 ID 114952

9 785396 002326

Понятіе первобытной исторіи.

Первобытная исторія чело­вѣчества занимается изученіемъ того періода въ историческомъ прошломъ нашего рода, относительно кото­раго мы—за отсутствіемъ памятниковъ письменности—не имѣемъ ни­какихъ историческихъ данныхъ. За предѣлами достовѣрныхъ сообще­ній мы открываемъ во всѣхъ странахъ земного шара цѣлый рядъ отдѣльныхъ фактовъ, изъ которыхъ уже не возможно построить связ­наго повѣствованія, опирающагося на опредѣленные историческія даты и имена. Вотъ этими-то фактами, ихъ освѣщеніемъ и приведеніемъ ихъ въ связь и занимается изслѣдователь первобытной исторіи.

Первобытная исторія составляетъ часть антропологіи, общая за­дача которой состоитъ въ уясненіи чело­вѣку мѣста, занимаемаго имъ въ природѣ. Въ частности же, первобытная исторія ставитъ своею цѣлю расширить чело­вѣческій кругозоръ, раздвинувъ границы исто­рическаго изслѣдованія, и дать картину младенчества въ общей жизни чело­вѣчества. Итакъ, первобытная исторія беретъ свое начало въ исторіи земли, но, въ дальнѣйшемъ, переходитъ въ общую міровую исторію чело­вѣчества.

Положеніе чело­вѣка въ природѣ.

Наша планета отдѣлилась отъ матери-солнца въ видѣ клуба раз­рѣженныхъ газовъ и начала свое новое существованіе, не отличаясь по химическому составу отъ другихъ планетъ. Вначалѣ окруженная густой, насыщен­ной парами атмосферою, земля стала постепенно при­тягивать къ себѣ изъ атмосферы воду и другія вещества; мало-по­малу образовались моря, и въ ихъ глубинахъ—конечно, лишь по про­шlostви невообразимо долгаго періода времени — появились зачатки организованной жизни. Опредѣленно указать моментъ первоначальнаго ея зарожденія мы, конечно, не имѣемъ возможности; да и непосред­ственный очевидецъ едва ли сумѣлъ бы подмѣтить этотъ моментъ: по

всей вѣроятности, въ разныхъ пунктахъ земного шара стало мало-помалу обнаруживаться нѣкоторое подобіе элементарной жизнеспособности, и начали появляться простѣйшія формы организованныхъ существъ, размножавшихся посредствомъ дѣленія. Эти формы являются исходнымъ пунктомъ въ развитіи организмовъ: ими начинается тотъ біологическій рядъ развитія, высшія формы котораго мы имѣемъ передъ собою въ настоящее время.

Въ этой лѣстницѣ живыхъ существъ человекъ занимаетъ высшую ступень; но правильно судить о высотѣ ея мы можемъ лишь на известномъ разстояніи, какъ бы отвлекшись отъ самихъ себя и отъ привычнаго намъ способа представленія. Мы должны помнить, что протекли цѣлые милліоны лѣтъ съ возникновенія планеты-земли до появленія на ней первичныхъ органическихъ формъ, и не меньшій періодъ времени отдѣляетъ моментъ зарожденія органической жизни отъ появленія первыхъ высокоорганизованныхъ животныхъ, остатки которыхъ мы находимъ теперь въ видѣ окаменѣлостей. Впрочемъ, происхожденію организмовъ отъ одной простѣйшей первоначальной формы не можетъ быть доказано на основаніи однихъ лишь палеонтологическихъ (ископаемыхъ) данныхъ,—вслѣдствіе встрѣчающихся въ нихъ пробѣловъ,—и приходится прибѣгать къ помощи сравнительной анатоміи и эмбриологіи нынѣ существующихъ видовъ растений и животныхъ. То количество вѣществъ, которое за время всей исторіи земли являлось носителемъ процессовъ органической жизни и высшихъ формъ движенія, представляется безконечно ничтожнымъ по сравненію съ общемою массою земного шара. По удачному сравненію одного изъ современныхъ естествоиспытателей, оно подобно лишь нѣжному налету, покрывающему свѣжіе плоды и стирающемуся при самомъ легкомъ прикосновеніи.

Моментъ перваго появленія человекъ также не можетъ быть указанъ опредѣленно; а такъ какъ человѣческій типъ вырабатывался лишь путемъ постепеннаго развитія, то попытки установить этотъ моментъ не имѣютъ значенія. Періодъ времени, отдѣляющій насъ отъ пліоцена—послѣдняго яруса третичнаго періода, къ которому можно отнести «первыхъ людей»,—составляетъ всего лишь пятнадцатую часть общей суммы всѣхъ періодовъ исторіи земли, представленныхъ окаменѣлостями, и едва одну пятидесятую всего времени, протекшаго съ возникновенія на землѣ органической жизни.

Ближайшими нашими родственниками современная наука считаетъ высшихъ млекопитающихъ. Въ особенности, анатомія и эмбриологія устанавливаютъ несомнѣнную связь этихъ животныхъ формъ съ низшей стадіей въ развитіи нашего рода; если же до послѣдняго времени не хватало ископаемыхъ формъ для того, чтобы установить

последовательный переходъ между ними, то это отнюдь не должно смущать насъ: вѣдь къ подобнаго рода свидѣтельствамъ стали обращаться лишь съ весьма недавняго времени, и изслѣдованія производились пока на сравнительно небольшомъ пространствѣ земной поверхности.

Въ физическомъ, психическомъ и нравственномъ отношеніяхъ и животное достигаетъ уже значительной высоты развитія. Всѣ тѣлесные органы, которыми мы обладаемъ, постепенно сформировались еще у животныхъ и съ трудомъ вырабатывались въ борьбѣ за существованіе, какъ необходимыя приспособленія къ вѣшнимъ условіямъ жизни. То же самое наблюдается и въ явленіяхъ жизни духовной. Чѣмъ выше организація, тѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе ея реакція (отвѣтъ) на вѣшнее раздраженіе. Это «проявленіе» раздражимости или способности ощущенія существуетъ уже у самыхъ низшихъ животныхъ и, по существу, оказывается лишь слѣдствіемъ чрезвычайно легкой разлагаемости химическихъ соединеній составляющаго ихъ вещества. Изъ скопленія нервныхъ клѣтокъ образуется мозгъ, который затѣмъ, сообразно съ потребностью, увеличивается въ объемѣ. Гипсовые слѣпки съ череповъ вымершихъ видовъ животныхъ свидѣлствуютъ, что всѣ они отличались удивительно маленькимъ объемомъ мозга.—Не слѣдуетъ оцѣнивать слишкомъ низко и моральное развитіе высшихъ животныхъ. Материнская любовь является послѣдственнымъ инстинктомъ у тѣхъ видовъ животныхъ, для продолженія рода которыхъ требуется забота о потомствѣ. Равнымъ образомъ, вслѣдствіе полезности ихъ, развиваются, а затѣмъ и удерживаются зачатки семьи и общества, общественные пороки (какъ тиеславіе, властолюбіе) и общественныя добродѣтели (какъ великодушіе, вѣрность).

Первый проблескъ специфически-человѣческаго видимъ мы въ вертикальномъ положеніи тѣла. Въ то время какъ обезьяны—за исключеніемъ лишь павіановъ—живутъ на деревьяхъ и прекрасно лазаютъ, первые люди жили въ скалистой, безлѣсной мѣстности. У обезьянъ и переднія, и заднія конечности служатъ для одного и того же назначенія: для хватанья и лазанья; даже человекообразныя обезьяны въ вертикальномъ положеніи могутъ пройти — да и то съ громаднымъ напряженіемъ—лишь весьма небольшое разстояніе. Въ этомъ различіи сказывается превосходство тѣлеснаго строенія человека; и какъ скоро ребенокъ перестаетъ пользоваться руками для передвиженія, онъ достигаетъ уже высокой ступени развитія.

Высшее мѣсто въ лѣстницѣ живыхъ существъ занимаетъ такой организмъ, каждый органъ котораго имѣетъ отдѣльныя спеціальныя функціи; у существъ же низшаго порядка одинъ и тотъ же органъ служить для самыхъ различныхъ отпращиваній. Такъ, на примѣръ, мы поль-

зуюсь челюстями лишь для размельчанія пищевыхъ продуктовъ, между тѣмъ какъ другимъ животнымъ онѣ служатъ и какъ органы хватанія, и для защиты отъ враговъ, а нѣкоторымъ птицамъ даже какъ органъ движенія. Въ этомъ раздѣленіи труда между отдѣльными органами, въ этой дифференціаціи (разграниченіи) ихъ функцій заключается значительный прогрессъ. Нѣчто аналогичное видимъ мы и въ совершавшемся въ послѣдствіи раздѣленіи—орудій и оружія, украшеній и одежды. Съ той же точки зрѣнія можно разсматривать и тотъ фактъ, что варварскіе народы, какъ, напримѣръ, наши предки, жившіе въ сѣверной странѣ и находившіеся въ неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, приготовляли пиво изъ хлѣбныхъ растений и довольствовались жиромъ животныхъ; тогда какъ болѣе цивилизованные южные народы относились съ пренебреженіемъ и къ пиву, и къ животнымъ жирамъ, опьяняющіе же напитки и приправу для пищи получали изъ плодовъ виноградной лозы и масличнаго дерева—этихъ типичныхъ представителей болѣе высокой культуры.

Первобытный человекъ могъ свободно пользоваться руками и въ особенности кистями рукъ, какъ органами осязанія и орудіями для работы. Благодаря вертикальному положенію тѣла, онъ могъ свободно озирать окрестность; голова его становится болѣе подвижной; зрѣніе получаетъ первенствующее значеніе среди органовъ чувствъ, тогда какъ прежде несомнѣнно преобладали обоняніе и слухъ. Грудь, освобожденная отъ того давленія, которое производили на нее внутренности, благопріятствуетъ развитію органа рѣчи. А какое огромное вліяніе оказываетъ способность рѣчи на развитіе мышленія,—трудно даже себѣ и представить. Благодаря дару рѣчи, духовное содержаніе человека не только передается имъ по наслѣдству своимъ потомкамъ, но можетъ быть также непосредственно сообщено окружающимъ. Человекъ, какъ замѣтили еще древніе философы, наиболѣе отличается отъ животнаго способомъ воспріятія предметовъ внѣшняго міра и тѣмъ, что остается у него отъ этихъ воспріятій, т.-е. способностью представленія и воспоминанія. Въ зависимости отъ этого, дѣйствія его все болѣе и болѣе утрачиваютъ характеръ непосредственныхъ рефлексовъ (отраженій) на внѣшнія раздраженія, но являются уже результатомъ его собственной душевной жизни.

Въ это же время и общежительныя наклонности человека начинаютъ проявляться въ своемъ истинномъ значеніи. При жизни ордой эгоистическія побужденія, вредныя для интересовъ цѣлаго, должны были все больше и больше подавляться, въ особенности и прежде всего у женщины. Уже на низшихъ ступеняхъ развитія возникаетъ у человека чувство долга въ видѣ глухого, неяснаго сознанія такъ назыв. велѣній совѣсти. Благодаря тому, что при воинственномъ образѣ

жизни особенно рѣзко выступаютъ личныя качества и дѣянія, по-
чему-либо наиболѣе выдающіяся или наиболѣе полезныя для цѣлаго,
въ ордѣ возникаютъ, мало-по-малу, различія въ социальномъ положеніи
ея членовъ; дифференцируются три основныхъ общественныхъ эле-
мента: король, знать и народъ.

Наука народовѣднія различаетъ нѣсколько человѣческихъ расъ,
но въ высокой степени вѣроятно, что всѣ онѣ произошли отъ одного
первоначальнаго типа. Благодаря постоянному отбору незначительныхъ
измѣненій, возникавшихъ частью случайно, частью подъ влияніемъ раз-
личныхъ климатическихъ условій, первоначально-единный типъ развился
въ нѣсколько разновидностей. Единство и существенное сходство всего
человѣческаго рода (моногоенетическое воззрѣніе) являются однимъ изъ
основныхъ положеній антропологии. Широко проведенное сравнительное
ислѣдованіе показало, что человѣкъ повсюду руководился одними и
тѣми же внутренними побужденіями и даже повсюду проходилъ въ
своемъ развитіи черезъ одни и тѣ же странныя заблужденія.

Какая же страна была колыбелью человѣческаго рода, гдѣ мѣсто
его первоначальнаго обитанія? По этому вопросу взгляды ученыхъ спе-
циалистовъ значительно расходятся. Выборъ ихъ колеблется между
Сѣверной Америкой, Европой, южной Азіей и Австраліей; такимъ
образомъ, ихъ указанія передвигаются по діагональному поясу, чуть ли
не черезъ всю карту земного шара. Гдѣ бы ни находилась, однако,
первоначальная родина человѣчества, во всякомъ случаѣ, для рассе-
ленія по всей землѣ человѣкъ долженъ былъ совершить продолжи-
тельныя странствованія. Это были не быстрыя путешествія или пере-
селенія по заранѣе обдуманному плану, а медленныя передвиженія съ
частыми и долгими остановками. Подвигаясь куда-то впередъ, безъ
опредѣленной цѣли, первобытный человѣкъ руководился въ выборѣ
пути извѣстнымъ теченіемъ рѣкъ или изгибами морского берега, и
лишь весьма рѣдко предпринималъ переходы черезъ горные хребты
или переправу черезъ значительныя рѣки и озера. Грубые первобыт-
ные народы были гораздо менѣе взыскательны и гораздо болѣе вы-
носливы, чѣмъ мы, и къ тому же ни мало не смущались высокимъ
процентомъ смертности. Случалось, что въ этихъ странствованіяхъ
гибли цѣлыя племена—всѣ до единого человѣка; но за ними слѣдо-
вали другія, быть-можетъ, лучше приспособленныя къ невзгодамъ
пути,—и ярость грозныхъ стихій притуплялась въ борьбѣ съ упрямой
волей человѣка, этого могущественнѣйшаго созданія природы.

Насколько различны особенности природы въ разныхъ странахъ
земного шара, настолько же различны и судьбы человѣческихъ группъ,
которыя избрали ихъ своимъ временнымъ или постояннымъ мѣстопре-
бываніемъ. Географическое положеніе, характеръ поверхности и строе-

міе почвы различныхъ частей свѣта и отдѣльныхъ областей (въ связи съ особенностями, прибрѣтенными ихъ обитателями еще въ мѣстахъ ихъ первоначальнаго поселенія) опредѣляли судьбы населенія. Страны съ мягкимъ климатомъ, съ плодородною и удобною для сообщеній почвою, отдѣленныя хорошими естественными границами отъ сосѣднихъ областей и въ то же время достаточно обширныя для совместной жизни большого числа людей въ одинаковыхъ условіяхъ, являются древнѣйшими центрами высшей культуры. Таковы области, расположенныя по бассейнамъ большихъ рѣкъ: такъ, Египетъ, Месопотамія, Остъ-Индіа и Китай рано выдѣлились среди окружающихъ ихъ малокультурныхъ странъ. Въ Новомъ Свѣтѣ Мексика и Перу опередили въ своемъ развитіи индѣйскія области на сѣверѣ и на югѣ; а въ Европѣ долина По, долины еракійскихъ рѣкъ, а также долины Гаронны и Луары раньше другихъ восприняли начала высшей культуры и болѣе мягкіе нравы. Лежащія по сосѣдству съ ними страны, природныя условія которыхъ, на первый взглядъ, кажутся менѣе благоприятными, въ послѣдствіи нерѣдко играютъ весьма значительную роль во всемірной исторіи, хотя на долю ихъ обитателей выпадаетъ не мало борьбы и труда. Но именно эта-то борьба, закаляя ихъ и подготавливая къ выполненію высшихъ культурныхъ задачъ, особенно благоприятно отражается на ихъ дальнѣйшей судьбѣ. Къ числу такихъ странъ относятся, на примѣръ, Финикія и Элада, Англія и сѣверная Германія, Скандинавія, Сѣверная Америка, Малайскій архипелагъ, Японія.

Между общей родиной человѣчества и мѣстомъ теперешней осѣлости отдѣльныхъ племенъ находятся мѣстные центры расселенія послѣднихъ, т.-е. области, гдѣ отдѣльныя человѣческія расы или же болѣе мелкія племенные группы уже настолько выработали свой духовный и физическій типъ, что мы должны были бы и въ ту отдаленную пору признать ихъ самостоятельными членами обще-человѣческой семьи. Области первоначальнаго коренного поселенія и страны, нынѣ обитаемыя тѣмъ или инымъ народомъ, нерѣдко въ извѣстной мѣрѣ совпадаютъ; иногда же первыя бываютъ такъ же мало извѣстны намъ, какъ и мѣсто первоначальнаго появленія человѣка. Такъ, первоначальную родину арійцевъ искали въ различныхъ областяхъ Европы и Азіи; родина семитовъ также вызываетъ не мало сомнѣній.

Трудно съ увѣренностью провести пограничную черту, отдѣляющую одну отъ другой главныя племенные группы обще-человѣческой семьи, которыя принято называть расами. Тѣ дѣленія на расы, которыя выставлялись до сихъ поръ, могутъ имѣть значеніе лишь какъ предварительныя, ибо указываютъ только наиболѣе бросающіяся въ глаза различія. Такъ, Линней, по числу главныхъ частей свѣта, различаетъ четыре расы: американцевъ, европейцевъ, азіатовъ и афри-

канцевъ, которымъ онъ приписываетъ различные темпераментъ и цвѣтъ кожи, характеръ и обычаи. Блуменбахъ насчитываетъ пять расъ: мѣднокрасные американцы, бѣлые и краснощекіе кавказцы (европейцы), желтокожіе монголы, каштановокоричневые малайцы и бурочерные эвопы. При этомъ онъ обращаетъ также вниманіе и на строеніе черепа. Другіе же, какъ напр. Гексли, основывали свои системы исключительно на морфологическихъ особенностяхъ (т.-е. на особенностяхъ въ строеніи тѣла), причемъ весьма существенное значеніе придавали строенію волосъ. Насколько мало можно полагаться на языкъ, культуру и мѣстожителство, видно уже при самомъ поверхностномъ взглядѣ на негровъ Сѣверной Америки, которые говорятъ на англійскомъ языкѣ и носятъ европейское платье. Населеніе Европы также не является единымъ по своему происхожденію, хотя въ настоящее время говоритъ, большею частью, на арійскихъ (индо-германскихъ) языкахъ.

Отличительные признаки человѣческой культуры.

Несмотря на то, что весьма многое сближаетъ человѣка съ животнымъ, точная наука принуждена признать въ человѣкѣ,—даже на той низшей ступени, на которой она впервые знакомится съ нимъ,—цѣлый рядъ отличающихъ его признаковъ высшаго порядка. Къ числу такихъ первоначальныхъ преимуществъ человѣка принадлежитъ прежде всего языкъ. Существованіе первобытнаго человѣка, не обладающаго даромъ рѣчи (*alalus*), является не болѣе какъ гипотезой эволюціонной теоріи. «Языкъ животныхъ» передаетъ лишь непосредственное воспріятіе, человѣческая же рѣчь воспроизводитъ также и ранѣе усвоенное. Возстановить первобытный человѣческій языкъ мы не въ силахъ; да и весьма позволительно усомниться въ томъ, чтобы для всего человечества дѣйствительно существовалъ когда-либо одинъ общій языкъ.

Въ настоящее время человечество можетъ быть раздѣлено по строенію рѣчи на нѣсколько большихъ группъ. Различаютъ: односложные языки—напримѣръ, языкъ китайцевъ, въ которомъ слова состоятъ изъ неизмѣняющихся корней; затѣмъ, языки агглютинирующіе (приставочные), въ которыхъ смыслъ рѣчи опредѣляется болѣе тожно при помощи приставокъ (суффиксовъ), присоединяемыхъ къ корню, остающемуся неизмѣннымъ—какъ это дѣлается въ урало-алтайскихъ нарѣчіяхъ; суммирующіе, въ которыхъ, какъ, напр., въ нарѣчіяхъ туземцевъ Америки, весьма сложныя мысли выражаются всего однимъ составнымъ словомъ; и, наконецъ, языки флективные, т.-е. обладающіе флексіями,—какъ, напр., различныя нарѣчія арійскаго и семитическаго племени, являющіяся, по своему строенію, высшею

ступеню въ развитіи языка. Здѣсь корень служитъ какъ драгоценный, но, самъ по себѣ, мертвый матеріалъ, которымъ искусно пользуются для выраженія различныхъ оттѣнковъ мысли, присоединяя къ нему различные окончанія или подвергая его самого внутреннимъ измѣненіямъ.

Вначалѣ человѣческій языкъ былъ, вѣроятно, чрезвычайно бѣденъ словами. Къ такому заключенію приводитъ насъ цѣлый рядъ фактовъ, какъ-то: отсутствіе въ нарѣчіяхъ многихъ дикихъ народовъ именъ для означенія высшихъ числительныхъ; недостатокъ словъ для выраженія общихъ родовыхъ понятій—какъ, напр., «животное», «дерево» — даже въ такихъ языкахъ, гдѣ для означенія отдѣльных видовъ животныхъ и растеній имѣется цѣлое множество названій. На то же указываетъ и незначительный запасъ словъ, которымъ располагаютъ низшіе классы населенія даже въ европейскихъ странахъ, и который составляетъ обыкновенно лишь незначительную часть всего богатства даннаго языка. На основаніи этихъ же фактовъ можно также заключить, что человѣческая рѣчь все болѣе развивается по мѣрѣ того, какъ задачи ея становятся выше и сложнѣе, содержаніе богаче, а способъ выраженія все совершеннѣе.

Но какъ нельзя представить себѣ, чтобы первобытный человѣкъ совсѣмъ не владѣлъ рѣчью, точно такъ же нѣтъ основаній допускать, чтобы онъ даже въ самыя отдаленнѣйшія времена былъ совершенно чуждъ религіи. Религіозные запросы присущи человѣку съ первыхъ моментовъ его существованія; религія является для него столь же необходимою, представляетъ столь же непреодолимую потребность его духа, какъ потребность общенія съ себѣ подобными посредствомъ рѣчи и стремленіе украшать свое тѣло. Первое, что заставляетъ человѣка задаваться вопросомъ о причинахъ явленій, есть желаніе получить власть надъ самымъ ходомъ этихъ явленій; таковы, по крайней мѣрѣ, первоначальныя цѣли, которыя ставитъ себѣ познаніе. Неспособный къ спокойному, безстрастному наблюденію, первобытный человѣкъ склоненъ въ случайномъ совпаденіи двухъ событій, въ послѣдовательности явленій, не имѣющихъ никакой внутренней связи, усматривать ту причинную зависимость, которую онъ именно и стремится постигнуть. Во всякомъ явленіи онъ усматриваетъ результатъ дѣятельности особаго дѣятеля, и на послѣдняго-то онъ и старается вліять въ своихъ интересахъ. Такимъ образомъ, приходитъ онъ къ одухотворенію неодушевленной природы. А такъ какъ у невѣжественнаго человѣка вѣра слагается весьма быстро, то—вмѣсто того, чтобы держаться за конецъ длинной цѣпи причинъ, первымъ и начальнымъ звеномъ которой явится для него единый Творецъ всѣхъ вещей—онъ попадаетъ въ какой-то хороводъ духовъ, тѣснымъ кольцомъ окружающій его со всѣхъ сторонъ, и оказывается рабомъ своего собственного безпорядочнаго воображенія.

Изъ этого печальнаго состоянія духа — которое въ нашъ просвѣщенный вѣкъ кажется жалкимъ суевѣріемъ — выводитъ человѣка стремленіе къ болѣе совершенному познанію окружающихъ его силъ; стремленіе это является, такимъ образомъ, источникомъ умственнаго прогресса. Отъ грубаго фетишизма переходитъ онъ къ поклоненію силамъ, дѣйствіе которыхъ непосредственно наблюдаетъ: къ поклоненію водѣ, огню, животнымъ. Затѣмъ, постепенно облагораживаясь, религія его превращается въ культъ небесныхъ свѣтилъ; наконецъ, онъ познаетъ единаго Бога, въ сферѣ еще болѣе возвышенной, лежащей за предѣлами какаго бы то ни было научнаго изслѣдованія.

У животныхъ мы видимъ лишь такую форму общественной жизни, которая опирается на инстинктъ, — жизнь стадомъ; человѣческое общество покоится на болѣе прочномъ основаніи — на семьѣ. Къ семьѣ восходитъ по своему происхожденію и государство; изъ семьи возникаетъ родъ, а затѣмъ и племя, строящее свою жизнь уже на началахъ правовой организаціи. Развивается понятіе собственности, неизвѣстное животнымъ и въ высокой степени полезное для человѣка, ибо за предѣлами непосредственно переживаемаго оно открываетъ передъ нимъ возможность обезпеченнаго существованія въ будущемъ. Жизнь въ племени и въ государствѣ даетъ человѣку возможность съ пользою проявить присущую ему потребность въ подчиненіи. Свои религіозные интересы онъ также съ успѣхомъ переводитъ на общественную почву — древнѣйшими богами, которые дѣйствительно заслуживали б.м. этого имени, являются боги племени (умершіе короли) или же боги семьи (предки). Происходящее въ государствѣ дѣленіе на сословія ведетъ къ раздѣленію труда и порождаетъ соревнованіе отдѣльных членовъ въ борьбѣ за власть и почетъ. При осѣдомъ образѣ жизни сознаніе принадлежности къ своему племени укрѣпляется благодаря привязанности къ привычному мѣсту жительства, къ отечеству: ибо человѣкъ сживается со всѣмъ окружающимъ такъ, какъ никогда не можетъ сжиться животное. Онъ чувствуетъ потребность въ солидарности съ подобными ему существами; духовное одиночество, въ которомъ животное проводитъ всю свою жизнь, для него совершенно невыносимо.

Что касается матеріальной стороны жизни, то на первобытной ступени существованія человѣкъ живетъ тѣмъ, что находитъ сѣдобнаго среди окружающей его природы, не ограничиваясь специально растительною пищею, но собирая все, что можетъ удовлетворить его голодъ; другимъ существеннымъ источникомъ пропитанія является для него охота. Но при первыхъ же шагахъ къ высшимъ ступенямъ культуры онъ обращается къ болѣе надежнымъ приемамъ пріобрѣтенія нужныхъ ему растений и животныхъ, а именно заводитъ стада и на-

чинает обрабатывать поля и, такимъ образомъ, переходить къ двумъ важнѣйшимъ способамъ пропитанія: скотоводству и земледѣлію, что является уже значительнымъ шагомъ впередъ по пути культурнаго развитія. Общительная натура человѣка еще въ очень раннюю эпоху побуждаетъ его сдѣлать и животныхъ своими сожителями по хижинѣ или шатру, товарищами игръ своихъ дѣтей и участниками своихъ досуговъ. Приручая пойманнаго молодого звѣря, онъ приучалъ его повсюду слѣдовать за семьей хозяина и, такимъ образомъ, давалъ ему обезпеченное существованіе, иначе недоступное животнымъ. Изъ всѣхъ животныхъ собака первая сдѣлалась спутникомъ и помощникомъ человѣка въ охотѣ, а потомъ и сторожемъ его стадъ. Въ земледѣліи мы видимъ такой же постепенный переходъ отъ простаго собиранія готовыхъ даровъ природы къ созданію цѣлой искусственной системы, посредствомъ которой человѣкъ приумножилъ источники этихъ даровъ природы и завладѣлъ ими. Такимъ образомъ, онъ былъ обезпеченъ на будущее время: естественныя богатства почвы изъ нѣдръ земли переходили въ амбары земледѣльца. Даже бродячія племена становятся осѣдлыми на время созрѣванія нѣкоторыхъ плодовъ и, подобно земледѣльцамъ, справляютъ праздники жатвы. Позднѣе начинаютъ собирать сѣмена дико растущихъ растений и дѣлаютъ изъ нихъ запасы, которые и возятъ съ собою при передвиженіяхъ съ мѣста на мѣсто. Благодаря этому хлѣбныя злаки разныхъ сортовъ и другія полезныя растенія получаютъ широкое распространеніе.

Первыя земледѣльческія орудія настолько примитивны, что въ настоящее время мы едва ли сумѣли бы при помощи ихъ чего-нибудь добиться. Впрочемъ и примѣняли ихъ въ тѣ времена, совсѣмъ иначе, чѣмъ мы примѣняемъ наши усовершенствованныя земледѣльческія машины. Обработка полей находилась въ рукахъ женщинъ. Сѣмена старательно разбрасывались по поверхности того участка земли, который окружалъ жилище семьи; когда же жатва была снята, обработанный участокъ покидался, какъ уже не имѣющій цѣны, и племя передвигалось дальше.

Уже въ древнѣйшія времена человѣкъ былъ знакомъ съ употребленіемъ огня, котораго животные боятся и отъ котораго даже обращаются въ бѣгство. Человѣкъ научается добывать огонь, а вѣдь огонь является, въ извѣстномъ смыслѣ, отцомъ всей высшей цивилизаціи. Онъ благопріятствуетъ общежительнымъ наклонностямъ человѣка; огонь домашнего очага служитъ источникомъ радостей, а также и незаменимымъ помощникомъ во всѣхъ искусствахъ и ремеслахъ. Силою огня пользуются не только для приготовленія пищи, но и для расчистки лѣсныхъ участковъ подъ запашку, и для выжиганія древесныхъ стволовъ подъ чалноки, и для заостренія коши и кольевъ; посредствомъ

того же огня охраняють себя отъ нападенія хищниковъ, загоняють дичь подъ стрѣлы охотника, преодолеваютъ и дѣлають мягкимъ упругимъ металлъ.

При постоянномъ употребленіи огня оказывалось необходимымъ вырывать ямы или устраивать какія-нибудь прикрытія отъ вѣтра, дабы защищенное такимъ образомъ пламя могло спокойно горѣть. Такъ возникли первыя убѣжища, къ созданію которыхъ побуждали человѣка и многія другія нужды и опасности. Когда сильная непогода принуждала его искать пристанища—въ зависимости отъ характера мѣстности—въ дуплѣ дерева или же въ горной пещерѣ, то эти гостепріимныя убѣжища, предоставленныя ему природою или случаемъ, полагали начало дальнѣйшему развитію въ этомъ направленіи, — развитію, первые шаги котораго сводились къ подражанію той же природѣ. Сплетая вѣтви деревьевъ и кустарниковъ, человѣкъ искусственно увеличивалъ и укрѣплялъ естественный кровъ, даваемый ему лѣсомъ; складывая кучи изъ камней, закрывалъ ими входъ въ пещеру или даже создавалъ пѣкоторое подобіе искусственнаго грота. Точно также вмѣсто того, чтобы пользоваться естественной оградой свободно растущихъ деревьевъ, первобытные люди стали искусственно вбивать въ землю колья, которые образовали собою остоу шалаша; причемъ, если колья сходились кверху въ видѣ конуса и связывались прутьями, получалась круглая хижина или шалашъ; если же ихъ вбивали въ землю подъ прямымъ угломъ и, положивъ на нихъ поперечныя балки, дѣлали еще особую крышу, то получалась четырехугольная хижина. Въ круглой хижинѣ или шалашѣ стѣны и крыша представляютъ одно нераздѣльное цѣлое. Чтобы имѣть возможность стоять выпрямившись въ такой хижинѣ, въ землѣ дѣлали углубленіе, въ серединѣ котораго находился очагъ. Такого рода хижины или шалаши можно было строить лишь въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы они не подвергались внезапному напору воды во время ливней, т.-е. на возвышенностяхъ. Въ мѣстностяхъ, подверженныхъ наводненіямъ, предпочитали свайныя постройки, которыя стояли не на землѣ, а на нѣсколько приподнятомъ надъ землею помостѣ. Такъ какъ жить безъ воды невозможно, и непосредственная близость ея представляетъ значительныя удобства, то человѣкъ скоро научился строить такого рода хижины по берегамъ озеръ и рѣкъ, а иногда даже и въ водѣ. Такимъ образомъ, обитатель «свайныхъ построекъ» жилъ надъ самою водною стихіею, находясь въ то же время весьма недалеко отъ берега.

Весьма любопытнымъ является для насъ тотъ фактъ, что одежда, въ первобытномъ состояніи, служить человѣку не столько для защиты своего тѣла отъ вѣшнихъ вліяній или же для огражденія чувства стыдливости, сколько для удовлетворенія потребности украсить свое

тѣло посредствомъ всевозможныхъ внѣшнихъ придатковъ. Такимъ образомъ, происхожденіе одежды обусловлено, главнымъ образомъ, потребностью въ украшеніи. Эта потребность и понынѣ настолько сильна у большинства людей, что успѣхъ имѣютъ только тѣ костюмы (моды), которые украшаютъ человѣческое тѣло или, по крайней мѣрѣ, должны были бы, по общему мнѣнію, украшать его. Эта черта также является однимъ изъ отличій человѣка отъ животнаго; тѣмъ болѣе, что особенностями, посредствомъ которыхъ человѣкъ старается подчеркнуть свою индивидуальность, оказываются въ значительной степени произвольными. Первобытный человѣкъ стремится прежде всего зарекомендовать себя внѣшнимъ образомъ; поэтому онъ позволяетъ себѣ сравнительно гораздо болѣе роскошь, чѣмъ богатый человѣкъ культурной эпохи. Основываясь на этомъ, культурный человѣкъ въ своихъ сношеніяхъ съ дикаремъ издавна пользуется дешевыми, но блестящими побрякушками какъ драгоценными приманками.

Рис. 1. Кольца, игравшія роль денегъ въ бронзовый вѣкъ (Моравія).

Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у первобытныхъ народовъ украшенія, но болѣе части, гораздо разнообразнѣе и богаче и гораздо болѣе распространены, чѣмъ одежда. «Дикарь» при своемъ появленіи нерѣдко оскорбляетъ наши представленія о стыдливости, хотя, на дѣлѣ, весьма многое въ темнокожемъ человѣкѣ оказывается вовсе не такъ уже невыносимо для нашихъ глазъ, какъ это принято думать на основаніи описаній. Никогда не нарушить дикарь того правила, что ни одинъ человѣкъ не долженъ выходить безъ украшеній; ибо украшенія служатъ знаками отличія, а на начальныхъ ступеняхъ культуры никто не хочетъ показаться безъ внѣшнихъ знаковъ отличія. Къ тому же украшенія представляютъ собою богатство, ибо нерѣдко оказываются единственнымъ имуществомъ обладающаго ими дикаря. Обиліе украшеній равняется полной кассѣ, такъ какъ наиболѣе распространенныя изъ нихъ являются деньгами, на которыя можно вымѣнивать другіе болѣе необходимые предметы. А, между тѣмъ, такого рода цѣнности нигдѣ не могутъ быть въ болѣе безопасности, чѣмъ на тѣлѣ самого владѣльца. Поэтому древнѣйшія—изъ извѣстныхъ намъ—европейскія деньги (рис. 1) представляютъ собою просто кольца, и только по пропорціональности вѣса отдѣльныхъ, найденныхъ вмѣстѣ, колецъ, а также на основаніи того, что всѣ они были нанизаны на одно общее кольцо, какъ бы замѣнявшее кошелекъ, можно заключить, что кольца эти играли роль денежныхъ знаковъ,

Но, кромѣ этихъ снимающихся украшеній, есть еще и другія, а именно узоры, которыми человекъ украшаетъ свою кожу посредствомъ раскрашиванія или надрѣзыванія. Героически переносить «дикарь» боль, причиняемую татуировкою, чтобы затѣмъ щеголять пестрыми надрѣзами и арабесками на груди и плечахъ, рукахъ и ногахъ. Украшенія эти не представляютъ матеріальной цѣнности, такъ какъ не могутъ быть орудіями обмѣна, но зато они имѣютъ особое, болѣе высокое значеніе, хотя и служатъ лишь внѣшнимъ отличіемъ. Рисунки и надрѣзы на кожѣ указываютъ, къ какому племени и роду принадлежить ихъ обладатель, въ какихъ битвахъ онъ участвовалъ, сколько враговъ умертвилъ, сколько родственниковъ похитила у него смерть, а также и многія другія личныя отношенія.

Но не одна только кожа служитъ матеріаломъ для занесенія этихъ первыхъ свидѣтельствъ человѣческаго тщеславія. Ради подобныхъ же цѣлей употребляютъ въ различныхъ мѣстахъ земного шара самые различные приемы: искусственно подниваютъ или совсѣмъ выбиваютъ передніе зубы, отрубаютъ нѣкоторые суставы пальцевъ, прокалываютъ губы, носъ и мочки ушей и уродуютъ ихъ, вставляя въ проколы разныя безобразныя побрякушки, убираютъ особымъ образомъ волосы и дѣлаютъ изъ нихъ причудливыя шиньоны или странныя зубчатыя короны. Все это и многое другое въ этомъ же родѣ, конечно, представляетъ множество затрудненій и неудобствъ. Но человекъ охотно подвергаетъ себя этимъ неудобствамъ такъ же, какъ и тѣмъ стѣсненіямъ, которыя причиняютъ нѣкоторые модные и національные наряды, если только этимъ путемъ достигается его цѣль — выдѣлиться, въ качествѣ отдѣльной личности или въ качествѣ члена цѣлой группы избранныхъ, среди чуждыхъ ему и непохожихъ на него людей. Простекаетъ же это изъ тѣхъ же представленій, въ силу которыхъ нѣкоторые народы лишь самихъ себя именуютъ «людьми», а по отношенію къ иноплеменикамъ примѣняютъ другія уничижительныя названія. Такимъ образомъ, украшеніе и одежда, являясь отличіемъ человека отъ животнаго, столь тѣсно соприкасаются между собою, что почти невозможно указать, гдѣ одно переходитъ въ другое. То же самое можно сказать и относительно орудій и оружія. Каменный топоръ дикаря отточенъ—и онъ рубить имъ и голову врага, и стволъ дерева; а заостренная стрѣла охотника одинаково разить и чужеземца, и лѣснаго звѣря. Мирная работа и война еще не представляются столь противоположными, какъ въ наше время; и первобытный человекъ одними и тѣми же приспособленіями пользуется какъ для того, такъ и для другого.

Если человекъ—столь мало одаренный отъ природы естественными средствами нападенія и защиты — не только сумѣлъ отстоять

себя въ борьбѣ за существованіе, но даже достигъ господства надъ царствомъ животныхъ, то онъ обязанъ этимъ той способности, которую опредѣляютъ какъ способность «проектированія органовъ». Слабый тѣлесно, но сильный духомъ, онъ обратился къ природѣ и въ ней нашелъ средства восполнить недостатки своихъ органовъ и увеличить свои силы. Подражая функціямъ своего собственнаго тѣла, человѣкъ какъ бы продолжалъ во внѣ дѣятельность отдѣльныхъ своихъ органовъ. Такъ, рука и кулакъ являются первообразомъ дубины; отдѣльный

Рис. 2. Плоскій мѣдный топоръ (свайная постройка на Момдаее).

зубъ и полная зубовъ челюсть послужили какъ бы первоначальною моделью долота и пилы, а палецъ съ заостреннымъ ногтемъ—бурава и скребка. За первыми орудіями послѣдовалъ безкопечный рядъ другихъ—какъ рабочихъ, такъ и военныхъ—разныхъ типовъ: деревянныхъ, костяныхъ и роговыхъ, каменныхъ и, наконецъ, металлическихъ; при этомъ каждая форма порождала многочисленные ряды родственныхъ ей, но усовершенствованныхъ инструментовъ, вплоть до изумительныхъ машинъ нашего времени, которыя на первый взглядъ совершенно не допускаютъ возможности происхожденія отъ столь простыхъ предковъ.

Несомнѣнно, что наравнѣ съ идеальнымъ принципомъ проектированія органовъ рѣшающее вліяніе на форму различныхъ орудій и оружій должны были имѣть также и свойства матеріала, изъ котораго они изготовлялись. Этимъ объясняется упрощенность типа древнѣйшихъ человѣческихъ издѣлій (произведеній рукъ человѣческихъ), которыя для непривычнаго глаза мало чѣмъ отличаются отъ самыхъ обыкновенныхъ осколковъ, обломковъ и глыбъ камня. Вліяніе свойствъ первоначальнаго матеріала на форму орудій сказывается даже и тогда, когда человѣкъ уже перешелъ къ обработкѣ болѣе совершенныхъ матеріаловъ. Такъ, на примѣръ, старинная форма плоскаго каменнаго топора въ теченіе многихъ столѣтій воспроизводится и изъ бронзы и желѣза, лишь съ небольшими усовершенствованіями; да, впрочемъ, и всѣ тѣ усовершенствованія, которыя вызваны были необходимостью болѣе легкаго и прочнаго скрѣпленія и болѣею пластичностью металловъ, непосредственно примыкаютъ къ простѣйшимъ типамъ первобытныхъ орудій. Рис. 2 изображаетъ мѣдный топоръ

изъ свайныхъ построекъ на Лунномъ озерѣ (Мондзее) изъ неолитической (новокаменной эпохи), который лишь нѣсколько болѣе широкой лезвиемъ отличается отъ плоскаго каменнаго топора той же эпохи.

Такому топору соотвѣтствуютъ колѣнчато-изогнутая деревянная рукоятка (какъ на рис. 3), въ расщепленный болѣе короткій рукавъ которой можно было съ одинаковымъ удобствомъ вставлять какъ каменный, такъ и металлическій клинокъ.

Первоначально металлическое лезвие имѣло по краямъ выкованные или литыя боковыя пластинки, которыя въ типѣ «пальштаба» (Paalstave, отъ rall—лопата) развиваются въ загнутыя крылья или лопасти (рис. 4), цѣликомъ или отчасти обхватывающія расщепленный конецъ рукоятки. На изображенномъ здѣсь экземплярѣ еще можно замѣтить воспроизведенный въ бронзѣ болѣе древній способъ прикрѣпленія посредствомъ веревки.

Рис. 3. Деревянная рукоятка отъ пальштаба (Галльштаттъ).

Рис. 5 изображаетъ такъ назыв. полный «цельтъ», у котораго нерасщепленный конецъ рукоятки вставленъ во влагалище, образуемое верхнею частью клинка. Здѣсь мы имѣемъ другой видъ замѣны первоначальнаго способа прикрѣпленія, а именно замѣну веревокъ болѣе прочнымъ матеріаломъ. Оба эти экземпляра (рис. 4 и 5) найдены въ галльштаттскомъ могильномъ полѣ (въ Верхней Австріи) и, слѣдовательно, относятся уже къ началу желѣзнаго вѣка.

На рис. 6 изображенъ экземпляръ болѣе поздней эпохи, отверстіе котораго открыто назадъ, такъ что получается своего рода промежуточная форма между пальштабомъ и полнымъ цельтомъ. Этотъ типъ характеренъ для второй до-исторической эпохи желѣзнаго вѣка, для такъ назыв. латѣнской стадіи, а изображенный экземпляръ найденъ въ самой Ла-Тѣни (La Tène въ Швейцаріи, на Невшательскомъ озерѣ)—наиболѣе знаменитомъ мѣстонахожденіи этой эпохи. Въ той же мѣстности попадались, хотя и значительно рѣже, топоры, сдѣланные на подобіе нашихъ, т.-е. такіе, у которыхъ обухъ просверленъ, чтобы прямо вставлять въ него топориче. Топоры изъ болѣе мягкихъ сортовъ камня, приближающіеся по формѣ къ молотамъ, появляются уже въ позднѣйшихъ стадіяхъ неолитическаго періода, но встрѣчаются также, хотя лишь по исключенію и болѣею частью въ формѣ топорковъ, служившихъ для украшенія, и въ древнѣйшіе металлические періоды.

Встрѣчая экземпляръ, подобный изображенному на рис. 7, сдѣланный изъ камня (слѣдуетъ обратить вниманіе на особую форму

влагалища, рассчитанного на слабое топориче), мы не должны поддаваться искушению на основании материала отнести этот предметъ къ произведеніямъ каменнаго вѣка. Здѣсь мы имѣемъ случай, какъ-

Рис. 4. Бронзовый паль-
штабъ (Галль-
штаттъ).

Рис. 5. Полый
цельтъ изъ же-
лѣза съ остат-
комъ рукоятки
(Галльштаттъ).

Рис. 6. Желѣз-
ный топоръ съ
деревянною ру-
кояткою (Ла-
Тэнь).

разъ обратный пре-
дыдущимъ, а именно
образчикъ вліянія
позднѣйшей формы
на болѣе древній
матеріалъ, выбран-
ный на основаніи
особыхъ (вѣроятно,
религіозныхъ) со-
ображеній, тогда
какъ форма эта могла
возникнуть лишь въ
примѣненіи къ дру-
гому матеріалу, на-
примѣръ, къ легко-
плавкой бронзѣ. То-
поръ, изображенный
на рис. 7, служив-
шій для украшенія
или для жертвопри-
ношеній, долженъ
быть отнесенъ не
дальше, какъ къ
бронзовому вѣку.

Топоръ, на рис. 8,
принадлежитъ къ
древнѣйшимъ топо-
рамъ, съ просверлен-
нымъ насквозь обу-
хомъ, которые мо-
гутъ считаться уже
настоящимъ ору-
жіемъ или рабочимъ
инструментомъ; онъ
долженъ быть отне-

сенъ къ концу галльштаттскаго періода и является малораспространен-
нымъ типомъ въ раскопкахъ восточной части Альповъ.

Между тѣмъ какъ животное неизмѣнно связано областью естествен-
наго распространенія извѣстныхъ сортовъ пищи и подходящимъ климати-

ческимъ поясомъ, человѣкъ, благодаря древнѣйшимъ пріемамъ культуры, получилъ распространеніе по всему земному шару. Такимъ образомъ, въ распоряженіи его оказались разнообразныя природныя богатства различныхъ областей земного шара, и уже въ очень древнюю пору между отдѣльными группами людей начался обмѣнъ мѣстными продуктами. Такъ возникли международныя сношенія и торговля—сначала исключительно мѣновая,—которыя въ тѣсуровыя времена много способствовали смягченію нравовъ. Они внесли нѣчто новое въ замкнутую жизнь отдѣльныхъ племенъ, недвѣрчиво и враждебно настроенныхъ ко всему окружающему міру, создали мирныя отношенія между народами и вызвали къ жизни первые—хотя и весьма примитивные—договоры.

Дикарь не признаетъ права собственности на своего семейнаго или племеннаго союза. Имущество чужеземца представляется ему никому не принадлежащимъ добромъ, которое можно, безъ всякихъ разсужденій, присвоить себѣ. Но вотъ первобытный человѣкъ узнаетъ, что есть имущество,

которое можно получить не силою и не хитростью, а лишь по добровольному соглашенію съ другими, чужими ему, людьми. Онъ вступаетъ на путь мѣновой торговли, причемъ или самъ онъ, захвативъ предметы обмѣна, отправляется въ чуждую страну и, съ соблюденіемъ установленныхъ формъ сношеній, получаетъ тамъ желаемое, или товары, странствуя отъ племени къ племени, доходятъ къ нему черезъ сосѣдей, или же иноземные купцы являются къ нему сами, подъ защитою признанныхъ правилъ мира, и удовлетворяютъ его потребности. Такимъ образомъ, различные товары, какъ-то: разные сорта цвѣтной глины для раскрашиванія тѣла, нѣкоторыя твердыя породы камня для изготовленія орудій и оружія, раковины, янтарь и слоно-

Рис. 7. Топорь-украшеніе изъ камня (Данія).

Рис. 8. Желѣзный топорь (Крайна).

вая кость, употреблявшіяся для украшеній, и, наконецъ, металлы, напр. мѣдь и олово, нужные для сплава бронзы, а позднѣе и желѣзо, — все это перевозится изъ страны въ страну, нерѣдко слѣдуя окольными путями, а иногда попадая въ руки воинственныхъ племенъ, пока не дойдетъ, наконецъ, съ мѣста производства до мѣста потребления. Конечно, должно пройти не мало времени раньше, чѣмъ совсѣмъ исчезнутъ прежніе варварскіе приемы пріобрѣтенія захватомъ. Торговые караваны порою подвергаются разграбленію, а изъ-за обладанія мѣсторожденіемъ драгоценныхъ предметовъ нерѣдко возгорается жестокая борьба; но всѣ эти явленія не составляютъ особенности первобытныхъ временъ, а встрѣчаются во всѣ періоды чловѣческой исторіи.

Война и господство права сильнаго принадлежать даже къ числу тѣхъ формъ народныхъ сношеній, посредствомъ которыхъ осуществляется или, по крайней мѣрѣ, прокладываетъ себѣ дорогу прогрессъ. Война служитъ этой цѣли даже тогда, когда ведется, какъ война между дикарями, ради полного истребленія противника; но болѣе успѣшно дѣйствуетъ она въ этомъ направленіи тогда, когда имѣетъ цѣлью распространеніе культурныхъ понятій, когда побѣжденный врагъ находитъ пощаду и принужденъ лишь подчиниться законамъ побѣдителя. Наоборотъ, мирныя сношенія народовъ, слишкомъ различныхъ по культурному уровню и по общему складу жизни, имѣютъ слѣдствіемъ весьма печальное явленіе, къ которому далеко не всегда приводятъ самыя кровопролитныя войны. Явленіе это есть вымираніе болѣе слабой стороны и именуется «вымираніемъ расъ», когда оно захватываетъ большія группы чловѣчества.

Древнѣйшіе слѣды чловѣка.

Наука первобытной исторіи не занимается вопросомъ о происхожденіи чловѣка, ибо это составляетъ основную проблему физической антропологии; не занимается она и разсмотрѣніемъ низшихъ ступеней культуры современнаго чловѣка, предоставляя это этнологіи, изучающей жизнь дикихъ племенъ. Ея задача — чисто археологическая. Она стремится отыскать древнѣйшіе слѣды существованія чловѣка на землѣ и такимъ образомъ возстановить и прочно обосновать ту часть культурной исторіи, которая предшествовала появленію письменныхъ памятниковъ. Такъ какъ мы уже знаемъ, что членораздѣльная рѣчь является однимъ изъ первоначальныхъ признаковъ чловѣка, какъ такового, то можемъ теперь установить, что область доисторической древности простирается отъ возникновенія членораздѣльной рѣчи до появленія письменности. Этимъ объясняются невозможность опредѣлить начало и неодинаковая продолжительность до-исто-

рической эпохи для различныхъ странъ земли, ибо древнѣйшія свѣдѣтельства существованія человѣка теряются во мракѣ далекаго прошлаго жизни земли, а до-историческая стадія культуры, не имѣющая письменности, въ однихъ странахъ длилась на цѣлыя тысячелѣтія долѣе, чѣмъ въ другихъ.

Появленіе человѣка можно отнести къ третичному періоду, т.-е. къ тому геологическому періоду, который въ исторіи земли предшествуетъ новѣйшему періоду — такъ называемому четвертичному. До сихъ поръ, однако, не удалось ни найти слѣдовъ третичнаго человѣка въ отложеніяхъ этого періода, ни доказать съ достаточною убѣдительною существованіе его въ ту пору. Въ древнѣйшихъ отложеніяхъ дилuvia — такъ называется древнѣйшая ледниковая эпоха четвертичнаго періода, непосредственно предшествующая современнымъ отложеніямъ — также еще не открыты слѣды человѣка, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что къ этому времени онъ уже существовалъ на землѣ. Дилувій или четвертичная система характеризуется цѣлымъ рядомъ такъ называемыхъ «ледниковыхъ эпохъ», т.-е. періодовъ широкаго распространенія ледниковъ въ различныхъ частяхъ земнаго шара, и появленіемъ фауны и флоры, соотвѣствующихъ этимъ пониженіямъ температуры. Эти продолжительные періоды раздѣлены межледниковыми эпохами, во время которыхъ климатъ становится мягче, и потому является возможность образованія иныхъ растительныхъ и животныхъ формъ. Въ Европѣ, гдѣ найдены многочисленные достовѣрные слѣды существованія человѣка въ позднѣйшіе періоды дилувія, человѣкъ, новидимому, появился впервые во время послѣдней межледниковой эпохи (напр., слѣды въ известковыхъ туфахъ Таубаха подлѣ Веймара) и послѣдовавшей за нею послѣдней ледниковой эпохи (шуссенридскія раскопки на Верхнешвабскомъ плоскогоріи).

Въ области Таубаха человѣкъ уже жилъ послѣ отступленія ледниковъ вмѣстѣ съ животными болѣе теплаго пояса. Слоны и носороги, пещерный левъ и пещерная гиѣна принадлежали тогда къ фаунѣ средней Германіи. Но на ряду съ ними встрѣчаются и другіе виды животныхъ, водившіеся въ этой мѣстности и въ болѣе позднее время, таковы: волкъ и медвѣдь, бобръ и кабанъ, зубръ, олень и козуля. Сѣверные же типы, какъ сѣверный олень и мелкіе грызуны, напротивъ, отсутствуютъ.

У Шуссенскаго источника близъ Шуссенрида человѣкъ жилъ снова въ болѣе суровое время, среди сѣверныхъ животныхъ и растеній. Здѣсь, на ледниковой моренѣ, образовавшейся во время послѣдняго обледенія Европы, находимъ мы ископаемые остатки сѣвернаго оленя, золотистой лисицы, песка, дикихъ лебедей, медвѣдя и волка, а также различные виды лапландскихъ и гренландскихъ мховъ.

Большая часть дилувіальныхъ ископаемыхъ остатковъ человѣка

относится къ послѣдниковой эпохѣ, къ періоду отступленія послѣднихъ ледниковыхъ массъ; иными словами, въ дилювіальной Европѣ человѣкъ является въ большей степени современникомъ сѣвернаго оленя, чѣмъ мамонта, хотя, несомнѣнно, существовалъ уже и одновременно съ послѣднимъ.

Теперь, естественно, возникаетъ вопросъ, что же представляютъ собою эти «слѣды человѣка»? Какъ это легко себя представить, они оказываются весьма невзрачными на видъ.

Культурная ступень дилювіальнаго человѣка носить названіе «древняго каменнаго вѣка» или «палеолитическаго періода». Выраженія эти равнозначущи и означаютъ тотъ промежутокъ времени, когда человѣкъ на ряду съ другими доступными ему матеріалами—какъ-то: дерево, кость, рогъ,—пользовался для изготовленія своихъ орудій преимущественно камнемъ, притомъ придавалъ ему соответствующую форму и заострялъ его лишь посредствомъ ударовъ, не прибѣгая еще ни къ тренію, ни къ шлифованію при помощи другого неподвижно укрѣпленнаго камня. Французы называютъ это время «*Èpoque de la pierre taillée*» («эпохой оббитаго камня») въ противоположность «*Èpoque de la pierre polie*» («эпохѣ полированнаго камня»); послѣдняя обнимаетъ «новый каменный вѣкъ» или «неолитическій періодъ», о которомъ рѣчь будетъ ниже. Оба періода каменнаго вѣка объединяются наименованіемъ до-металлической эпохи, которой противопоставляются всѣ позднѣйшіе періоды до-историческаго развитія культуры, какъ «эпоха металлическая». Однако, эти каменные періоды настолько сильно отличаются одинъ отъ другого, что было бы правильнѣе совершенно раздѣлять ихъ. Вышеотмѣченное различіе въ обработкѣ камня для изготовленія орудій и оружія является, сравнительно, весьма незначительнымъ; чтобы понять, какими крупными переимѣнами въ смыслѣ культурныхъ приобрѣтеній раздѣлены между собою эти два періода, нужно вникнуть въ общій характеръ каждаго періода въ отдѣльности.

Палеолитическій человѣкъ не зналъ ни земледѣлія, ни скотоводства. Онъ не умѣлъ еще дѣлать сосудовъ изъ глины и обжигать ихъ. Да такое умѣніе врядъ ли могло бы быть ему въ то время особенно полезнымъ, такъ какъ онъ проводилъ жизнь въ скитаніяхъ, находя случайное убѣжище въ глубинѣ пещеръ или подъ выступами нависшихъ скалъ, гдѣ стужа была менѣе чувствительна. Въ различныхъ фазы до-ледниковой, ледниковой и послѣ-ледниковой эпохъ онъ охотился на разнообразныхъ звѣрей, населяющихъ лѣсистыя долины. Посредствомъ ловушекъ и метательныхъ снарядовъ убивалъ онъ волосатаго мамонта; въ пещерахъ вступалъ въ борьбу со страшнымъ медвѣдемъ; подъ его стрѣлами падалъ могучій туръ (первичный быкъ, *bos primigenius*) и звѣрь (*bison europaeus*), извѣстный намъ теперь подъ названіемъ зубра. Но главною цѣлью его охоты былъ, повидимому,

сѣверный олень; нѣсколько рѣже попадаются въ мѣстахъ стоянокъ ископаемые остатки лося и гигантскаго оленя.

На днѣ и по берегамъ рѣкъ и ручьевъ и въ горахъ, гдѣ выступаютъ обнаженные горныя породы, человекъ находилъ кварцъ и кварцитъ, известнякъ и песчаникъ, роговикъ и яшму и въ особенности высокоцѣнный имъ кремень, являвшійся излюбленнымъ матеріаломъ для изготовленія ножей, скребковъ, буравовъ, шилъ, топоровъ и наконечниковъ для стрѣлъ и копій. Выбравъ подходящий кусокъ, его подвергали весьма упрощенной обработкѣ. Такъ, длинные, крѣпкіе и острые какъ бритва куски призматической формы (какъ на рис. 9) легко и въ большомъ количествѣ отбивались отъ ядрища (nucleus, см. рис. 10) посредствомъ большого круглаго камня.

Такіе ножи настолько удовлетворяли своему назначенію, что даже и въ неолитическую эпоху ихъ не сумѣли замѣнить лучшими.

Если требовался скребокъ для очистки звѣриныхъ шкуръ или же для обработки дерева или кости, то отъ краевъ болѣе толстаго клинка откалывали, посредствомъ надавливанія какимъ-нибудь деревяннымъ или костянымъ предметомъ, небольшіе кусочки, вслѣдствіе чего получалась такъ называемая «ретушровка», т.-е. зазубриваніе (ср. рис. 11). Къ такой вторичной обработкѣ клинковъ въ древнекаменную эпоху прибѣгали сравнительно рѣдко, а въ новый каменный вѣкъ уже значительно чаще, причемъ зазубриванію подвергались всѣ ребра клинка, и благодаря этому явилась возможность придавать ему почти что любую форму.

Самой древней и наиболѣе простой формой молота является большой обломокъ камня овальной формы; имъ пользовались нерѣдко, попросту зажавъ его въ кулакъ и затѣмъ ударяя сразмаху.

Первоначально такой молотъ не подвергали болѣе тщательной обработкѣ, а лишь грубо оббивали съ обѣихъ сторонъ. Потомъ уже появляется «ретушровка», но сначала только по краю одной стороны и только гдѣ не нужно было держаться рукой; еще позднѣе каменные орудія подвергаются подобной обработкѣ со всѣхъ сторонъ (рис. 12) и даже сплошь по всей поверхности.

Къ концу дилувіальной эпохи другимъ матеріаламъ, какъ, на- примѣръ, кости и рогъ, оказываютъ предпочтеніе передъ камнемъ,

Рис. 9. Сдѣ-
ланный изъ
осколка крем-
невый ножъ.

по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (рис. 13); къ этому времени человекъ уже научился полировать и шлифовать болѣе мягкіе матеріалы. Притомъ благодаря болѣе своей пластичности они отвѣчаютъ пробуждающейся у человека потребности въ искусствѣ; удивительный изобразительный талантъ, которымъ одаренъ человекъ отъ природы, проявляется прежде всего въ вырѣзываніи на костяныхъ пластин-

Рис. 10. Каменное ядрище (nucleus) со слѣдами отбитыхъ отъ него осколковъ продолговатой формы, служившихъ въ качествѣ ножей.

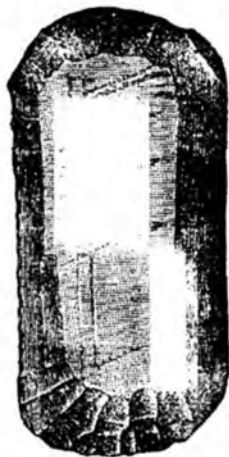

Рис. 11. Скребокъ изъ кремня.

кахъ и на роговыхъ стволахъ рисунковъ (изображенія животныхъ, см., наприм., рис. 14) и отдѣльныхъ фигурокъ.

Тѣло свое человекъ сталъ украшать раковинами или просверленными зубами хищныхъ звѣрей, нанизанными на шнурокъ, которые онъ носилъ на шеѣ. Такого рода украшеніе дополнялось, вѣроятно, разрисовкой или татуированіемъ кожи и какимъ-нибудь причудливымъ головнымъ уборомъ изъ перьевъ и т. п. На плечи накидывались звѣриныя шкуры, иногда совсѣмъ необдѣланныя, иногда же очищенные отъ волосъ и сшитыя посредствомъ жилъ животныхъ. Мускулистая рука «дикаря» сжимала охотничій дротикъ, въ расщепленномъ древкѣ котораго было защемено каменное остріе, крѣпко прикрученное жилой и, вѣроятно, для болѣе прочноти, обмазанное сверху смолой.

Въ когѣнчато-изогнутой деревянной рукоятѣ подобнымъ же образомъ было укрѣплено каменное лезвее тонора. Лукъ и стрѣлы дополняли воинственный уборъ могучаго Немврода. Изъ рога и кости изготовлялись остроги съ многочисленными зазубринами.

Обработка камня такъ же, какъ и другихъ матеріаловъ,—растительнаго или животнаго происхожденія,—производилась обыкновенно въ пещерахъ при свѣтѣ костра или же подъ открытымъ небомъ, въ мѣстахъ открытыхъ стоянокъ, гдѣ шелъ дѣлежъ охотничьей добычи и валялись остатки недавней трапезы. Въ мѣстахъ такихъ стоянокъ еще и теперь находятъ слѣды первоначальной промышленной дѣятельности человека: каменные ядрища и осколки камней, наполовину готовые и вполне готовые издѣлія, и тутъ же рядомъ—угли и зола отъ костра и раздробленные, обглоданные кости употреблявшихся въ пищу животныхъ. Что касается жилья, то для того времени слѣдуетъ различать два вида жилищъ—стоянки подъ открытымъ небомъ и пещеры. Вездѣ, гдѣ только были пещеры, онѣ весьма скоро были открыты первобытнымъ человекомъ, который, изгнавъ ютившихся тамъ животныхъ, сталъ пользоваться ими для жилья, по крайней мѣрѣ, на время холодовъ. Но не повсюду, гдѣ онъ бродилъ, имѣлись пещеры, да и не во всякое время было пріятно укрываться въ душной глубинѣ пещеръ.

Въ мѣстностяхъ, не изобиловавшихъ пещерами, человекъ находилъ инныя убѣжища, какъ, напр., естественныя углубленія почвы или же какъ-нибудь иначе защищенные мѣста, которыя, при помощи нѣкотораго труда, легко приспособливалъ для временнаго жилья,—по его понятіямъ довольно сноснаго. При этомъ нѣкоторыя мѣстности особенно сильно привлекали его къ себѣ—или обиліемъ излюбленныхъ имъ сортовъ дичи, или же обиліемъ хорошаго матеріала для орудія. Къ такимъ открытымъ стоянкамъ относятся и знаменитыя раскопки въ долинѣ Соммы, въ сѣверной Франціи, впервые неопровержимо доказавшія существованіе человека въ дилювіальную (ледниковую) эпоху; прошло, однако, цѣлыхъ десять лѣтъ въ ожесточенныхъ спорахъ раньше, чѣмъ Буше-де-Пертъ добился признанія въ научномъ мірѣ сдѣланныхъ имъ открытій. Богатыя залежи

Рис. 12. Кремневый наконечникъ стрѣлы.

Рис. 13. Шипъ изъ кости.

кремня въ мѣловыхъ отложеніяхъ долины Соммы являются однимъ изъ условій, благопріятствовавшихъ раннему расцвѣту культуры въ этой части Западной Европы. Кости животныхъ, найденныя въ томъ же хрящевомъ пластѣ вмѣстѣ съ топорами, скребками и остріями изъ кремня, принадлежатъ мамонту, носорогу, туру, лошади, оленю—простому сѣверному и гигантскому—, пещерному льву и пещерной гienѣ. Кости эти сохранили отчасти слѣды каменныхъ орудій, посредствомъ которыхъ были убиты и разрублены на части животныя.

Рис. 14 Роговой стволъ сѣвернаго оленя (безъ развѣтвленій), просверленный и украшенный рѣзнымъ рисункомъ, изображающимъ дикихъ лошадей.

Въ лёссѣ долины Дуная и въ бассейнахъ другихъ среднеевропейскихъ рѣкъ,—этомъ мощномъ и, въ настоящее время, совершенно плотномъ слоѣ, который обязанъ своимъ происхожденіемъ наноснымъ пескамъ послѣ-ледниковаго періода образованія степей,—не разъ находили подобные же остатки, причемъ въ опредѣленіи эпохи, которой они принадлежатъ, уже не можетъ быть разногласія. Такія открытыя стоянки найдены, напр., у Виллендорфа, близъ Шпица на Дунаѣ (выше Кремса въ Нижней Австріи). Въ стѣнѣ лёсса, представляющей отвѣсный обрывъ и обнажившейся вслѣдствіе работъ по устройству кирпичнаго завода, ясно видна темная полоса, которая образовалась изъ золы, угля и другихъ органическихъ включеній, какъ, напр., остатковъ пищи первобытнаго охотничьяго племени, а также изъ каменныхъ орудій и отбросовъ первоначальной промышленной дѣятельности того времени.

Въ пещерныхъ остаткахъ дилювіальнаго періода обыкновенно сказывается болѣе высокая степень культуры первобытнаго челоуѣка, чѣмъ въ остаткахъ его жилья подъ открытымъ небомъ. Именно въ пещерахъ найдены были замѣчательныя рѣзныя работы охотничьяго племени Дордони, а также много другихъ вещей, указывающихъ на пробужденіе челоуѣческаго духа вообще. Изъ этого вывели заключеніе, что открытыя стоянки принадлежатъ

человѣку до-ледниковой эпохи, тогда какъ потомки его, жившіе въ ледниковую и послѣ-ледниковую эпоху—такъ назыв. эпоху сѣвернаго оленя—, были вынуждены холодомъ искать убѣжища въ пещерахъ и, благодаря болѣе тяжелымъ условіямъ борьбы за существованіе, достигли болѣе высокаго развитія своихъ природныхъ дарованій.

Такимъ образомъ, мы могли бы различать двѣ ступени палеолитической культуры: вѣкъ мамонта, т.-е. періодъ болѣе теплый,—предшествовавшій наступленію льдовъ или же являющійся промежуточнымъ временемъ,—характеризуемый проживаніемъ человѣка подъ открытымъ небомъ, на равнинахъ, и вѣкъ сѣвернаго оленя, съ болѣе холоднымъ климатомъ, отличающійся болѣе совершенными формами орудій, выработанными во время жизни въ пещерахъ. Однако, время распространенія мамонта отнюдь не ограничивается болѣе теплыми періодами, ибо онъ жилъ еще и въ послѣднюю послѣ-ледниковую эпоху: и мѣстомъ обитанія его были, по преимуществу, открытыя рѣчныя долины. Между тѣмъ, сѣверный олень водился и въ горныхъ областяхъ. Такимъ образомъ, весьма возможно, что обѣ фазы человѣческой культуры, различаемыя нами въ дилювіальной эпохѣ, относятся къ одному и тому же времени, но существовали въ различныхъ мѣстностяхъ.

По берегамъ Дордони (Перигоръ, во Франціи), въ скалистыхъ обрывахъ рѣчной долины расположены многочисленные гроты. Почва этихъ пещеръ состоитъ отчасти изъ известковаго натека, съ которымъ остатки жилья древнихъ троглодитовъ (пещерныхъ людей) образовали одну плотно слившуюся твердую массу. Въ этой массѣ находятся уголья и камни, подвергшіеся дѣйствию огня, безчисленное множество каменныхъ ножей, шила, пилы, наконечники копій, топоры и обломки кремня и роговика (видъ кварца), иглы, острія стрѣлъ, остроги, кинжалы изъ кости, рѣзные издѣлія изъ рога сѣвернаго оленя и множество остатковъ костей убитыхъ животныхъ. Среди послѣднихъ можно указать пещернаго медвѣдя и гигантскаго оленя, антилопу-сайгу, каменнаго козла и мускуснаго быка. Чаше всего попадаютъ, однако, остатки сѣвернаго оленя, бизона и лошади. Такой подборъ животныхъ—а вѣдь пещеръ послѣдовательность геологическихъ пластовъ—вполнѣ доказываетъ, что пещеры эти принадлежатъ ледниковой эпохѣ. О томъ же свидѣтельствуетъ постоянное отсутствіе среди этихъ остатковъ издѣлій изъ обожженной глины (сосудовъ, веретенныхъ колецъ и т. п.) такъ же, какъ отсутствіе слѣдовъ скотоводства, земледѣлія и шлифовки камня (костей домашнихъ животныхъ, жернововъ, шлифовальныхъ камней и полированныхъ каменныхъ орудій).

Наиболѣе многочисленные слѣды ледниковаго человѣка най-

дены въ Европѣ, гдѣ особенно внимательно занимались изслѣдованіемъ ихъ. Такъ, мы имѣемъ несомнѣнные доказательства существованія ледниковаго человѣка во Франціи, въ Англіи, въ Испаніи, въ Португаліи, въ Бельгіи, въ Германіи, въ Австріи и въ Италіи. Относительно нѣкоторыхъ странъ нашего континента, — а именно такихъ, которыя стали обитаемы лишь послѣ послѣдняго отступленія ледниковъ, — такихъ доказательствъ не имѣется; такими странами являются Скандинавія, большая часть сѣверной Германіи и собственно альпійскія страны. Затѣмъ намъ извѣстны также слѣды человѣка въ четвертичныхъ отложеніяхъ сѣверной Африки (Алжиръ, Египетъ), Индіи (Деканъ) и западной части Сѣверной Америки. Всѣ они отмѣчены однѣми общими чертами, характеризующими начало промышленной дѣятельности человѣка, который подвергаетъ обработкѣ наиболѣе твердыя, изъ имѣющихся подъ рукой, породы камня. Тамъ, гдѣ годный матеріалъ встрѣчается лишь въ видѣ небольшихъ кусковъ, орудія и оружіе оказываются меньшаго размѣра; но почти повсюду сохраняютъ они тѣ же формы, которыя отчасти переходятъ, потомъ, даже и въ неолитическую эпоху.

Но теперь, естественно, возникаетъ вопросъ, не сохранилось ли, прежде всего, среди древнѣйшихъ слѣдовъ существованія человѣка его собственныя остатковъ, т.-е. скелетовъ или частей скелета, напр. череповъ. Если по степени древности эти остатки человѣка и не превосходятъ издѣлія ледниковой эпохи, то они могутъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько ознакомить насъ съ физическимъ строеніемъ ледниковаго человѣка. Стоялъ ли онъ, по своей организаціи, ближе къ животному, чѣмъ современные люди? Походилъ ли онъ сколько-нибудь на нынѣ существующія низшія расы? Былъ ли онъ, вообще, организованъ по одному общему типу, и по какому именно?

Матеріалъ, которымъ мы располагаемъ, — въ видѣ череповъ и другихъ частей скелета, несомнѣнно принадлежащихъ ледниковой эпохѣ, — я нахожу слишкомъ скуднымъ, чтобы можно было вполне увѣренно отвѣтить на эти вопросы. Притомъ и то небольшое, что мы имѣемъ, принадлежитъ, почти исключительно, одной Европѣ и, такимъ образомъ, въ лучшемъ случаѣ, могло бы служить лишь для возстановленія типовъ одной или нѣсколькихъ первобытныхъ расъ Европы. Въ распоряженіи нашемъ имѣется: черепная крышка, найденная въ одной изъ пещеръ долины Неандра, близъ Дюссельдорфа, и вызвавшая вслѣдствіе своихъ своеобразныхъ особенностей многочисленные обсужденія; нѣсколько обломковъ и нѣсколько цѣльныхъ череповъ изъ пещеръ и четвертичныхъ отложеній Франціи, Бельгіи, Италіи, Богеміи и Моравіи; и довольно много скелетовъ изъ одной пещеры близъ Фюрфооза въ Бельгіи и изъ Кро-Маньона въ Перигорѣ (Франція).

Не входя въ детали строенія костныхъ остатковъ этой эпохи, мы должны лишь отмѣтить, что ледниковые обитатели Европы едва ли принадлежали къ одной общей расѣ, ибо среди нихъ уже встрѣчаются и «короткоголовые» (брахицефалы), и «длинноголовые» (долихоцефалы). Всѣ эти люди, о которыхъ мы, ближайшимъ образомъ, можемъ судить лишь на основаніи упомянутыхъ находокъ, были вполне развитыми физически человѣческими существами и по организаціи своего тѣла могли бы выступить въ качествѣ нашихъ современниковъ, не возбуждая особеннаго удивленія. Въ ихъ расовыхъ особенностяхъ не было ничего «обезьяняго» — ни соотвѣтственнаго уменьшенія въ объемѣ черепа, ни животноподобнаго строенія лица. Они были настоящими людьми и въ теченіе той долгой эволюціи, которая превратила ледниковую Европу въ нынѣшнюю, навѣрное частью остались на своей первоначальной родинѣ; частью же, постепенно передвигаясь вслѣдъ за сѣвернымъ оленемъ, составлявшимъ главный предметъ охоты, они переселились на сѣверъ, гдѣ цѣлыя обширныя области стали впервые обитаемы для человѣка послѣ отступленія ледниковъ и представляли ему тѣ же условія существованія, какъ и раньше освободившіяся ото льда страны Западной и Средней Европы.

Новый каменный вѣкъ.

Переходъ отъ предшествовавшей (ледниковой) эпохи исторіи земли къ переживаемой нынѣ совершился постепенно и незамѣтно, но, если обратимъ вниманіе на происшедшія въ это время перемѣны, то различіе окажется весьма и весьма значительнымъ. Холодный и сухой климатъ эпохи сѣвернаго оленя смѣнился теперь въ Европѣ климатомъ болѣе мягкимъ, умѣреннымъ. Животный и растительный міръ; въ общемъ, мало измѣнился за время этого превращенія. Совершенно исчезли мамонтъ, пещерный медвѣдь и нѣкоторые другіе, менѣе крупныя виды млекопитающихъ; левъ, леопардъ и гіена переселились въ болѣе теплыя страны; сѣверный олень и другіе представители ледниковой фауны передвинулись на сѣверъ, а серна, сурокъ и каменный козелъ удалились въ болѣе высокія горныя области. Зато теперь человѣкъ окруженъ прирученными, домашними животными.

Въ жизни человѣка также произошла крупная перемѣна — переходъ къ осѣдлому образу жизни. Взявшись за земледѣльческія орудія, онъ начинаетъ — хотя вначалѣ весьма лѣниво — обрабатывать свое поле. Вскорѣ научается онъ раздавливать, при помощи жернововъ (рис. 15), хлѣбныя зерна и готовить изъ нихъ кашу или хлѣбъ, а изъ волокнистыхъ растений сучить грубыя нитки для одежды. Еще не зная гончарнаго круга, онъ научается лѣпить изъ глины сосуды (см.,

напр., рис. 16), которые, затѣмъ, раскрашивають и обжигаютъ. Теперь онъ уже и камень умѣетъ обрабатывать не только посредствомъ отбиванія и надавливанія, но и посредствомъ шлифованія или сглаживанія. Онъ изготовляетъ теперь шлифованныя каменные орудія (см. рис. 17 и 18), и вся эта эпоха получаетъ свое наименованіе именно отъ этого новаго искусства, но на ряду съ этимъ новымъ сохраняется еще отчасти и старый способъ—обдѣлывать камень ударами молотка,—являющийся необходимой подготовительной обработкой для сглаживанія или шлифовки. Этотъ періодъ и есть періодъ полированныхъ камен-

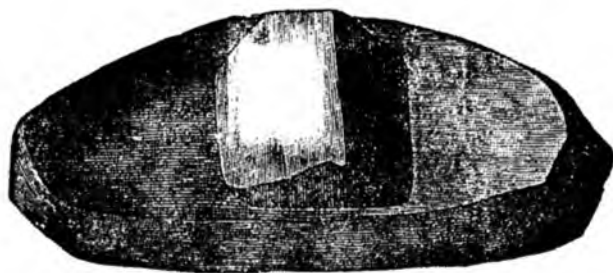

Рис. 15. Жерновъ древнѣйшаго образца для растирания хлѣбныхъ зеренъ.

ныхъ издѣлій, новый каменный вѣкъ или неолитическій періодъ (отъ νέος—новый и λίθος—камень).

Откуда же и какимъ образомъ возникли всѣ эти усовершенствованія? Это опять-таки одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ. Въ за-

падно-европейскихъ пещерахъ палеолитическіе и неолитическіе слои часто раздѣлены мощными пластами гравія, лишеннаго всякихъ остатковъ, или известкового туфа; изъ этого можно заключить, что протекли цѣлыя столѣтія отъ исчезновенія ледниковыхъ обитателей до появленія въ той же мѣстности болѣе культурнаго населенія. Въ пещерахъ Австріи были, однако, сдѣланы нѣкоторыя находки, заполняющія этотъ промежутокъ времени, восполняющія этотъ «зіяющій пробѣлъ». Послѣ исчезновенія палеолитической культуры Западная Европа была, повидимому, долгое время совсѣмъ или почти совсѣмъ необитаема, и лишь много спустя проникли сюда новые обитатели, пришедшіе съ Востока; на основаніи этого мы можемъ предполагать, что на Востокѣ, гдѣ-нибудь въ Азіи или на границахъ Азіи и Европы, культура сѣвернаго оленя, постепенно развиваясь, достигла уровня, представляемаго культурой неолитическаго періода. Возобновленіе каменнаго вѣка врядъ ли можетъ быть объяснено, если мы не сдѣлаемъ предположенія, что въ Европѣ появилось совершенно новое поселеніе.

Было бы, однако, совершенно излишнимъ думать, что это было какое-то могучее, неудержимое передвиженіе народовъ, подобное стихійнымъ явленіямъ природы. Лишь весьма медленно, шагъ за ша-

гомъ, происходило, вѣроятно, это переселеніе въ Европу нѣкоторыхъ племенъ, достигшихъ болѣе высокаго уровня культуры. А затѣмъ уже съ этими пришельцами постепенно слились потомки первобытныхъ обитателей нашего континента.

Искусству сглаживать и шлифовать камень посредствомъ тренія

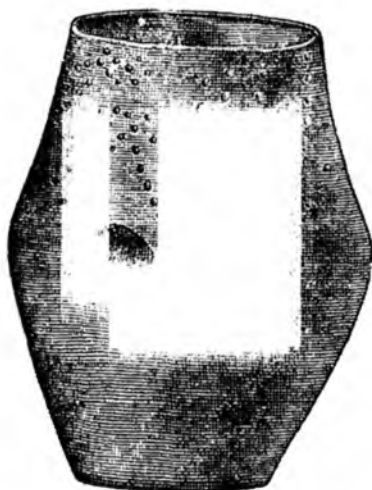

Рис 16. Глиняный сосудъ неолитической эпохи изъ свайной постройки на Аттерскомъ озерѣ.

Рис 17. Кремневое лезвие топора (Дания).

Рис 18. Каменный топоръ: лезвие, сдѣланное изъ нефрита, вставлено въ отрѣзокъ ствола оленьяго рога и укрѣплено въ деревянной рукояткѣ булавовидной формы (свайныя постройки Швейцаріи).

о шероховатую поверхность научила человѣка сама природа: она дала ему въ руки почти готовые орудія въ видѣ естественно сглаженныхъ водою камней, напоминающихъ топоры. Поэтому-то искусство это возникло самостоятельно въ разныхъ мѣстностяхъ земного шара, и формы, выработанныя имъ въ самыхъ различныхъ областяхъ Старого и Нового Свѣта, оказываются почти-что тождественными, даже и въ способѣ прикрѣпленія къ рукояткѣ. Мѣстами образцы такихъ каменныхъ топоровъ могли быть занесены извнѣ, а затѣмъ открывали новые

пути промышленной дѣятельности цѣлыхъ большихъ областей. Изготовленіе шлифованныхъ каменныхъ орудій требуетъ отъ человѣка не только ловкости, какъ при обработкѣ камня посредствомъ оббиванія и надавливанія, но еще большого терпѣнія и настойчивости. Чтобы выдѣлать и отполировать клинокъ каменнаго топора посредствомъ тренія о неподвижную подставку, требовалось много часовъ работы, а при обработкѣ особенно твердыхъ и крѣпкихъ сортовъ камня, какъ, напр., нефритъ, жадеитъ и т. п., приходилось работать цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы.

Около того же времени и аналогичнымъ образомъ распространилось въ Европѣ и скотоводство. Нѣсколькихъ паръ прирученныхъ животныхъ было, вѣроятно, достаточно для того, чтобы ввести прирученіе ихъ въ цѣлой обширной области. Рогатый скотъ, козы, овцы и собаки, а нѣсколько поздне и свинья, составляютъ первоначальный подборъ домашнихъ животныхъ въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи. Лошадь, хотя и была уже извѣстна обитателямъ этихъ неолитическихъ озерныхъ поселеній, но приручена еще не была. Насколько велики были преимущества Европы хотя бы вслѣдствіе одного только обладанія этими примитивными домашними животными, будетъ намъ ясно изъ сравненія съ другими странами. Такъ, Америка, до открытія ея европейцами, не пошла далѣе прирученія собаки; все высококультурное поселеніе Мексики не имѣло ни одного прирученнаго млекопитающаго. Въ Полинезійской собакѣ и свинья были единственными домашними животными; а въ Африкѣ, за исключеніемъ лишь Египта, свинья была извѣстна только какъ охотничья дичь, да и въ самой долинѣ Нила она сравнительно поздно появляется въ стадахъ домашнего скота. Что касается рогатаго скота, то первоначально онъ совершенно отсутствовалъ въ Австраліи, Полинезійской и Южной Африкѣ, тогда какъ въ средней Европѣ, въ средней Азіи и въ Африкѣ были распространены крупныя и сильныя породы, отъ которыхъ произошли теперешнія породы домашнего скота.

Изъ распространенныхъ въ Европѣ хлѣбныхъ злаковъ ячмень и пшеница были извѣстны уже въ каменный вѣкъ, а впослѣдствіи въ вѣкъ бронзы прибавились еще рожь и овесъ. Злаки эти первоначально росли въ дикомъ состояніи въ азіатскихъ степяхъ, откуда и были занесены, въ видѣ небольшихъ запасовъ, кочующими племенами. Такимъ же образомъ, съ сѣвера занесенъ былъ ячмень въ плодородную Вавилонію, а пшеница—въ благодѣтельный Египетъ. Кромѣ ячменя и пшеницы, въ новый каменный вѣкъ въ Европѣ воздѣлывали, по преимуществу, просо. Не довольствуясь, однако, этими воздѣлываемыми имъ растеніями, человѣкъ собиралъ и употреблялъ въ пищу также и лѣсные плоды: яблоки, груши, вишни, плоды шиповника и

тёрна, малину, ежевику, ягоды бузины, водяные орѣхи, буковые и дубовые желуди.

Человѣкъ поваго каменнаго вѣка былъ, несомнѣнно, еще настоящимъ охотникомъ, и трофеи его охоты, найденные въ свайныхъ постройкахъ и поселеніяхъ, наполняютъ теперь цѣлые музеи. Олень и козуля, медвѣдь и кабанъ, лисица, волкъ, бобръ и разныя другія животныя и различныя птицы падали жертвами его мѣткихъ стрѣлъ, гибли подъ ударами его копья.

Большую своеобразностью отличалась жизнь обитателей побережья Сѣвернаго моря, всѣ свѣдѣнія о которыхъ получаютъ на основаніи изслѣдованія ихъ кухонныхъ остатковъ (такъ назыв. «кьёккенмеддинговъ», какъ ихъ именуютъ на датскомъ побережьи Балтійскаго моря). Кучи отбросовъ, оставшіяся отъ трапезъ этихъ людей, достигаютъ 1—3 метровъ высоты при 100—300 метрахъ длины и 50—150 метрахъ ширины. Содержимое ихъ составляютъ уголья и зола, черепки посуды, кремневые орудія, кости и оленье рога. Главнымъ же образомъ, онѣ состоятъ изъ костей убитыхъ животныхъ (оленья, козуля, кабана, волка, лисицы, собаки, медвѣдя, рыси, куницы, ежа, бобра, тюленя, кошки и др.; кости нерѣдко оказываются раздробленными, вѣроятно, для извлеченія костягого мозга, или же обглоданы собаками); затѣмъ изъ костей употребившихся въ пищу рыбъ (сельди, угря, наваги), а также изъ безчисленнаго множества раковинъ съѣдобныхъ моллюсковъ (устрицъ, ракушекъ, сердцевидокъ, береговыхъ улитокъ). Кости дикаго лебедя, чистика и глухаря также попадаются въ прибалтійскихъ кьёккенмеддингахъ. Но никакихъ слѣдовъ земледѣлія и скотоводства въ кьёккенмеддингахъ до сихъ поръ не найдено; отсутствуетъ въ нихъ также и наиболѣе характерный признакъ неолитической стадіи культуры, а именно шлифованныя каменные орудія. Инструменты, находимые въ датскихъ кучахъ кухонныхъ остатковъ, представляютъ, отчасти, нѣсколько иные формы, чѣмъ издѣлія палеолитической эпохи, но въ то же время изготовлены безъ примѣненія шлифовки, а лишь посредствомъ простого оббиванія.

Подобная же стадія культуры обнаружена при раскопкахъ въ «Красныхъ скалахъ» на морскомъ побережьи близъ Мептоны; французы называютъ эту стадію «néolithique ancien» (древне-неолитическій). Признакомъ для опредѣленія эпохи служитъ отсутствіе ледниковыхъ животныхъ; основываясь на этомъ, слои эти относятъ къ началу поваго каменнаго вѣка. Весьма естественно поэтому предположить, что современники кьёккенмеддинговъ являются потомками ледниковаго населенія Западной Европы, передвинувшимися на сѣверъ, когда балтійское побережье стало обитаемо. Однако, противъ такого предположенія говоритъ то обстоятельство, что люди эти являются скорѣе

рыболовами и собирателями ракушекъ, чѣмъ охотниками на сѣвернаго оленя по преимуществу, и что въ сохранившихся отъ нихъ остаткахъ мы не находимъ никакихъ слѣдовъ возникающаго искусства, которые такъ характерны для послѣдней фазы ледниковой эпохи.

Подобныя кучи раковинъ, нерѣдко уже отмытыя моремъ отъ берега, встрѣчаются также на побережьяхъ Франціи, Португаліи и Сардиніи, въ Японіи и Флоридѣ, въ Чили и по морскому побережью Массачузетса и Георгіи въ Сѣверной Америкѣ.

Если датскіе кльккенмеддинги относятся къ ранней неолитической стадіи, то представленіе о высшей культурной стадіи новаго каменнаго вѣка создается на основаніи многочисленныхъ мѣстонахожденій, напр., остатковъ жилья и могилъ, дающихъ уже болѣе утѣшительную картину культурныхъ успѣховъ человѣчества. О свайныхъ постройкахъ и распространеніи ихъ въ Европѣ будетъ подробнѣе говориться ниже; здѣсь же мы должны лишь указать ихъ значеніе для исторіи неолитическаго человѣка. Свайныя постройки Швейцаріи обнаруживаютъ три ступени развитія въ этомъ періодѣ. Отъ первой мы имѣемъ только маленькіе и плохо полированные каменные топоры, матеріаломъ для которыхъ (серпентинъ, діоритъ, соссюритъ) служили, повидимому, всѣ имѣвшіяся подъ рукой каменные породы, безъ особаго выбора, а также грубые цилиндрическіе сосуды, лишенные какихъ бы то ни было украшеній. Слѣдующая ступень, въ которой принадлежитъ большинство неолитическихъ озерныхъ поселеній Швейцаріи, характеризуется оружіемъ и орудіями, выдѣланными уже съ большою тщательностью, причемъ матеріаломъ часто являются особенно твердые и рѣдкіе сорта камня (нефритъ, жадеитъ, хлоромеланитъ); среди нихъ попадаются и просверленные топоры-молоты, иногда очень большихъ размѣровъ. Глиняные сосуды, относящіеся къ этой ступени, еще простой формы, но украшены заштрихованными треугольниками, такъ назыв. «волчьими зубами» и рядами точекъ. Наконецъ, въ третьей и послѣдней стадіи просверленные каменные молотки встрѣчаются уже въ большомъ количествѣ на ряду съ многочисленными, хорошо выдѣланными орудіями изъ дерева и оленьяго рога; глиняная посуда является болѣе богато изукрашенной, и, въ то время какъ нефритъ и жадеитъ исчезаютъ, появляются первыя издѣлія изъ мѣди (топоры, шила, кинжалы). Поэтому эту переходную эпоху между камнемъ и металломъ мы можемъ назвать мѣдныиъ вѣкомъ свайныхъ построекъ Швейцаріи.

Однако, человѣкъ неолитическаго періода жилъ не только на морскихъ побережьяхъ, гдѣ сохранились еще кучи остатковъ отъ его трапезъ, но и въ болѣе опрятныхъ поселеніяхъ, укрѣпленныхъ на сваяхъ въ мелководныхъ мѣстахъ озеръ; онъ, попрежнему искалъ пріюта

въ пещерахъ, а также строилъ себѣ хижины на сушѣ. Въ мѣстностяхъ, наобилующихъ пещерами, привычка жить въ пещерахъ исчезаетъ очень не легко; примѣромъ могутъ служить сѣверо-славянскія области Австріи (Богемія, Моравія, Галиція), Франконская Швейцарія, мѣстности между Байрейтомъ и Бамбергомъ въ Баваріи и у подножія Лигурійскихъ Апеннинъ, сѣверное побережье Адриатики. По образу жизни палеолитическіе и неолитическіе троглодиты въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мало различаются между собою. Писатели классической древности указываютъ намъ многочисленныя примѣры пещерныхъ обитателей уже въ историческое время (въ Персіи, Аравіи, Эѳіопіи, Македоніи, въ Сардиніи и на Критѣ, въ Сициліи и на сѣверномъ Кавказѣ, и т. д.). На Канарскихъ островахъ испанцы еще въ концѣ XV вѣка нашли туземцевъ-гуанховъ, живущихъ въ пещерахъ и незнакомыхъ съ употребленіемъ металловъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что пещеры, которыя еще и понынѣ служатъ пастушескимъ племенамъ какъ временныя пристанища, оказываются богатыми мѣстонахожденіями неолитическихъ и даже болѣе позднихъ древностей (бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ).

Въ неолитическихъ слояхъ пещеръ находятся характерныя принадлежности стоянокъ новаго каменнаго вѣка: кости домашнихъ животныхъ (рогатаго скота, козъ, овецъ, свиней, собаки, а нерѣдко и лошади) и охотничьей дичи (а именно оленя), а въ пещерахъ, расположенныхъ по берегамъ озеръ, кромѣ того, еще многочисленныя раковины сѣдобныхъ моллюсковъ; затѣмъ—жернова, глиняная посуда, орудія изъ камня, рога и кости, различныя украшенія, а также красная краска для раскрашиванія кожи и иногда глиняныя печати, которыя служили, вѣроятно, для той же цѣли. Земледѣіе у обитателей пещеръ было, повидимому, менѣе развито, чѣмъ у болѣе культурныхъ строителей свайныхъ жилищъ; охота и скотоводство, болѣе соотвѣтствующія характеру богатой пещерами мѣстности, являются для нихъ главными источниками пропитанія.

Въ верхней Италіи, гдѣ такъ назыв. террамары (свайныя постройки на сушѣ) относятся исключительно къ бронзовому вѣку, нѣкоторые культурные пласты пещеръ должны быть отнесены къ тому же періоду, но весьма возможно—хотя и не можетъ считаться вполнѣ установленнымъ—, что они принадлежатъ другому племени, чѣмъ свайныя поселенія. Въ ту далекую эпоху начальныхъ стадій культуры природа еще властно распоряжалась судьбами человѣка и заставляла его безропотно подчиняться условіямъ и особенностямъ мѣстности, среди которой онъ жилъ. Тамъ, гдѣ она гостепріимно открывала ему пещеръ и давала дичь для охоты, онъ оставался троглодитомъ и охотникомъ тамъ же, гдѣ періодически затопляемыя плодородныя долины побу-

ждали обратиться къ земледѣлію, селиться скученными поселками и строить искусственно защищенные жилища (на случай вражескихъ нападений, стихійныхъ бѣдствій и т. п.), онъ, слѣдуя, по счастью, ея указаніямъ, вступилъ на путь прогресса.

Кромѣ пещеръ и свайныхъ построекъ, какъ въ новый каменный вѣкъ, такъ и въ вѣкъ бронзовый и отчасти въ желѣзный, жилищемъ человѣку служили еще своеобразныя маленькія, большею частью, круглыя хижинны, которыя строились на сушѣ, и даже въ котловинахъ и углубленіяхъ, представляющихъ теперь единственные слѣды такого рода жилищъ. Эти жилища ямы расположены такъ близко одна отъ другой, что можно признать въ нихъ остатки цѣлыхъ деревень, подобныхъ тѣмъ, которыя встрѣчаются и въ историческую эпоху у многихъ варварскихъ народовъ дремноты. Теперь, на мѣстѣ такихъ поселковъ, въ круглыхъ ямахъ, глубиною въ $1\frac{1}{2}$ —2 метра, находятъ угли, камни, составлявшіе очагъ, черенки посуды, раздробленныя кости животныхъ, каменные орудія и т. под., а часто также куски глины, которая служила для обмазки сдѣланныхъ изъ хвороста стѣнъ и при разрушеніи хижины (обыкновенно отъ пожара) обжигалась, затвердѣла и приняла красный цвѣтъ. Въ благопріятныхъ случаяхъ, вокругъ очага въ землѣ находятъ еще маленькія углубленія отъ кольевъ, служившихъ опорой для крыши. Можно возстановить и нѣкоторыя другія детали, дающія намъ болѣе полное представленіе объ этихъ первобытныхъ поселкахъ; таково, напр., существованіе соединительныхъ ходовъ между двумя или нѣсколькими жилыми ямами, расположенными вокругъ главной хижины.

При сооруженіи такого рода жилищъ въ ямахъ, искусственное углубленіе приходилось дѣлать лишь весьма незначительное. Но вынутую землю все же нужно было дѣвать куда-нибудь; вѣроятно, этою землею пользовались для укрѣпленія поддерживавшихъ крышу шестовъ, причемъ обкладывали ее вокругъ хижины въ видѣ насыпи. Такъ, вышеупомянутыя террамары окружены землянымъ валомъ, въ видѣ четырехугольника. Подобные же валы, принадлежащіе неолитической эпохѣ и болѣе позднему времени, расположены на уединенныхъ возвышенностяхъ, выступнахъ и вершиннахъ горъ и т. под. Иногда они кольцеобразно замыкаютъ площадь, занимаемую нѣкогда до историческимъ поселкомъ; въ такихъ случаяхъ они служили, вѣроятно, для защиты и для правового отграниченія владѣній отдѣльныхъ семей отъ общей собственности всего племени. Иногда же такой валъ тянется по прямой или изогнутой линіи по тѣмъ пунктамъ возвышенностей, которые являются границами между сосѣдними областями. Нерѣдко на одномъ возвышеніи расположено нѣсколько концентрическихъ валовъ, принадлежащихъ до-исторической эпохѣ; незначительность

площади, огороженной стоей тщательно, заставляет думать, что тутъ дѣло шло уже не о защитѣ жилого мѣста. Такія мѣста, какъ, наприм. «Хаусбергъ» близъ Гейсельберга въ Нижней Австріи, служили, вѣроятно, мѣстомъ жертвоприношенія или же жилищемъ вождя племени. Раскопки, произведенныя на другихъ возвышенностяхъ, частью обнесенныхъ валами, частью открытыхъ, несомнѣнно установили существованіе въ этихъ мѣстахъ древнихъ поселеній неолитической эпохи.

Такъ какъ для палеолитической эпохи доказать существованіе могилъ не удалось, то полагали—хотя и безъ достаточнаго основанія,—что ледниковые обитатели Европы не знали почитанія умершихъ и вѣры въ загробную жизнь. Погребальныя обычаи новаго каменнаго вѣка, напротивъ, хорошо извѣстны намъ на основаніи многочисленныхъ находокъ. Однако, не вездѣ, гдѣ были найдены мѣста жилищъ, открыты были и соотвѣтствующія имъ по времени кладбища; и обратно—мы знаемъ мѣстности, гдѣ сохранилось много могилъ, но мало слѣдовъ поселеній. Такъ, до сихъ поръ еще не открыта большая часть подземныхъ ямскихъ могилъ, принадлежащихъ обитателямъ свайныхъ построекъ средней Европы, тогда какъ въ Скандинавіи, изобилующей находками изъ «сѣвернаго каменнаго вѣка», намъ извѣстно очень много гробницъ, воздвигнутыхъ надъ поверхностью земли, но чрезвычайно мало слѣдовъ неолитическихъ жилищъ.

Въ продолженіе новаго каменнаго вѣка во всей Европѣ господствовалъ обычай погребать трупы умершихъ, не сжигая ихъ; пріемъ сожиганія труповъ впервые появился уже позднѣе. Однако, пріемъ этотъ никогда и нигдѣ не получалъ исключительнаго примѣненія, такъ что и въ могилахъ эпохи металловъ встрѣчаются одновременно какъ урны, такъ и скелеты. Способы погребенія бывали весьма различные. Наиболѣе древней формой можно считать помѣщеніе труповъ въ пещеры, въ скалахъ. Эта форма встрѣчается уже въ ранній неолитическій періодъ—въ гротахъ. Ментоны и Финальмарины въ Лигуріи, затѣмъ въ богатой пещерами Франконской Швейцаріи, въ Англіи, во Франціи и т. д. Въ департаментѣ Марны, во Франціи, открыты даже искусственные погребальныя гроты въ мѣловыхъ скалахъ.

Тамъ, гдѣ не было ни естественныхъ пещеръ, ни мягкихъ каменныхъ породъ, позволяющихъ дѣлать искусственные погребальныя гроты, человѣкъ замѣнялъ ихъ искусственными сооружениями изъ камня, не уступавшими въ прочности скаламъ. Это—такъ назыв. мегалитическія (т. е. сложенные изъ большихъ камней или каменныхъ плитъ) гробницы. Въ центральной Европѣ гробницы эти отсутствуютъ, но ихъ найдено очень много въ обширной полосѣ окружающихъ ее кольцомъ областей, въ Сиріи, въ Сѣверной Америкѣ, въ Испаніи, Франціи, Великобританіи, сѣверной Германіи и, наконецъ, Скандинавіи, гдѣ

онѣ особенно многочисленны. Такія гробницы сооружены изъ громадныхъ мало или совсѣмъ не обтесанныхъ каменныхъ глыбъ, сложенныхъ на подобіе хижины съ плоскою крышею и напоминающихъ даже каменные столы, откуда и кельтское названіе ихъ—дольменъ рис. 19).

Рис. 19. Дольменъ (Корсика).

Промежутки заполнялись болѣе мелкими каменными обломками а надъ всѣмъ этимъ сооруженіемъ насыпали иногда еще дѣлѣй курганъ. У такъ назыв. «могилъ съ ходомъ» входъ оставался незасыпаннымъ и велъ въ идущій по радіусу корридоръ изъ одинаковыхъ каменныхъ плитъ. Эта форма могилъ принадлежитъ послѣдней фазѣ сѣвернаго каменнаго вѣка и встрѣчается больше всего въ восточной Швеціи, тогда какъ собственно «дольмены», т.-е. погребальныя камеры безъ ведущаго внутрь прохода, распространены только на южномъ и западномъ побережьи Швеціи и относятся къ нѣскольکو болѣе древ-

ней эпохѣ. Въ западной Германіи до Одера, главнымъ образомъ, въ Ганноверѣ, а также въ Голландіи встрѣчаются такъ назыв. «ложа богатырей» или «могилы великановъ», устроенныя изъ рядовъ высокихъ каменныхъ плитъ и имѣющія шагъ отъ 2—20 въ длину; эти могилы должны быть отнесены почти къ концу новаго каменнаго вѣка, но подобныя же могилы Западной Европы уже выходятъ за предѣлы этой каменной эпохи, а въ сѣверной Африкѣ принадлежать уже металлическому періоду.

На сѣверѣ нашей части свѣта мегалитическія могильныя сооруженія обнаруживаютъ уже значительный прогрессъ по сравненію съ болѣе ранней неолитической стадіей кухонныхъ остатковъ балтійскаго побережья. По приблизительному вычисленію историческаго возраста, эта послѣдняя стадія длилась въ Даніи отъ 3000 до 1500 г. до Р. Хр., а затѣмъ отъ 1500—1000 г. длился мегалитическій періодъ. Столь точныя хронологическія опредѣленія являются, однако, весьма спорными, и принимать ихъ слѣдуетъ лишь съ большою осторожностью. По другимъ вычисленіямъ, новый каменный вѣкъ и въ сѣверной Европѣ закончился уже около 1500 г. до Р. Хр.

Въ то время какъ въ странахъ, лежащихъ по окраинамъ европейскаго континента, воздвигались мегалитическія гробницы, центральныя области Европы—прирейнскія страны, южная Германія, Богемія, Венгрія—знали только погребеніе въ пещерахъ и простое закапываніе труповъ въ землю. Покойника помѣщали въ могильную яму, болѣею частью, въ согнутомъ, лежачемъ или сидячемъ положеніи.

Благодаря этимъ способамъ погребенія и найденнымъ на днѣ озеръ черепамъ обитателей свайныхъ построекъ, мы обладаемъ теперь, въ отношеніи новаго каменнаго вѣка, гораздо болѣе богатымъ анатомическимъ матеріаломъ, чѣмъ относительно періода палеолитическаго. Матеріалъ этотъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что Европа уже въ то время населена была различными человѣческими расами, среди которыхъ мы можемъ съ полною увѣренностью признать длинноголовую аріійскую расу*). Типическому каменному вѣку свайныхъ построекъ Швейцаріи свойственны исключительно короткоголовые черепа; въ эпоху, переходную къ употребленію металловъ, и въ собственно бронзовый вѣкъ, появляются ясно выраженные длинноголовые черепа съ большимъ лицевымъ угломъ. Въ могилахъ сѣвернаго каменнаго вѣка преобладаютъ длинноголовые черепа уже несомнѣнно арійскаго типа. Черепа изъ пещеръ и дольменовъ Франціи имѣютъ весьма различныя формы, тогда какъ въ нѣкоторыхъ неолитическихъ мо-

*) Объясненіе терминовъ: «длинноголовый», «короткоголовый», «лицевой уголъ»—въ февральскомъ приложеніи: А. Соколовскій, «Человѣколѣдніе», стр. 88—86.

гилахъ Рейнской области находятся черепа, представляющіе поразительное сходство съ типичной формой черепа германскихъ племенъ. Что же означаетъ это появленіе арійцевъ среди первобытнаго населенія Европы? Какой отблѣокъ приносятъ они къ первоначальному колориту этой части свѣта? Отвѣты на эти важные вопросы въ слѣдующей главѣ, посвященной основнымъ чертамъ арійскаго быта и исторіи.

Арійцы и семиты.

Всѣ культурные народы Европы происходятъ отъ одного первобытнаго племени; ихъ предки, еще въ глубокой древности покинувъ свою общую родину, разбрелись въ разные стороны, дабы далѣе слѣдовать уже различными путями. Народы эти, уже при первомъ своемъ появленіи на горизонтѣ исторіи, настолько значительно разнятся между собою, что только сравнительное языкознаніе могло установить первоначальное сходство ихъ происхожденія. Благодаря этой же наукѣ узнаемъ мы, какими благами культуры обладало это первобытное племя, и какія культурныя пріобрѣтенія сдѣланы были отдѣлившимися отъ него вѣтвями во время странствованій и на мѣстахъ ихъ позднѣйшаго поселенія.

Мы не знаемъ, гдѣ была первоначальная родина еще не раздѣлившихся на вѣтви арійцевъ (они же индогерманцы), и сколько времени прошло, пока выдѣлившіяся племена осѣли на мѣстахъ своего позднѣйшаго поселенія. Въ этотъ періодъ странствованій мирный пастухъ превратился въ воина, мужественная энергія котораго сдѣлала Европу второй великой ареной всемірной исторіи. Эта отдаленная, скрытая во мглѣ вѣковъ эпоха положила начало глубокимъ различіямъ между европейскими и азіатскими арійцами (индусами). Въ то время научились наши предки землѣдѣлію, быть-можетъ, перенявъ его отъ чуждыхъ, побѣжденныхъ ими народовъ. Въ мѣстахъ своего новаго поселенія они выступили на арену исторіи въ лицѣ грековъ, италійцевъ, кельтовъ, германцевъ, яллірійцевъ, славянъ и литовцевъ.

Первобытные предки арійцевъ не знали моря; они жили въ континентальной, окруженной горами странѣ и представляли собою весьма многочисленное, осѣдлое, пастушеское племя, незнакомое ни съ землѣдѣліемъ, ни съ употребленіемъ металловъ, ни съ жизнью въ городахъ, короче говоря—еще не достигшее высшихъ ступеней культуры.

По свидѣтельству сравнительнаго языкознанія, индогерманцы владѣли стадами рогатаго скота, овецъ, свиней и козъ, которыя охранялись при помощи собакъ; пастбищами служили открытыя рѣчныя долины. Въ дремучемъ лѣсу, окружавшемъ ихъ со всѣхъ сторонъ, собирали они дикіе плоды и охотились за оленемъ, кабаномъ и буйволомъ, мясо которыхъ употреблялось въ пищу, а шкуры—для одежды.

Оружіе и орудія они изготовляли изъ камня, кости и рога и съ помощью костяныхъ иглъ и воловьихъ жилъ сшивали шкуры. Кожаные же ремни употреблялись для запряжки скота, а обтянутая кожей плетенка изъ ивовыхъ прутьевъ служила щитомъ. Изъ тисоваго дерева вырѣзывали охотничій лукъ, изъ ясеня—древко копья. Съ помощью огня, а также и каменнаго топора сваливали они гигантскія деревья дѣвственнаго лѣса и выдалбливали изъ ихъ стволовъ челноки («выдолбки»), чтобы плавать по рѣкамъ и озерамъ. Общимъ достояніемъ всѣхъ арійскихъ народовъ является, съ раннихъ поръ, повозка на колесахъ, на которую во время страствованій складывалось все «движимое» имущество. Они умѣли также изъ овечьей шерсти изготовлять покрывала, платки и шапки, а изъ мочала дѣлать веревки, рогожи, ткани для одежды, и плести охотничьи и рыболовные сѣти.

Главное богатство этихъ первобытныхъ племенъ—ихъ скотъ—подвергалось весьма серьезнымъ опасностямъ и со стороны хищниковъ, и вслѣдствіе зимняго ненастья; но объ устройствѣ скотныхъ дворовъ и о запасахъ сѣна тогда еще и не помышляли. Недостаткомъ ухода объясняется низкое качество древнѣйшихъ породъ домашняго скота. Скотъ служилъ также и деньгами, являясь обычнымъ платежнымъ средствомъ. Жилищемъ для древнихъ арійцевъ служили хижины, выстроенныя изъ древесныхъ стволовъ, хвороста и соломы. Винодѣліе еще не было извѣстно.

На войнѣ наши индогерманскіе предки были свирѣпы и кровожадны. Еще кимвры и даже германцы время Тацита или убивали своихъ плѣнниковъ, или калѣчили ихъ, чтобы затруднить имъ бѣгство, оставляя ихъ у себя въ качествѣ рабовъ. Старики и неизлѣчимые больные добровольно липали себя жизни. Для искупленія грѣховъ, а также въ случаѣ смерти вождя, религіей предписывалось приносить въ жертву людей и животныхъ. Господствующей формой заключенія брака было похищеніе женъ, а при рожденіи ребенка отецъ рѣшалъ, воспитывать ли его, или бросать на произволъ судьбы. Въ первоначальныхъ формахъ ихъ государственности еще явственно выступаютъ черты семейнаго строя, изъ котораго, на самомъ дѣлѣ, и выросло государство. Искусственные рубцы и надрѣзы на кожѣ (татуировка) служили характернымъ отличіемъ членовъ одного и того же благороднаго рода. Предметомъ религіознаго поклоненія являлись силы природы; при этомъ придавали большое значеніе примѣтамъ, вѣрили въ могущество заклинаній и находились во власти самыхъ нелѣпыхъ суевѣрій. Языки арійскихъ народовъ представляютъ, каждый въ отдѣльности, хорошо расчлененный организмъ, обладающій чрезвычайнымъ богатствомъ формъ. Впослѣдствіи, однако, потребность въ болѣе быстрой рѣчи привела къ значительному сокращенію такихъ формъ.

Въ то время какъ арійцы пребывали еще на столь низкой стadiи культуры, другіе народы, обитавшіе въ болѣе благопріятно расположенныхъ странахъ, сдѣлали уже значительные культурные успѣхи. Въ равнинѣ между Тигромъ и Евфратомъ первымъ основалось одно туранское племя; но вскорѣ оно принуждено было подчиниться новымъ завоевателямъ - семитамъ. Туранское племя это на сѣверѣ получило названіе аккадійцевъ, а на югѣ—сумерійцевъ. На зарѣ исторіи этотъ народъ предстаетъ предъ нами какъ учитель вавилонянъ и первенецъ культуры среди племенъ, населявшихъ Переднюю Азію и Европу. Въ его знаніяхъ и культурныхъ пріобрѣтеніяхъ почерпнула семитическая раса свои лучшія силы, ибо ассирійцы, финикійцы и израильяне обязаны своимъ первоначальнымъ развитіемъ вавилонянамъ, слившимся съ этими сумеро-аккадійскими племенами.

Сумерійцы, а за ними и вавилоняне, были прежде всего ревностными земледѣльцами. Они осушили болотистую Месопотамію посредствомъ каналовъ и плугомъ взбороздили дѣвственную почву лѣсовъ. Въ нѣдрахъ земли открыли они богатые залежи металловъ и, завладѣвъ ими, стали изготовлять изъ нихъ оружіе, орудія и денежные знаки. По мощнымъ рѣкамъ и искусно проведеннымъ каналамъ, даже по водамъ Персидскаго залива, суда ихъ отплывали въ далекіе края, перевозя товары съ мѣста ихъ производства на внутренніе и иностранные рынки. Изъ кирпичей воздвигались цѣлые города, извнѣ обнесенные стѣнами, а внутри украшенные храмами и дворцами. Въ этихъ сооруженіяхъ сохранились драгоцѣннѣйшія надписи, ибо изобрѣтенными къ этому времени письменами стали пользоваться для записи различныхъ историческихъ событій и важныхъ научныхъ открытій. Введена была система постоянныхъ мѣръ, и астрономію стали примѣнять для потребностей мореплаванія въ открытомъ морѣ.

Естественнымъ основаніемъ удивительно ранняго и высокаго развитія семитическихъ народовъ являлись особенности почвы Месопотаміи, орошаемой двумя большими рѣками. Аріецъ былъ пастухомъ, семъ тѣ же, еще въ глубокой древности, сталъ земледѣльцемъ. Первый обиталъ въ горной странѣ, гдѣ изобрѣтеніе плуга было уже потому невозможно, что самый характеръ почвы препятствовалъ его примѣненію, благопріятствуя въ то же время скотоводству и пастбищному хозяйству. Между тѣмъ, семитъ, поселившись въ необычайно плодородной равнинѣ Вавилоніи, естественно, долженъ былъ приступить къ земледѣлію и, уоѣдившись въ преимуществахъ этого рода дѣятельности, оставался вѣренъ ей и при менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Но какъ бы ни благопріятствовала земледѣльцу благодатная почва, во всякомъ случаѣ, для обезпеченія средствъ существованія, ему приходится затрачивать гораздо больше труда, чѣмъ скотоводу.

Эта необходимость труда является истиннымъ благословеніемъ для земледѣльческаго народа, тогда какъ располагающія къ праздности условія пастушеской жизни оказываются настоящимъ проклятіемъ для народовъ, занимающихся скотоводствомъ. Въ то время какъ пастухъ безмятежно сторожитъ свое стадо, которое само отыскиваетъ себѣ кормъ, пахарь принужденъ «въ потѣ лица своего» вырабатывать свой хлѣбъ. Добываніе средствъ къ существованію посредствомъ тяжелаго труда, естественно, развиваетъ бережливость, между тѣмъ какъ легкая нажива располагаетъ къ расточительности. И, въ дѣйствительности, семитическое племя искони отличалось бережливостью; арійцевъ же нерѣдко упрекаютъ въ расточительности. Умственная работа земледѣльца также въ значительной мѣрѣ иная, чѣмъ у пастуха, ибо приемы дѣятельности перваго гораздо сложнее и разнообразнѣе, чѣмъ у втораго. Земледѣльцу нужно было, прежде всего, сдѣлать цѣлый рядъ наиболѣе важныхъ изобрѣтеній, которыми преемники его, нынѣшніе крестьяне, пользуются, конечно, вполнѣ безсознательно, но которыя въ свое время заслуживали удивленія, какъ высшія проявленія человѣческаго ума.

Скотоводство является болѣе древнимъ занятіемъ челоѣка, чѣмъ земледѣліе. Если библейское преданіе изображаетъ послѣдовательность ихъ въ обратномъ порядкѣ, приписывая старшему сыну Адама, Каину, занятіе земледѣліемъ, а младшему, Авелю, — пастушествомъ, то это свидѣтельствуетъ лишь о высокой древности земледѣлія у семитическаго племени. Только у семитовъ преданіе могло связывать земледѣліе съ начальными моментами существованія челоѣческаго рода. Согласно Ветхому Заѣту, Каинъ убиваетъ Авеля и, такимъ образомъ, оказывается побѣдителемъ; онъ проявляетъ затѣмъ большую изобрѣтательность и, во время своихъ скитаній, основываетъ первый городъ. Въ представленіи семитовъ и хамитовъ городъ является древнѣйшимъ показателемъ культурнаго прогресса, и преданіе по-своему право, приписывая основаніе города именно земледѣльцу. Въ наше время это, конечно, звучитъ парадоксомъ, ибо мы привыкли противопоставлять городъ и сельскую жизнь, а въ нынѣшнихъ семитахъ трудно признать прежнихъ неутомимыхъ земледѣльцевъ. Но первоначально городъ возникъ не какъ центръ промышленной дѣятельности и не какъ торговый рынокъ, а какъ укрѣпленное мѣсто, предназначенное для защиты всего земледѣльческаго населенія. Значеніе города первоначально и въ теченіе долгаго времени обуславливалось не наполняющими его домами, улицами и площадями, а башнями и стѣнами, окружавшими его со всѣхъ сторонъ. Древнѣйшій городъ обыкновенно представлялъ собою наполовину незастроенное мѣсто; онъ былъ расположенъ на возвышеніи и по возможности у

рѣки; кромѣ крутыхъ скалистыхъ склоновъ, затруднявшихъ доступъ къ нему, онъ былъ защищенъ еще каменными и земляными валами и оградами. Здѣсь укрывалось все племя, когда грозила опасность отъ врага, сюда же сгоняли весь скотъ и сносили все движимое имущество. Впослѣдствіи вышло само собою, что здѣсь же стали сходиться и по разнымъ другимъ поводамъ. По склонамъ горы, ниже крѣпости, обратившейся въ верхній городъ, раскинулся позднѣе нижній городъ, обыкновенно также обнесенный стѣною. Помимо военного времени и празднествъ, городъ становится, мало-по-малу, естественнымъ средоточіемъ той части населенія, которая занимается не земледѣльемъ, а промышленностью или торговлею. И если вначалѣ жилые дома занимали лишь небольшую часть площади, окруженной городскими укрѣпленіями, то съ ростомъ населенія они постепенно заполнили всю крѣпость (кремль) и, такимъ образомъ, мѣшали пользоваться ею согласно первоначальному ея назначенію.

Существеннымъ указаніемъ на то, что основателями городовъ были именно земледѣльцы, служить, между прочимъ, особый обрядъ, принятый у этрусковъ, а затѣмъ заимствованный у нихъ римлянами. Согласно этому священному обычаю, линія, на которой должны были быть возведены городскія стѣны, первоначально намѣчалась плугомъ, а тамъ, гдѣ предполагалось поставить ворота, плугъ вынимали изъ земли. Если бы происхожденіемъ своимъ городъ былъ обязанъ не земледѣльцу, а, напримѣръ, купцу, то границы его врядъ ли стали бы намѣчать плугомъ и проводить борозду на мѣстѣ его будущихъ стѣнъ; вмѣсто того, вѣроятно, отвели бы сначала мѣсто подъ базарную площадь и вокругъ нея стали бы затѣмъ строить дома. Конечно, теперь стѣны, прежде служившія для защиты городовъ, большею частью разрушены, и на первый планъ выдвинулось то, что нѣкогда играло лишь второстепенную роль, а именно — жилые дома, общественныя зданія, улицы и площади.

Вавилоняне, естественно, раньше должны были начать строить города, чѣмъ жители горныхъ странъ, и не только потому, что они были земледѣльцами, но еще и потому, что они жили на равнинѣ. Между тѣмъ какъ гористыя страны нерѣдко представляютъ собою естественныя укрѣпленія, равнины, подобныя Вавилоніи, не даютъ никакой защиты на случай вражескихъ нападеній. Понятно поэтому, что обитатели горъ, арійцы, въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій могли обходиться безъ городовъ, тогда какъ хамиты въ странѣ Нила и семиты въ Месопотаміи были вынуждены, чтобы отстоять свою независимость и даже самое свое существованіе, создать искусственныя средства обороны. Одна изъ существенныхъ особенностей и преимуществъ города состоитъ въ томъ, что человѣкъ оказывается болѣе крѣпко связан-

нымъ съ опредѣленною мѣстностью и принужденъ примѣнять принципъ раздѣленія труда, такъ сильно содѣйствовавшій культурному прогрессу.

Греки, италійцы и кельты, рано вступившіе въ сопрیکосновеніе съ Востокомъ, усвоили всѣ эти преимущества городской жизни. Этруски—наиболѣе древній народъ Италіи, строившій города,—быть-можетъ, и сами были не арійскаго, а восточнаго происхожденія. Что же касается славянъ и германцевъ, то весьма возможно, что они именно потому такъ поздно вступили въ исторію, что были лишены подобнаго общенія съ Востокомъ.

Какъ городъ противопоставляется деревнѣ, такъ каменную стройку можно противопоставить стройкѣ деревянной. Даже въ горахъ, гдѣ камень имѣется въ изобиліи, поселянинъ предпочитаетъ брать для постройки лѣсъ, такъ какъ гораздо легче рубить деревья, чѣмъ добывать и ломать камень. Въ Месопотаміи не было ни лѣса, ни камня; но уже аккадо-сумерійцы научились дѣлать изъ глины кирпичъ, а въ качествѣ цемента употребляли асфальтъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что отсутствіе обычныхъ матеріаловъ побудило человека къ изобрѣтенію, которымъ онъ, по справедливости, можетъ гордиться. По словамъ Св. Писанія, изъ такого именно кирпича построена была и Вавилонская башня—этотъ памятникъ человѣческаго дерзновенія. Кирпичи или просто сушились на солнцѣ, или же обжигались въ печахъ. Въ такихъ же печахъ обжигались и глиняныя дощечки, служившія въ ту эпоху удобнымъ и дешевымъ матеріаломъ для письма; эти скрижали выдержали напоръ долгихъ вѣковъ исторіи и теперь являются для насъ источникомъ свѣдѣній о незапамятныхъ временахъ культурной жизни человѣчества. При обжиганіи кирпичей можно было наводить на нихъ цвѣтную глазурь, и, благодаря этому, стѣнамъ зданій получали разноцвѣтную пеструю окраску. Такъ какъ топливо, нужное для обжиганія, было въ бѣдной лѣсомъ странѣ очень дорого, то обожженный кирпичъ употреблялся только для общественныхъ зданій, частные же дома строились изъ сырца. Такъ возникло и расцвѣло знаменитое вавилонское искусство—зодчество, которое, по своей глубокой древности, можетъ притязать на первенство даже по сравненію со строительнымъ искусствомъ египтянъ.

Въ Европѣ—если не считать загадочной по своему происхожденію микенской культуры, знакомой уже съ весьма совершенными приемами строительной техники и явившейся какъ бы преддверіемъ дѣйствительнаго—примѣру семитовъ и египтянъ первыми послѣдовали греки (объ этомъ см. подробнѣе ниже, а также конецъ главы о «Металлахъ»). Однако, и у грековъ существуютъ преданія, относящіяся къ эпохѣ, когда умѣли возводить только деревянные постройки. Еще чаще по-

добнаго рода свидѣтельства находимъ мы у италійцевъ; кельты же хотя и строили города еще въ началѣ нашей эры, но дома свои дѣлали изъ досокъ и хвороста и покрывали соломой. Городскія стѣны у нихъ представляли собою двойной деревянный частоколъ, причемъ промежутокъ между ними заполнялся глиною и камнями. У германцевъ были въ эту пору только деревянные хижины, которыя можно было разбирать и перевозить на повозкахъ, какъ палатки. Самымъ грознымъ врагомъ деревянныхъ построекъ является, конечно, огонь; и если отличительной чертой германскихъ жилищъ можно считать ихъ обособленность и удаленность другъ отъ друга, то это объясняется именно тѣмъ, что германцы не имѣли городовъ и очень боялись пожаровъ. Наконецъ, у славянскихъ народовъ, въ особенности у русскихъ, деревяннаястройка сохранилась и до нашего времени. Только церкви и монастыри, имѣвшіе болѣе высокое назначеніе, уже съ давнихъ поръ сооружались изъ камня; здѣсь во время нашествій монголовъ находилъ угнетенный народъ убѣжище и защиту.

Другимъ весьма существеннымъ факторомъ высокаго развитія восточной культуры, въ особенности вавилонской и финикійской, было мореплаваніе. Сама природа даровала жителю Месопотаміи большія судоходныя рѣки и внутреннее море съ весьма развитой береговой линіей. Сначала онъ ознакомился съ рѣчнымъ судоходствомъ, потомъ сталъ плавать вдоль морскихъ береговъ и, наконецъ, дерзнулъ пуститься въ открытое море. Изученіе звѣздъ въ интересахъ мореплаванія положило начало астрономической наукѣ, а плаванія въ далекіе чужіе края развили въ вавилонянъ коммерческую предпримчивость, слѣдствіемъ которой было возникновеніе крупной торговли. Благодаря этому, явилась необходимость въ правильномъ счетѣ, точныхъ мѣрахъ и вѣсѣ и въ установленіи правового порядка. Со всѣхъ концовъ міра стекались сюда разнообразныя сокровища, обладаніе которыми поставило вавилонянъ на первое мѣсто среди другихъ народовъ, но въ то же время было губительно для нихъ, ибо побудило персовъ къ завоеванію этой богатой страны.

Однако, прежде чѣмъ палъ Вавилонъ, все дѣйствительно цѣнно, что было создано въ его стѣнахъ, было уже перенято другими народами и, такимъ образомъ, не погибло для человѣчества. Еще въ четвертомъ тысячелѣтіи до Р. Хр. существовали, повидимому, сношенія между Вавилономъ и Египтомъ, ибо иначе египтяне не могли бы заимствовать у вавилонянъ искусство возводить постройки изъ кирпичей. Тѣмъ не менѣе, истинными наслѣдниками вавилонской культуры являются арійцы, а передача этого наслѣдія совершилась путемъ торговыхъ сношеній. Однако, сами вавилоняне принимали мало участія въ этой передачѣ; посредниками явились родственные имъ

финикійцы. Въ Финикіи не было ни судоходныхъ рѣкъ, ни вдающихся въ материкъ обширныхъ заливовъ, образующихъ закрытыя внутренніе бассейны; была только широкая береговая полоса. Вслѣдствіе этого у нихъ развилась и получила прекрасную организацію преимущественно вѣзшая торговля. Финикійцы имѣли торговыя колоніи, держали торговыхъ консуловъ и заключали торговые договоры. Вслѣдствіи кареагеняне насадили вавилоно-финикійскую культуру по берегамъ Африки и во многихъ пунктахъ европейскаго побережья. Вскорѣ Кареагенъ даже опередилъ Тиръ и Сидонъ, причемъ тамъ установился республиканскій образъ правленія, не нашедшій въ Азіи благоприятной почвы.

Такимъ образомъ, вавилоняне создали семитическую культуру, финикійцы же разнесли ее по свѣту и передали европейскимъ арійцамъ, тогда какъ азіатскіе арійцы (индусы и персы) переняли ее непосредственно отъ вавилонянъ. Отъ первобытной культурной спячки первой проснулись Греція, затѣмъ Италія и, наконецъ, кельтскіе народы, культура которыхъ, хотя и уступала во многомъ культурѣ греко-италійской, все же была значительно выше, чѣмъ это принято думать. Наиболѣе отставшими оказались германцы и славяне. Аріецъ представлялъ собою весьма благодарную почву для дальнѣйшаго развитія восточной культуры. Культура эта, характеризующаяся преимущественно практическимъ направленіемъ, естественно, страдала нѣкоторою узостью; поэтому аріецъ, отличающійся болѣе высокою воспримчивостью, долженъ былъ въ дальнѣйшемъ развитіи выйти за предѣлы восточной семитической цивилизаціи. Такимъ образомъ, аріецъ, являясь вначалѣ какъ бы ученикомъ семита, въ послѣдствіи во всѣхъ отношеніяхъ опередилъ его: греки превзошли семитовъ въ искусствѣ и наукахъ, римляне въ развитіи правовыхъ учрежденій и въ военной организаціи, болѣе юные народы въ томъ, что составляетъ гордость новѣйшей культуры. Древніе семиты совершили великое дѣло, разрѣшивъ тѣ культурныя задачи, которыя поставила имъ исторія, но главное оставалось еще впереди.

Именно съ этой точки зрѣнія—точки зрѣнія всемірной исторіи—представляется весьма интереснымъ познакомиться съ арійцами при первомъ ихъ появленіи въ Европѣ, поскольку оно можетъ быть установлено историческими памятниками, и опредѣлить ту ступень культуры, которой они достигли прежде, чѣмъ впервые вступили въ соприкосновеніе съ уже развитой семитической цивилизаціей Передней Азіи. Обзоръ европейскихъ древностей, относящихся къ до-историческому періоду, убѣждаетъ насъ, что древне-арійская культура, картина которой въ общихъ чертахъ возстановлена нами на основаніи данныхъ сравнительнаго языкознанія, археологически представлена

въ свайныхъ поселеніяхъ новаго каменнаго вѣка и выступаетъ здѣсь въ полномъ соотвѣтствіи съ вышеуказанными даппымп. Способъ постройки этихъ озерныхъ доревень свидѣлствуетъ о томъ, что человечество сдѣлало нѣкоторый шагъ впередъ по пути своего культурнаго развитія; значеніе же этого шага было уже достаточно выяснено въ предыдущемъ изложеніи. Ранняя эпоха, къ которой относятся эти историческіе памятники, исключаетъ возможность вліянія восточной цивилизации. Исходя изъ нашего общаго воззрѣнія на мѣолитическій періодъ, будетъ гораздо естественнѣе признать многочисленныя дровности этой эпохи, принадлежащія сѣверо-германскимъ странамъ (Скандинавіи), культурными памятниками древне-арійскаго и, въ частности, германскаго населенія. Однако, въ этихъ странахъ мы не находимъ ничего похожаго на озерныя поселенія альпійской области и верхней Италіи или даже на поселки средней и южной Европы, построенныя на твердой почвѣ. Такимъ образомъ, мы наталкиваемся здѣсь на явное различіе южныхъ и сѣверныхъ арійцевъ Европы, что подтверждается и историческими свидѣтельствами. Одни (греки, италійцы, кельты иллирійцы) еще до начала сношеній съ семитическимъ Востокомъ приобрѣли, быть-можетъ, благодаря постояннымъ войнамъ съ первобытнымъ населеніемъ Европы, значительное могущество и достигли настолько высокаго уровня культуры, что возможенъ былъ переходъ къ высшимъ стадіямъ цивилизаціи. Другіе, а именно германцы и славяне, слабыя вслѣдствіе своей раздробленности, въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій жили въ странахъ, бывшихъ прежде необитаемыми и впервые заселенныхъ ими, пока не вступили на путь завоеваній, приведшій ихъ къ политическому могучеству.

Свайныя постройки.

Свайныя постройки до-исторической эпохи въ настоящее время представлены лишь бодѣ или мѣше значительными группами деревянныхъ свай, ваятыхъ въ дно озеръ, большею частью неподалеку отъ берега. Подводная часть этихъ свай уничтожена уже въ очень давнее время, а затѣмъ, въ теченіе послѣдующихъ тысячелѣтій, онѣ подвергались разрушительному дѣйствію волнъ и отчасти были вырваны напоромъ льда, такъ что теперь лишь самое тщательное изслѣдованіе можетъ установить ихъ существованіе. Но нѣкогда верхушки ихъ поднимались выше, чѣмъ гребни вздымаемыхъ вѣтромъ сердитыхъ волнъ, а поверхъ, на поперечныхъ перекладинахъ, былъ настланъ помостъ изъ досокъ, на которомъ стояли деревянные хижинны съ соломенными кровлями (см. рис. 20). Въ это-то время образовались на днѣ озеръ тѣ богатые ископаемыми остатками пласты,

Рис 20. Реставрированный видъ свайнаго поселенія.

изъ которыхъ первобытная исторія черпаетъ столь обильный и вполне достовѣрный матеріалъ. вмѣстѣ съ пепломъ и углями отъ домашнего очага выбрасывались въ воду и разбитая посуда, и остатки пищи. Время-отъ-времени изъ чьихъ-нибудь неловкихъ рукъ вырывался и падалъ въ озеро какой-нибудь еще годный къ употребленію предметъ, а въ моменты общественныхъ бѣдствій—при нападеніяхъ врага, при пожарахъ—въ водной пучинѣ погибало множество всякаго добра. Именно отъ пожаровъ и погибло, по всей вѣроятности, большинство свайныхъ поселеній.

Въ настоящее время найдено прямо невѣроятное количество различныхъ предметовъ той эпохи, сохранившихся въ ненарушенныхъ слояхъ и потому представляющихъ для насъ двойную цѣнность. Свайныя постройки Европы сосредоточены около альпійскихъ горныхъ цѣпей, широкой дугой отдѣляющихъ средній изъ южныхъ полуострововъ Европы отъ главной массы этого материка. Онѣ находятся въ Швейцаріи, гдѣ впервые были открыты въ 1853 — 54 г., во Франціи, въ Италіи, въ Германіи и Австріи. Нѣкоторыя озера и торфяныя болота (прежнія, высохшія озера) иногда скрываютъ въ нѣдрахъ своихъ цѣлые ряды такихъ поселеній. Ниже мы приводимъ перечисленіе свайныхъ построекъ (по Мортилье), которыя, до самаго послѣдняго времени, были открыты въ названныхъ странахъ:

1. Въ Ш в е й ц а р і и (160 стоянокъ).

Цюрихское (7), Грейфенское (1), Пфееффикское (5), Боденское (3), Нижнее (часть Боденскаго озера, 6), Нусбаумское (1), Цугское (6), Бальдеггское (1), Земпахское (9), Вовильское (1), Моенское (1), Пиквильское (1), Моосзеedorфское (1), Бильское (20), Невшательское (51), Морать (18), Луизельское (1), Женевское (27) озера.

2. Во Ф р а н ц і и (32 стоянки).

Женевское озеро (17), озеро д'Анниси въ Савойѣ (6), озеро Бурже, тамъ же (8), озеро Клерво въ Юрѣ (1).

3. Въ И т а л і и (36 стоянокъ).

Торфяное болото Меркураго, близъ Ароны, въ южномъ концѣ Лаго-Маджіоре (1), озеро Монате близъ Варезе (3), озеро Варано, тамъ же (1), озеро Варезе (1), Лагоцкое торфяное болото (1), озеро Пузіано (1), озеро д'Аннине (4), Поладское торфяное болото, близъ Дезенциано (1), Гардское озеро, на западъ отъ Дезенциано, на восточнѣ Пескьеры (9), торфяное болото Салине (1), торфяное болото Касцина (1), торфяное болото Лоффа ди Сотто (1)—всѣ эти три стоянки находятся въ провинціи Верона; озеро Фимонъ близъ Виченцы (1), Лаго д'Арква въ Евганиейскихъ холмахъ (1).

4. Въ Австріи (11 стоянокъ).

Лайбахское болото (1), Кейчахское озеро въ Каринтіи (1), Аттерское озеро (6), Траунское (1), Мондзее (2)—эти три послѣднихъ озера находятся въ Зальцкаммергутъ (Верхняя Австрія).

5. Въ Германіи (46 стоянокъ).

Тегернское озеро (1), островъ Розъ на Штарнбергскомъ озерѣ (2),—оба эти озера лежатъ близъ Мюнхена; Федерское озеро близъ Бухау въ Вюртембергъ (1), Боденское (11), Иберлингское (11), Нижнее (18) озера—послѣднія два составляютъ части Боденскаго озера.

Итого до сихъ поръ въ альпійской области извѣстны 284 свайныхъ поселенія. Изъ нихъ наибольшая часть находится въ Швейцаріи (160); затѣмъ слѣдуютъ Германія, Италія, Франція и, наконецъ, Австрія. Наиболѣе богато свайными постройками Невшатальское озеро. Такое же число озерныхъ поселеній (51) находится и въ Боденскомъ озерѣ, если считать также и высохшее теперь его продолженіе; затѣмъ слѣдуютъ озера Женевское (44), Бильское (20), Моратъ, Варезе, Гардское и т. д. Самыми западными озерами, заключающими въ себѣ свайныя постройки, являются озера Бурже и Клерво, самыми сѣверными Федерское и Штарнбергское озера; на востокъ послѣднимъ можно считать Лайбахское болото, а на югъ Лагодцкое торфяное болото. Область свайныхъ построекъ расположена вокругъ главной альпійской горной цѣли, въ предгоріяхъ и прилегающихъ къ нимъ равнинахъ, но распространяется внутрь альпійской горной страны, хотя тамъ имѣется цѣлый рядъ болѣе мелкихъ озеръ, напр., Фирвальдштетское, Галльштеттское и др. Въ этихъ озерахъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, свайныя постройки еще не найдены. Однако, и поблизости отъ озеръ, изобилующихъ свайными поселеніями (въ Каринтіи, Крайнѣ, Верхней Австріи, Баваріи и Швейцаріи), находятся обширные и прекрасно расположенные водные бассейны, въ которыхъ до послѣдняго времени не удалось открыть никакихъ слѣдовъ свайныхъ сооружений. Можетъ-быть, это объясняется тѣмъ, что сохранившіеся остатки упорно ускользали отъ нашихъ взоровъ при всѣхъ попыткахъ изслѣдовать эти озера, а, можетъ-быть, до-историческій человѣкъ и дѣйствительно избѣгалъ селиться на нихъ по какимъ-нибудь, неизвѣстнымъ намъ, причинамъ.

По величинѣ свайныя сооруженія бываютъ весьма различны. Такъ, въ Штаффисѣ, на Невшатальскомъ озерѣ, расположены почти рядомъ двѣ озерныхъ стоянки, относящихся къ бронзовому вѣку; одна изъ нихъ занимаетъ всего нѣсколько квадратныхъ метровъ, между тѣмъ какъ другая имѣетъ болѣе 200 метровъ въ длину

и около 50 метровъ въ ширину. Почти такихъ же размѣровъ достигаетъ свайное сооруженіе каменнаго вѣка въ Концизѣ, находящееся на другомъ берегу того же озера. Такъ назыв. «большая стоянка» Моржъ на Женевскомъ озерѣ (бронзовый вѣкъ) тянется на 360 метровъ въ длину и 30—45 метровъ въ ширину и, такимъ образомъ, занимаетъ площадь болѣе чѣмъ въ 1000 квадратныхъ метровъ. Основываясь на этомъ, между озерными стоянками нужно различать отдѣльные одинокіе дома, деревни и большія поселенія, напоминающія города. Последнія, безъ сомнѣнія, имѣли весьма многочисленное населеніе, разнообразныя потребности котораго могли удовлетвориться лишь при широкомъ раздѣленіи труда.

По историческому возрасту свайныя постройки должны быть раздѣлены на сооруженія до-металлическаго и металлическаго періода первобытной исторіи человѣчества. Въ продолженіе всего перваго періода матеріаломъ для оружія и орудій служитъ камень, кость, рогъ и т. п. вещества, но не металлы. Во второй періодъ, на ряду съ издѣліями изъ камня, появляются уже мѣдныя и въ особенности бронзовыя вещи. Къ концу бронзоваго вѣка попадаютъ отдѣльные предметы изъ желѣза; однако, въ то время желѣзо еще далеко не имѣетъ того значенія, какое оно получило впослѣдствіи, и, являясь большою рѣдкостью, служитъ исключительно для украшеній.

Каменному вѣку принадлежатъ, напр., стоянки Робенгаузенъ на Пфеффикскомъ озерѣ близъ Цюриха, Вангенъ на баденскомъ берегу Нижняго озера близъ Констанца, Локрасъ на Бильскомъ озерѣ, Концизе на Невшательскомъ, Клерво близъ Сентъ-Клода во французской Юрѣ и затѣмъ стоянка, открытая при истокахъ Минчіо изъ Гардскаго озера.

Примѣромъ свайныхъ построекъ, относящихся къ бронзовому вѣку, могутъ служить стоянки Штейнбергъ-Нидо въ сѣверномъ концѣ Бильскаго озера, Овернѣ на западномъ берегу Невшательскаго озера, Грезинѣ на озерѣ Бурже въ Савойѣ и Пескиера на Гардскомъ озерѣ.

По Мортилье, изъ 44 свайныхъ поселеній Женевскаго озера 6 не могутъ быть отнесены ни къ какой опредѣленной эпохѣ, 14 принадлежатъ каменному вѣку и 24—бронзовому. Свайныя постройки Австріи всѣ относятся къ каменному вѣку. Въ общемъ же можно сказать, что въ сѣверной части вышеуказанной области распространенія свайныхъ сооружений преобладаютъ поселенія каменнаго вѣка, а въ южной—бронзоваго.

Свайныя постройки Европы доставляютъ намъ неопровержимыя доказательства существованія эпохи исключительнаго примѣненія камня и послѣдовавшаго затѣмъ періода бронзы, совершенно незнакомаго съ употребленіемъ желѣза. Фактъ этотъ выступаетъ съ полною очевид-

ность, если мы ближе присмотримся къ расположенію отдѣльных группъ свайныхъ построекъ. Между «большой стоянкой» въ Овернѣ, относящейся къ бронзовому вѣку, и берегомъ Невшателскаго озера расположены двѣ небольшія стоянки неолитическаго періода, находящіяся такъ близко одна отъ другой, что разстояніе между болѣе древней и болѣе поздней равняется всего-на-всего 30 метрамъ. На Женевскомъ озерѣ около Моржъ, неподалеку отъ берега, лежитъ свайная постройка каменнаго вѣка, а на 200 метровъ дальше находится «большая стоянка», принадлежащая бронзовому періоду. Подобнаго рода расположеніе наблюдается и на другихъ озерахъ. Свайныя поселенія каменнаго вѣка строились у самаго берега, поэтому въ настоящее время остатки ихъ нерѣдко оказываются уже на сушѣ. Поселенія бронзового вѣка сооружались обыкновенно дальше—къ серединѣ озеръ. Соотвѣтственно этому весьма различна была и длина мостковъ, соединявшихъ съ берегомъ свайныя деревни этихъ двухъ періодовъ; береговья сходни каменнаго вѣка достигали всего 10—20 метровъ длины при 1,20—3 метровъ ширины, тогда какъ мосты озерныхъ поселеній бронзовой эпохи были значительно больше—такъ, въ Нидо они имѣли 198 метровъ въ длину и 6 метровъ въ ширину, въ Мѣригенѣ—270 метровъ длины и 4,8 метровъ ширины.

Историческая послѣдовательность культурныхъ періодовъ въ жизни свайныхъ поселеній особенно ясно проявляется къ концу настоящаго каменнаго вѣка, когда на ряду съ каменными издѣліями начинаютъ попадаться первые еще рѣдкіе экземпляры металлической утвари. Въ свайныхъ сооруженіяхъ Мейлена на Цюрихскомъ озерѣ, несомнѣнно принадлежащихъ еще каменной эпохѣ, найдены были двѣ небольшія вещицы изъ бронзы, а именно—плоскій топоръ и простой ручной браслетъ. Въ стоянкѣ Концизе выстѣ съ безчисленными предметами изъ камня нашлась одна бронзовая вещь—выпуклый ножъ, украшенный гравировкою. Еще раньше появляются отдѣльные предметы изъ мѣди, иногда—какъ, напр., въ Мондзее (Верхняя Австрія)—даже въ довольно значительномъ количествѣ; однако, остальные предметы, среди которыхъ находятся эти мѣдныя издѣлія, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что данное поселеніе принадлежитъ каменному вѣку. Нѣкоторыя другія озерныя деревни представляютъ собою какъ бы, переходныя ступени отъ каменнаго вѣка къ бронзовому. Такъ, на Женевскомъ озерѣ у Моржъ, кромѣ двухъ стоянокъ каменнаго вѣка и третьей, болѣе поздней, принадлежащей бронзовой эпохѣ, имѣется еще и четвертая, по историческому возрасту, занимающая среднее мѣсто между двумя первыми и послѣдней. На ряду съ различными каменными издѣліями—буравами, ножами, наконечниками стрѣлъ—тамъ было найдено 18 бронзовыхъ топоровъ древнѣйшаго типа (съ про-

стыми боковыми пластинками). Такъ назыв. «большая стоянка» бронзовой эпохи не только гораздо богаче металлическими издѣліями (450 предметовъ изъ бронзы—иглокъ, браслетовъ, рѣзцовъ, ножей, кинжаловъ, мечей, наконечниковъ копій и т. п.), но имѣются топоры болѣе совершенныхъ типовъ, а именно—одинъ полый топоръ и 60 такъ назыв. плоскихъ топоровъ (пальштабовъ), боковыя пластинки которыхъ приняла форму четырехъ широкихъ ушковъ, обхватывающихъ рукоятку.

Поселенія переходнаго характера имѣютъ еще и то значеніе, что среди многочисленныхъ и разнообразныхъ формъ издѣлій бронзового вѣка, относительно происхожденія и развитія которыхъ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, могутъ быть выдѣлены древнѣйшіе типы; благодаря этому можно, по крайней мѣрѣ, установить въ культурномъ развитіи бронзовой эпохи средней Европы два большихъ періода—болѣе древній и болѣе новый. Такъ, свайныя постройки Жерофенъ на Бильскомъ озерѣ, кромѣ значительнаго числа оббитыхъ и полированныхъ каменныхъ издѣлій, доставили намъ плоскій бронзовый топоръ съ боковыми пластинками, клинокъ кинжала треугольной формы съ отверстіями для заклепокъ на концѣ, обращенномъ къ рукояти, иглу съ двумя ушками и небольшой массивный браслетъ. Такого рода сочетанія повторяются и въ другихъ озерахъ, что, при точной классификаціи мѣстъ находенія до-историческихъ древностей, позволяетъ намъ считать появленіе предметовъ изъ бронзы на ряду съ поименованными издѣліями исходной точкой при установленіи хронологическихъ датъ.

Подобно тому какъ мѣдныя издѣлія оказываются предвѣстниками бронзового вѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и времени расцвѣта свайныхъ поселеній, такъ появленіе, хотя и весьма немногочисленныхъ, предметовъ изъ желѣза указываетъ приближеніе конца эпохи свайныхъ построекъ, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ держались особенно долго. На Бильскомъ озерѣ, у Мѣригена, найдены бронзовые браслеты и рукояти мечей, выложенные желѣзомъ. Новый металл цѣнился, повидимому, еще очень дорого, такъ какъ иначе имъ бы не пользовались для украшенія бронзовыхъ вещей. Въ другихъ странахъ—южной Австріи, верхней Италіи, Франціи—, расположенныхъ неподалеку отъ той мѣстности, о которой только-что шла рѣчь, желѣзо было въ эту пору уже значительно болѣе въ ходу; но въ область свайныхъ построекъ, вслѣдствіе какихъ-то неблагоприятныхъ условій, оно проникло гораздо позже, въ то время, когда свайныя деревни были по болѣе части уже покинуты, истреблены огнемъ или затонули, а жители ихъ перебрались на берегъ и устроили свою жизнь по новому.

Весьма своеобразное явленіе среди свайныхъ сооружений древней Европы представляютъ собою такъ назыв. террамары верхней Италіи. Онѣ находятся въ западной Эмиліи и въ провинціяхъ Парма, Реджіо и Модена и въ настоящее время имѣютъ видъ небольшихъ плоскихъ кургановъ болѣе или менѣе правильной четырехугольной формы, 2—5 метровъ высоты, 97—200 метровъ длины и 74—150 метровъ ширины. Въ позднѣйшее время на этихъ искусственныхъ возвышеніяхъ нерѣдко воздвигались различныя зданія (церкви, монастыря, церковныя дома и даже замки). Въ террамарахъ находятъ въ большомъ количествѣ золу и угли, кости животныхъ, черепки посуды и другіе остатки человѣческой культуры, вслѣдствіе чего сначала ихъ считали мѣстами сожиганія человѣческихъ труповъ, согласно языческимъ обрядамъ. Съ тѣхъ поръ, однако, какъ внутри этихъ кургановъ найдены были остатки хижинъ, примитивныя жернова, формы для отливки и образующіеся при этомъ шлаки, а также многіе другіе предметы повседневнаго обихода, уже нельзя было сомнѣваться въ томъ, что террамары представляютъ собою остатки первобытнаго человѣческаго жилья и примитивныхъ построекъ. Въ настоящее время извѣстно всего около 80 террамаръ. Шестдесятъ восемь изъ нихъ расположены на правомъ берегу рѣки По, между предгоріями Апеннинъ и низменностью, образуемою долиною этой рѣки, въ провинціяхъ: Равенна (1), Болонья (6), Модена (17), Реджіо (20), Парма (20), и Пьяченца (4). На лѣвомъ берегу По находится всего лишь около дюжины террамаръ, а именно въ провинціяхъ: Кремона (2), Бресція (1) и Мантуя (10). Изъ террамаръ Модены 9 лежатъ на холмахъ (одна изъ нихъ достигаетъ 150 метровъ высоты надъ уровнемъ моря); 5 расположены на плоскогорьѣ между предгоріями Апеннинъ и древнеримской дорогой *via Aemilia*, 2 на низменности, нѣсколько ниже упомянутой дороги. Одна изъ этихъ послѣднихъ лежитъ всего на 30 метровъ выше уровня моря, а нѣкоторыя террамары въ провинціи Парма лежатъ въ еще болѣе низменной мѣстности. Въ общемъ, террамары гораздо чаще встрѣчаются на равнинахъ, чѣмъ на возвышенностяхъ.

Нѣкогда террамары представляли собою укрѣпленныя поселенія. Мѣсто, занятое жилищами, было окружено землянымъ валомъ, идущимъ по прямымъ, пересѣкающимся между собою линіямъ; съ наружной стороны послѣдняго тянется, наполненный водою ровъ, и иногда можно еще и теперь различить слѣды питавшаго его канала и другого—отводившаго воду; а также и то мѣсто, гдѣ черезъ ровъ былъ перекинутъ мостъ. Изнутри къ валу примыкалъ крытый ходъ, который велъ въ окруженное валомъ пространство, представляющее что въ родѣ сухого бассейна, и здѣсь-то, какъ въ озерныхъ поселе-

и ихъ, возвышались построенныя на сваяхъ хижинъ. Къ такому способу постройки прибѣгали ради предохраненія жилья отъ сырости, а также для того, чтобы имѣть возможность обозрѣвать окрестности на большее разстояніе. Помость, на которомъ стояли хижинны, былъ убитъ глиною; поддерживающіе его столбы были деревянные, а матеріаломъ для постройки хижинъ служилъ хворостъ, обмазанный глиною. Прежде предполагалось, что внутренніе бассейны, образуемые стѣнами вала, были круглый годъ наполнены водою, но теперь пришли къ заключенію, что настоящими бассейнами они становились лишь изрѣдка—во время наводненій, вызванныхъ сильными дождями или внезапнымъ появленіемъ снѣговъ. Обыкновенно замкнутое валомъ пространство было отчасти занято вышеописанными свайными сооружениями, отчасти же оставалось свободнымъ и, вѣроятно, служило убѣжищемъ для скота.

Обитатели террамаръ занимались скотоводствомъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ множество находимыхъ въ нихъ костей рогатаго скота, козъ и свиней; а судя по тому, что кости эти часто оказываются раздробленными и обглоданными, нужно думать, что животныхъ этихъ убивали и употребляли въ пищу. Кромѣ того, жители этихъ поселеній занимались земледѣліемъ и охотой и, повидимому, знали уже и нѣкоторыя примитивныя ремесла. Такъ, они умѣли вырѣзывать различныя вещи изъ дерева, оленьяго рога и кости, обдѣлывать и полировать камень и лить бронзу, хотя и не умѣли еще ковать ее. Въ террамарѣ въ Монтале, которая, однако, не принадлежитъ къ числу наиболѣе богатыхъ бронзой, на пространствѣ въ 950 кубическихкихъ метровъ найдены были слѣдующіе предметы: 5 каменныхъ орудій (кинжалъ и 4 пилы), 53 бронзовыхъ вещи, 268 предметовъ изъ кости и оленьяго рога и около 1000 веретенныхъ колецъ изъ глины. Рядомъ другихъ террамарахъ чаще встрѣчаются каменные, а не бронзовыя издѣлія, а въ нѣкоторыхъ находятся почти исключительно каменные и костяные орудія.

Тѣла своихъ покойниковъ обитатели террамаръ предавали сожженію, а пепелъ собирали въ простыя, лишенныя какихъ-либо украшеній урны, которыя закапывали въ землю за предѣлами своихъ поселеній. Относительно погребальныхъ приложеній они были обыкновенно весьма скупы, а урны ихъ очень рѣдко украшены орнаментомъ, да и то весьма простымъ и бѣднымъ.

Террамары принадлежатъ ранней бронзовой эпохѣ, т. е. періоду приблизительно 1500—1000 лѣтъ до Р. Хр. Поэтому постоянно встрѣчающіяся въ нихъ типичныя формы различной утвари имѣютъ для насъ большое значеніе, ибо служатъ какъ бы образчиками при установленіи историческаго возраста находокъ изъ свайныхъ по-

строекъ Швейцаріи и при опредѣленіи формъ, которыя принадлежать специально началу и всему древнѣйшему періоду бронзоваго вѣка. Важно это въ особенности потому, что свайныя постройки Швейцаріи существовали значительно дольше, чѣмъ террамары, и переходятъ въ позднѣйшія фазы бронзовой эпохи.

Свайныя поселенія Италіи расположены въ предѣлахъ сѣверной части полуострова и по ту сторону Апеннинъ уже не встрѣчаются; такимъ образомъ, они примыкаютъ къ средне-европейской области распространенія озерныхъ поселеній. По географическому положенію онѣ представляютъ двѣ группы—западную, включающую свайныя деревни Пьемонта и Ломбардіи (напр., въ Лагоццѣ, Варезе и др.),—и восточную, захватывающую венеціанскую область и Эмилию. Поселенія, принадлежащія къ первой группѣ, въ общемъ весьма бѣдны металлическими предметами; при этомъ нѣкоторые изъ нихъ вполне принадлежатъ каменному вѣку и характеризуются отсутствіемъ извѣстныхъ формъ домашней утвари, типичныхъ для другой группы свайныхъ построекъ Италіи. Такъ, совершенно отсутствуетъ *ansa lupata*—особое украшеніе въ видѣ полумѣсяца на ручкахъ глиняныхъ сосудовъ. Вторая группа болѣе богата металлическими издѣліями. Наряду съ террамарами встрѣчаются и настоящія озерныя поселенія—какъ, напр., на Гардскомъ озерѣ,—которыя, подобно альпійскимъ стоянкамъ, въ значительной мѣрѣ переходятъ уже въ бронзовый вѣкъ, тогда какъ вышеописанныя террамары являются какъ бы конечной формой развитія свайныхъ сооружений въ тѣхъ областяхъ, гдѣ культурный процессъ протекалъ быстрѣе. Между тѣмъ какъ племена, населявшія альпійскія страны и западную часть верхней Италіи, могли, сравнительно долгое время, спокойно и правильно проходить различныя стадіи развитія,—въ восточныхъ областяхъ Верхней Италіи, а отчасти и въ восточныхъ Альпахъ прогрессъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ вишнихъ вліяній, совершался ускореннымъ темпомъ. Въ области восточныхъ Альповъ періодъ свайныхъ построекъ кончается вскорѣ послѣ того, какъ приступили къ обработкѣ металловъ; въ восточной части верхней Италіи періодъ этотъ тянется нѣсколько дольше, хотя все же далеко не такъ долго, какъ въ Швейцаріи; при этомъ въ Италіи преобладаютъ, какъ мы уже видѣли, весьма своеобразныя формы жилья.

Хотя въ настоящее время изслѣдователь до-исторической эпохи еще не имѣетъ достаточно данныхъ, чтобы высказывать рѣшительныя сужденія о ходѣ историческаго развитія отдѣльныхъ странъ, однако, и теперь уже можно указать вѣроятную причину отмѣченныхъ выше культурныхъ различій восточной и западной половины приальпійской области. Дѣло въ томъ, что болѣе обширная и менѣе возвы-

пленная часть альпійской области такъ же, какъ восточная половина верхней Италиі, являлись мѣстомъ остановки для тѣхъ народовъ, которые проходили здѣсь въ своемъ передвиженіи съ востока на западъ и на югъ. Италійскія племена, иллирійцы, а, можетъ-быть, и этруски, частью на время осѣдали въ этихъ мѣстностяхъ, частью совсѣмъ селились здѣсь. Вслѣдствіе этого культурная жизнь шла здѣсь гораздо напряженнѣе, и болѣе часто мѣнялся характеръ и бытъ населенія. Въ западной же части мы видимъ одни только кельтскія племена; въ своемъ распространеніи они все болѣе отбѣсняютъ неприннадлежащихъ къ арійской расѣ иберійцевъ и лигурійцевъ, остатки которыхъ въ историческую эпоху ютились въ пещерахъ. Такимъ образомъ, судьбы арійскихъ народовъ складывались весьма различно въ зависимости отъ того, въ какой мѣстности они селились. Италійцы въ верхней Италиі заняли область на югъ отъ долины По; въ средней же Италиі они избрали мѣстомъ осѣлости мѣстности, куда особенно часто и охотно завѣжали заморскіе восточные купцы; такъ, между Тибромъ и Албанскими холмами утвердилось латинское племя. Преимуществами, представляемыми Адриатическимъ моремъ, въ качествѣ воднаго пути для торговыхъ сношеній съ Востокомъ, пользовались отчасти и иллирійцы. Этруски же, происхожденіе которыхъ остается и понынѣ невыясненнымъ*), являлись—какъ въ слѣдствіе географическаго положенія занимаемой ими области, такъ и въ слѣдствіе своего относительно ранняго политическаго развитія—прочнымъ связующимъ звеномъ между Востокомъ и Западомъ. Такимъ образомъ, въ этихъ областяхъ культурное вліяніе болѣе высокой цивилизаціи Востока нашло весьма благопріятную почву.

М е т а л л ы.

Исторія металловъ, какъ культурнаго достоянія человѣчества, это—исторія высшей человѣческой культуры; поэтому она начинается во многихъ пунктахъ земного шара сравнительно поздно.

Въ культурномъ отношеніи наиболѣе цѣнными металлами являются желѣзо, мѣдь и олово, а также, и бронза, получаемая изъ сплава двухъ послѣднихъ металловъ. Благородные металлы по своему значенію въ жизни человѣка значительно уступаютъ вышеупомянутымъ металламъ, какъ это видно на примѣрѣ Мексики и Перу. Такъ какъ и золото, и серебро довольно часто встрѣчаются въ видѣ самородковъ, которые сразу бросаются въ глаза, то открыть и тотъ, и другой металлъ было не трудно; однако, существенно полезнаго примѣ-

*) Новѣйшія воззрѣнія на происхожденіе этрусковъ изложены въ статьѣ Г. Г. Генкеля въ № 6 «Вѣстника и Библ. Самообразованія» за 1904 г.
Ред.

ненія, кромѣ какъ для украшеній и для монеты. они не получили. Впрочемъ, уже одно то, что изъ благородныхъ металловъ стали дѣлать деньги, явилось крупнымъ шагомъ впередъ на пути культурнаго развитія.

г. *Общій обзоръ земного шара.*

Оставимъ теперь въ сторонѣ двѣ важнѣйшія культурныя области Старога Свѣта,—т.-е. Переднюю Азію и Европу,—которыя требуютъ особаго изслѣдованія своего культурнаго развитія въ его исторической послѣдовательности, и сдѣлаемъ обзоръ различныхъ странъ земного шара, начиная отъ Средиземнаго моря. Изъ этого обзора мы скоро убѣдимся, что различные народы, весьма различно относились къ находящимъ въ землѣ металлическимъ богатствамъ.

а) *А ф р и к а.*

Африка, съ ея своеобразнымъ негритянскимъ населеніемъ представляетъ собою совершенно особую культурную область, которая характеризуется тѣмъ, что, вслѣдъ за исключительнымъ господствомъ камня, здѣсь становится извѣстнымъ употребленіе желѣза. Знакомство съ желѣзомъ распространилось, повидимому, съ сѣверо-востока на юго-западъ, такъ какъ обработка его достигаетъ наивысшаго развитія въ странѣ Нила и смежныхъ съ нею областяхъ; здѣсь же, по всей вѣроятности, является она и наиболѣе древней. Впрочемъ, древній Египетъ, какъ и всякая другая страна, пережилъ въ свое время каменный періодъ. То же можно сказать и о Тунисѣ, Алжирѣ, Марокко и верхней Гвинее. Многочисленныя находки, относящіяся къ каменному вѣку, имѣются у насъ изъ южной и центральной Африки, а также изъ страны Сомали, лежащей въ восточной части чернаго материка. Онѣ представляютъ собою часть лишь обитыя, частью же и полированныя орудія и оружіе, причемъ формы ихъ, въ большинствѣ случаевъ, удивительно напоминаютъ древне-европейскія формы топоровъ, долотъ, скребковъ, наконечниковъ стрѣлъ и копій и ножей. Найдены были даже остатки обширныхъ мастерскихъ, гдѣ изъ сырого матеріала (кремня, базальта, грюнштейна) выдѣлывались такого рода предметы.

* На этомъ общемъ основаніи создавалась культура Африки, достигшая въ различныхъ областяхъ чернаго материка весьма различныхъ ступеней развитія. Египтяне, какъ и другіе передовые народы, долгое время отдавали предпочтеніе мѣди или, вѣрнѣе, бронзѣ; поэтому въ Египтѣ желѣзо далеко не сразу заняло принадлежащее ему по праву мѣсто въ культурномъ обиходѣ. Въ стѣнной живописи древняго Египта желѣзные вещи означались обыкновенно синей краской.

Однако, окрашенные въ этотъ цвѣтъ инструменты и оружіе совершенно не встрѣчаются въ стѣнныхъ изображеніяхъ наиболѣе древней эпохи. Древне-египетскіе сосуды, имѣющіеся въ нашихъ музеяхъ, также большею частью сдѣланы изъ бронзы. Судя по этому, можно думать, что, если желѣзо и было вообще извѣстно въ ту эпоху, то, во всякомъ случаѣ, по сравненію съ бронзой, было мало въ употребленіи. Повидимому, обработка желѣза достигла болѣе высокаго развитія въ странѣ Нила лишь во второй половинѣ второго тысячелѣтія до Р. Хр.

Уже неоднократно высказывалось вполнѣ основательное предположеніе, что негры познакомились съ употребленіемъ желѣза черезъ древнихъ египтянъ. Металлическая утварь и оружіе негровъ еще и понынѣ обнаруживаютъ удивительное сходство съ древне-египетскими; то же можно сказать и о кузнечныхъ мѣхахъ, которые употребляются при выплавкѣ и ковкѣ желѣза. Мало-по-малу металлъ этотъ, встрѣчающійся въ большомъ количествѣ въ видѣ плавкой руды, сталъ извѣстенъ по всему африканскому материку (но не у всѣхъ населявшихъ его народовъ). Выплавка руды производится самымъ примитивнымъ способомъ. Уголь въ горномъ дѣлѣ здѣсь почти не примѣняется.

Настоящихъ плавильныхъ печей, сложенныхъ изъ кирпича, также здѣсь не встрѣтишь; вмѣсто того примѣняются глиняныя печи или даже просто обыкновенныя ямы. Зато уже повсюду извѣстны кузнечныя мѣха (правда, безъ клапановъ). Продуктомъ первоначальной обработки являются не расплавленный чугуны, а куски мягкаго, ковкаго желѣза, для дальнѣйшей очистки котораго кузнецу приходится затрачивать еще не мало труда. Это и есть такъ называемое непосредственное добываніе желѣза—способъ, который повсемѣстно примѣнялся и въ древней Европѣ послѣ того, какъ металлъ этотъ сталъ извѣстенъ обитателямъ нашего континента. Лишь въ немногихъ отдѣльных мѣстностяхъ извѣстенъ былъ древнѣйшій приѣмъ для полученія стали; приѣмъ этотъ состоитъ въ томъ, что раскаленный до-красна кусокъ желѣза бросаютъ въ холодную воду. Этотъ способъ обработки желѣза былъ знакомъ грекамъ уже во времена Гомера.

Кузнецъ-негръ, который нерѣдко еще ведетъ бродячій образъ жизни, пользуется для своей работы самыми первобытными инструментами. Въ качествѣ наковальни и молота часто служатъ ему просто камни или необдѣланные куски желѣза. Чтобы удобнѣе было держать такой молотъ, къ нему прикрѣпляютъ иногда петлю изъ ремня или свитыхъ изъ лыка веревокъ; настоящей рукоятки не бываетъ никогда. Для того, чтобы рѣзать раскаленный металлъ и сообщать ему надлежащую форму, особенно при болѣе тонкой работѣ, служатъ долото или остріе копья. Кузнечныя клещи замѣняетъ наполовину

расщепленный кусокъ дерева или подобный же инструментъ изъ желѣза (нѣчто въ родѣ пинцета), перехваченный подвижнымъ кольцомъ.

Издѣлія столь примитивнаго желѣзодѣлательнаго производства (исключительно,—оружіе, инструменты и украшенія, соотвѣтственно чему требуется, сравнительно, весьма немного металла), пользующагося лишь самыми элементарными приспособленіями, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могутъ все же поспорить съ лучшими произведеніями европейской кузнечной работы. Однако, по мѣрѣ того какъ Африка все болѣе вступаетъ въ соприкосновеніе съ европейской культурой, туземное производство быстро уступаетъ мѣсто болѣе дешевымъ издѣліямъ, ввозимымъ изъ Европы.

Воображеніе всѣхъ первобытныхъ народовъ, съ самаго начала металлической эпохи, всегда окружало какъ самого кузнеца, такъ и его ремесло, атмосферой таинственности.

Такъ какъ онъ долженъ былъ быть чуждымъ и потому ненавистнымъ злымъ божествамъ древнѣйшей эпохи, то ихъ изгоняли при помощи желѣза,—такъ, напр., прибавали желѣзную подкову къ воротамъ хлѣбовъ, а во время бури бросали ножъ противъ вѣтра, чтобы отогнать налетающія вмѣстѣ съ нею полчища духовъ. Противъ скрывающагося въ песчаномъ смерчѣ «Джина» арабъ обороняется, выкрикивая слово «желѣзо». Съ другой стороны, культъ наиболѣе древнихъ божествъ, какъ, напр., Іеговы у іудеевъ, совершался на алтарѣ, сложенномъ изъ камней, на которыхъ никогда не ковали желѣза. На основаніи аналогичныхъ мотивовъ, кузнецы у африканскихъ негровъ то пользуются особымъ уваженіемъ, то подвергаются общему презрѣнію.

Кузнецы во всѣхъ странахъ Африки образуютъ особый классъ; въ этой отрасли производства устанавливается раздѣленіе труда, въ то время какъ въ другихъ, напр., въ ткацкомъ или гончарномъ дѣлѣ, каждый работаетъ отдѣльно и самостоятельно у себя на дому. Кузнецы нерѣдко принадлежали къ иному племени, чѣмъ господствующее населеніе данной страны: иногда, при завоеваніи страны и послѣдовавшемъ за нимъ изгнаніи прежнихъ ея обитателей, они оставались на прежнихъ мѣстахъ, образуя касту паріевъ. Иногда же они добровольно селились среди чуждаго народа, явившись на зовъ туземцевъ, незнакомыхъ съ ихъ ремесломъ и нуждающихся въ ихъ услугахъ; въ такихъ случаяхъ они, конечно, пользуются особымъ уваженіемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по рѣкѣ Конго имъ приписываютъ царское происхожденіе; у другихъ племенъ они являются не только специалистами по своему ремеслу, но также жрецами и врачами. Иногда званіе «князя кузнецовъ» считается высокимъ придворнымъ чиномъ. Племена, не свѣдущія въ обработкѣ желѣза, нерѣдко поклонялись кузнечнымъ мѣхамъ, какъ фетишамъ, а у нѣкоторыхъ отсталыхъ пле-

мень Индостана было въ обычаѣ подвѣшивать наконечники пикъ или лемехи плуговъ на деревья и посвящать имъ первые плоды урожая или часть добычи. Всему вышеизложенному отнюдь не противорѣчить, по существу, то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ областяхъ Африки каста кузнецовъ является наиболѣе отверженной, такъ что вступать въ родственныя отношенія съ членами ея избѣгаютъ даже рабы, а самое слово «кузнецъ» стало браннымъ словомъ и считается смертельнымъ оскорбленіемъ.

За исключеніемъ Египта и областей, расположенныхъ по побережью Средиземнаго моря, Африка, повидимому, не знала особаго мѣднаго или бронзоваго періода, составляющаго переходъ отъ каменнаго къ желѣзному вѣку. Мѣдь хотя и не является въ Африкѣ рѣдкостью, но добывается лишь въ немногихъ мѣстахъ, откуда уже путемъ торговли получаетъ дальнѣйшее широкое распространеніе. Такъ же, какъ и желѣзо, она выплавляется изъ руды при помощи раскаленныхъ углей, а затѣмъ, въ видѣ кольце-, яйце- или крестообразныхъ слитковъ идетъ въ продажу. Холоднаяковка самородной мѣди, практиковавшаяся у индѣйцевъ Сѣверной Америки, въ Африкѣ, повидимому, никогда не примѣнялась. Судя по стѣнной живописи въ храмѣ Медипетъ-Хабу, уже въ сокровищницѣ египетскаго фараона Рамзеса III на ряду съ плитами серебра и свинца имѣлись и большія плиты мѣди. Фараонамъ мѣдь доставлялась въ видѣ кирпичиковъ, въ качествѣ дани отъ Сиріи и Ассиріи. Бронза—являющаяся матеріаломъ многочисленныхъ, дошедшихъ до насъ издѣлій, древняго Египта—означалась въ тѣ времена тѣмъ же словомъ, что и мѣдь. Такъ какъ ни письменные памятники, ни рисунки древнихъ египтянъ не даютъ намъ основаній считать, что у нихъ имѣлось также и олово, то остается предполагать, что они въ большомъ количествѣ ввозили изъ Азіи готовую бронзу. Нельзя сказать, однако, чтобы дикимъ племенамъ африканскаго материка олово было совсѣмъ неизвѣстно, но для приготовления бронзы оно никогда ими не употреблялось. Мѣдь идетъ у нихъ, главнымъ образомъ, на украшенія, приблизительно какъ у насъ серебро? Изъ мѣди дѣлаютъ они шейныя цѣпи, ручныя и ножныя браслеты, различныя оправы, липныя плоскія проводки, которыми обвиваютъ рукоятки сабель и ножей, а также древки копій и луки. Знатные люди носятъ особое парадное оружіе изъ мѣди; такъ, напр., въ Угандѣ короли и вельможи пользуются исключительнымъ правомъ носить копья съ мѣдными наконечниками. Нѣкоторые чернокожіе, главнымъ образомъ, знатныя женщины (жены вождей), навѣшиваютъ себѣ на руки и на ноги такъ много мѣдныхъ браслетовъ, что они сильно стѣсняютъ ихъ при ходбѣ.

Отливка изъ желѣза совершенно незнакома чернокожимъ, от-

ливка изъ мѣди практикуется рѣдко. Но зато на Золотомъ берегу процвѣтаетъ отливка изъ золота, изъ котораго выдѣлываются здѣсь кольца, цѣпи, броши, фигуры животныхъ и т. п. Для этого дѣлаютъ сперва по восковой модели глиняную формочку, а затѣмъ, растопивъ воскъ, выливаютъ его изъ формы и вмѣсто него вливаютъ расплавленное золото.

б) Азія.

Обратимся теперь къ странамъ и островамъ, тянущимся на востокъ, на сѣверъ и на югъ и образующимъ величайшій изъ материковъ; сдѣлаемъ обзоръ Индостана и Индо-Китаѣ, острововъ Малайскаго архипелага, древнихъ государствъ Восточной Азіи и суровыхъ странъ азіатскаго сѣвера.

Индостанъ, несомнѣнно, пережилъ въ свое время каменный вѣкъ, восходящій, быть-можетъ, къ далекимъ геологическимъ эпохамъ. Непосредственно за нимъ слѣдуетъ періодъ обработки мѣди и бронзы. Санскритское слово «ayas» означало первоначально металлъ вообще (т.-е. мѣдь или бронзу, ср. нѣмецкое «Ez»), но впослѣдствіи стало означать специально желѣзо. Въ памятникахъ древне-индійской эпохи «Магабхарата» о желѣзѣ упоминается лишь изрѣдка; на основаніи этого произведенія можно заключить, что желѣзные наконечники стрѣлъ привозились съ Востока. Время, о которомъ здѣсь говорится, соответствуетъ приблизительно галльштаттскому періоду древне-европейской культуры или эпохѣ Гомера, когда желѣзо было уже извѣстно, но, сравнительно, мало распространено. Мѣдь, которая, въ противоположность желѣзу, добывалась на мѣстѣ, нерѣдко встрѣчается въ древнихъ культурныхъ слояхъ Индіи въ видѣ топоровъ, долотъ, наконечниковъ копій и т. п. Олово для приготовленія бронзы получалось съ Запада, такъ какъ богатые залежи олова въ Индо-Китаѣ были открыты лишь значительно позже. Старинныя вещи изъ бронзы встрѣчаются въ Индіи рѣдко; притомъ онѣ гораздо чаще являются украшеніями, чѣмъ необходимыми предметами обихода. Пропорція составныхъ частей этой бронзы нѣсколько иная, чѣмъ на Западѣ, что служитъ несомнѣннымъ опроверженіемъ неоднократно выставлявшагося мнѣнія, будто Индія является истинной родиной бронзы, откуда знакомство съ этимъ полезнымъ сплавомъ распространилось впослѣдствіи далеко на Западъ и на Востокъ.

Насколько древними являются въ Индіи добываніе и обработка желѣза, мы не знаемъ. Страна эта богата желѣзной рудой, которую туземцы выплавляютъ тѣмъ же примитивнымъ способомъ, какъ негры. У полудикихъ племенъ члены одной и той же семьи добываютъ руду, жгутъ уголь, выплавляютъ желѣзо и изготовляютъ изъ него

предметы, нужные для обихода деревенскаго жителя. Часто такіе мастера переходятъ съ мѣста на мѣсто и ставятъ свои глиняныя печи тамъ, гдѣ есть нужда въ желѣзныхъ издѣліяхъ, и въ достаточномъ количествѣ имѣются руда и дрова для заготовки угля. Затѣмъ, окончивъ работу, они отправляются дальше, и лишь большія кучи шлаковъ свидѣлствуютъ объ ихъ прежнемъ мѣстопребываніи. Продуктъ такого рода производства вполне удовлетворяетъ мѣстному спросу и обходится даже дешевле европейскаго желѣза. Странствующій кузнецъ Индіи вполне сходенъ съ африканскимъ; наковальной служить ему камень, а весь остальной инструментъ сводится къ клещамъ и молоту, киркѣ да напилку. Работаетъ онъ сидя такъ, какъ и негръ, и родственныи ему кузнецъ-цыганъ, странствующій по Европѣ и Малой Азіи.

Въ Индо-Китаѣ также бронза древнѣе желѣза. Особенно основательныя изслѣдованія были сдѣланы въ королевствѣ Камбоджа, находящемся въ настоящее время подъ французскимъ владычествомъ; слѣды новаго каменнаго вѣка встрѣчаются здѣсь совместно съ находками, принадлежащими бронзовой эпохѣ. Въ кучахъ раковинъ, попадающихся по берегамъ рѣкъ (прежніе кухонные отбросы), находятся полированные каменные топоры и долота, совершенно напоминающіе древне-европейскія формы, а рядомъ—различныя бронзовые предметы, какъ-то: клинки топоровъ, наконечники стрѣлъ, рыболовные крючки и кольца, также весьма приближающіеся къ образцовымъ издѣліямъ до-исторической Европы. Однако, въ виду того, что вся культура Индо-Китая находилась подъ вліяніемъ Китая, можно предполагать, что и знакомство съ бронзой пришло въ Индо-Китай изъ той же древней культурной области. Въ настоящее время въ Камбоджѣ получается изъ руды желѣзо, которое отлично поддается плавленію и ковкѣ, и изъ котораго такимъ же примитивнымъ способомъ, какъ и въ Индостанѣ, изготовляются топоры, ножи, пилы и сельскохозяйственныя орудія. На еще болѣе низкой ступени стоитъ добываніе и обработка желѣза въ Бирмѣ, гдѣ при выплавкѣ не примѣняются даже никакія приспособленія для усиленія притока воздуха. Вслѣдствіе этого желѣзо получается очень нечистое, такъ какъ заключаетъ въ себѣ много шлаковъ, остатковъ непрогорѣвшаго угля, песку и другихъ инородныхъ тѣлъ. Однако, послѣ особаго рода обработки, которой подвергаетъ его кузнецъ, оно оказывается прекраснымъ матеріаломъ для выдѣлки ножей и другихъ предметовъ.

Особый міръ, образуемый Малайскимъ архипелагомъ, въ культурномъ своемъ развитіи нѣсколько отличается отъ азіатскаго материка и приближается къ Африкѣ, такъ какъ бронзовая эпоха здѣсь, повидимому, отсутствуетъ, и отъ камня совершается непосред-

ственный переходъ къ желѣзу. Малайцы умѣютъ хорошо-обрабатывать металлъ. Для золота, желѣза и олова въ ихъ языкѣ имѣются свои особыя слова, тогда какъ для означенія серебра, мѣди и бронзы они употребляютъ санскритскія названія. Судя по этому, можно думать, что эти послѣдніе металлы были привезены на острова съ материка въ ту эпоху, когда брахманизмъ впервые проникъ изъ Индіи на Яву, и въ честь новаго бога были воздвигнуты грандіозные храмы, отъ которыхъ теперь сохранились развалины. Полуостровъ Малакка и островъ Суматра считаются областью первоначальнаго поселенія малайской расы. Отсюда малайцы распространились на востокъ до Новой Гвинее, на сѣверъ до Филиппинскихъ острововъ, на западъ—до Мадагаскара. Вездѣ, гдѣ появлялись малайцы, распространялся характерный для нихъ способъ обработки желѣза, который всегда легко узнать по своеобразной формѣ мѣховъ, снабженныхъ поднимающимся и опускающимся поршнемъ. На Филиппинахъ туземцы-негритосы не смогли возвыситься до обработки металла такъ же, какъ и папуасы на Новой Гвинее. Поэтому вполне понятно, что малайцы весьма почитаютъ своихъ кузнецовъ. На Явѣ слово «pandi» означаетъ одновременно и кузнеца, и мудраго, ученаго человѣка, а у игорротовъ на островѣ Люсонѣ кузнецы считаются единственными настоящими ремесленниками.

У этого племени на ряду съ желѣзомъ ведутся съ давнихъ поръ добываніе и выплавка мѣди. Въ Манилѣ испанцы въ теченіе цѣлыхъ столѣтій пользовались мѣдными издѣліями игорротовъ, совершенно не интересуясь способомъ ихъ производства. Для обработки руды малайское племя пользуется огнемъ. На островахъ Малайскаго архипелага мѣдь попадаетъ и въ самородномъ состояніи, и въ рудѣ. Первую, быть-можетъ, уже съ древнѣйшихъ временъ, обрабатывали посредствомъ холоднойковки и изготовляли изъ нея разные инструменты; но искусство плавить и лить металлъ было усвоено лишь позднѣе и благодаря индійскому вліянію. Весьма примитивнымъ образомъ производится у малайцевъ Индо-Китаю и добываніе олова, которое необходимо для приготовленія бронзы и легче всѣхъ другихъ металловъ извлекается изъ руды. Однако, обработка олова началась здѣсь сравнительно поздно и уже, во всякомъ случаѣ, не въ до-историческую эпоху. Первые опредѣленные извѣстія о торговлѣ индійскимъ оловомъ встрѣчаются у арабскихъ писателей среднихъ вѣковъ.

Въ Китаѣ въ почвѣ еще сохраняются остатки уже давно миновавшаго каменнаго вѣка. Однако, еще не такъ давно въ нѣкоторыхъ областяхъ этой обширной страны топоры и рѣзущіе инструменты дѣлались изъ твердыхъ сортовъ камня—фактъ, настолько любопытный, что, конечно, долженъ попасть на страницы исторіи.

Преданіе пытается даже установить имена многочисленных изобрѣтателей, научивших людей употребленію болѣе совершенныхъ матеріаловъ для орудій. Сначала явился «Фуги»,—онъ дѣлалъ оружіе изъ дерева; слѣдующимъ выступилъ «Шимунгъ», который сталъ обрабатывать камень, и, наконецъ, появился «Чигу», изготовлявшій уже оружіе изъ металла. Вслѣдъ за каменнымъ вѣкомъ наступилъ вѣкъ бронзы, начавшійся во второмъ тысячелѣтіи до начала нашего лѣтосчисленія и продолжавшійся до первыхъ вѣковъ послѣдняго тысячелѣтія до Р. Хр. Остатки, принадлежащіе этой продолжительной культурной эпохѣ и находимые въ лѣсѣ, считаются чрезвычайно цѣнными памятниками. Повидимому, существовало цѣлыхъ шесть бронзовыхъ сплавовъ въ разной пропорціи для колоколовъ и котловъ, топоровъ и копій, пожей, сабель, наконечниковъ стрѣлъ и зеркалъ, что указываетъ на такую сложность культуры, которая далеко оставляетъ за собою все, что мы видѣли въ до-исторической Европѣ. По китайскому преданію, въ «древности» оружіе дѣлали изъ «мѣди» (т.-е. бронзы), и лишь позднѣе, въ эпоху, соотвѣтствующую, по нашему счету, третьему вѣку до Р. Хр., вмѣсто мѣди стало входить въ употребленіе желѣзо.

Въ далекой Японіи антропологъ встрѣчаетъ явленія до-исторической культуры, совершенно аналогичныя европейскимъ,—кучи раковинъ (кѣккенмѣддинги), могильные холмы, гробницы въ большихъ каменныхъ камерахъ и т. п. Въ нихъ и возлѣ нихъ находятся грубо обдѣланные или уже хорошо полированные каменные орудія, инструменты изъ рога и кости, а также и бронзовые предметы. Наиболѣе грубые, только лишь оббитыя каменные издѣлія найдены въ кухонныхъ остаткахъ (напр., около Омори въ бухтѣ Іеддо), гдѣ нѣтъ еще никакихъ слѣдовъ бронзы. Эти кухонные отбросы показываютъ намъ культурный уровень первоначальнаго населенія Японіи, которое можно, съ большою вѣроятностью, считать предками нынѣшнихъ айновъ. Орнаменты и украшенія на сосудахъ айновъ и теперь еще повторяютъ тѣ примитивныя образцы, которые мы находимъ на черепкахъ посуды въ этихъ древнихъ раковинныхъ кучахъ. Позднѣе, вѣроятно, съ материка (по малодостовернымъ преданіямъ, около 1240 г. до Р. Хр.) явился народъ съ болѣе развитой культурой и, прогнавъ первоначальныхъ обитателей изъ занимаемой ими области, оттѣснилъ ихъ на сѣверъ. У этихъ завоевателей—предковъ нынѣшнихъ японцевъ—имѣлось уже полированное, а иногда даже изукрашенное оружіе изъ камня и даже изъ бронзы. Каменное оружіе сдѣлано изъ такихъ сортовъ камня, которые встрѣчаются въ Японіи весьма рѣдко, а болѣею частью и совсѣмъ не встрѣчаются. Такое древнее оружіе, находимое въ землѣ, японцы хранятъ теперь въ храмахъ, ибо считаютъ его наслѣдіемъ

«Камя»; т.-е. существъ высшаго порядка, отъ которыхъ, будто бы, и сами они ведутъ свое происхожденіе. По ихъ представленію, оно также падаетъ съ неба, когда полчища разгнѣванныхъ духовъ съ шумомъ проносятся по воздуху надъ землею.

Въ настоящее время горное дѣло какъ въ Китаѣ, такъ и въ Японіи достигаетъ весьма высокаго уровня развитія, а техника обработки металловъ въ Японіи стоитъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже выше, чѣмъ въ Европѣ. Древнее и весьма распространенное въ Китаѣ желѣзное производство въ значительной степени обязано своимъ происхожденіемъ природному богатству страны, изобилующей рудой и каменнымъ углемъ. Характерною особенностью китайской металлургіи является способъ обработки первоначальнаго сырого матеріала — примѣняются не печи, а плавильные тигли, при посредствѣ которыхъ получаютъ и чугуны, и ковкое желѣзо. Въ Японіи горное дѣло процвѣтало уже въ VIII вѣкѣ послѣ Р. Хр. Отъ послѣднихъ лѣтъ XVII столѣтія имѣются любопытныя указанія, свидѣтельствующія о томъ, что мѣди была въ то время наиболѣе распространеннымъ изъ всѣхъ бывшихъ въ употребленіи металловъ. Изъ мѣди изготовлялись тогда тѣ предметы, которые большей частью дѣлаются изъ желѣза, напр. гвозди, скобы, крючки и т. п., такъ какъ желѣзо обходилось въ дешевле, а желѣзные инструменты стоили даже дороже, чѣмъ мѣдные или латунные. Конечно, это еще не даетъ намъ права говорить о мѣдной или бронзовой эпохѣ, но несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ долго знакомство и привычка къ употребленію другихъ металловъ являлись помѣхою болѣе широкому распространенію и господству желѣза. Древній Египетъ представляетъ также весьма поучительный примѣръ въ смыслѣ подтвержденія этого положенія, совершенно неосновательно оспариваемаго.

Въ отношеніи обработки металловъ Китай и Японія образуютъ одну обширную, но замкнутую культурную область, которая какъ по занимаемому ею пространству, такъ и по значенію въ исторіи человечества можетъ сравняться съ другою важнѣйшею областью культуры—Передней Азіи и бассейна Средиземнаго моря—, которая подлежитъ разсмотрѣнію особо. Въ западной части Стараго Свѣта Передняя Азія (вмѣстѣ съ Египтомъ) играетъ такую же роль, каковая на востокѣ принадлежитъ Китаю, — роль первоначальнаго культурнаго центра, гдѣ постепенно создавалась и откуда распространялась высшая цивилизація. Европа же представляетъ аналогію съ Японіей, быстро усвоившей и развившей дальше воспринятую ею культуру. И подобно тому, какъ изъ средиземноморской области нѣкоторыя культурныя изобрѣтенія проникли къ негритянскимъ народамъ Африки, такъ и Японія оказала культурное воздѣйствіе на отсталыя племена сѣвер-

ной Авія. Когда, въ XVII столѣтіи, русскіе проникли за Уралъ и приступили къ завоеванію Сибири, лишь весьма немногіе изъ туземныхъ народцевъ имѣли представленіе о желѣзѣ и были знакомы съ его употребленіемъ. По болышей части, они довольствовались оружіемъ и орудіями изъ дерева, камня и кости; имѣвшіеся здѣсь немногочисленные желѣзные инструменты проникли сюда путемъ торговли. Какъ въ настоящее время туземцы острововъ Тихаго океана набрасываются съ жадностью на привозимые европейскими кораблями товары, такъ и полудикое населеніе Сибири при появленіи русскихъ набросилось на водку, на табакъ и на желѣзо, и ихъ жадность къ желѣзу давала возможность русскимъ купцамъ заключать необычайно выгодныя мѣновыя сдѣлки. Такъ, въ обмѣнъ на самый обыкновенный ножъ можно было получить соболій мѣхъ, а за желѣзный или мѣдный котелъ давали столько шкуръ соболей и чернубурой лисицы, сколько могло помѣститься въ этомъ котлѣ. Еще въ началѣ XVIII столѣтія камчадалы представляли собою такой народъ каменнаго вѣка. Ихъ клинообразные топоры изъ камня или изъ китовой и оленьей кости вставлялись въ колѣнчато-изогнутую рукоятку, какъ древне-европейскій каменный топоръ. Этимъ жалкимъ орудіемъ выдалбливали они изъ дерева челноки, посуду, корыта. Не трудно представить себѣ, какъ медленно должна была подвигаться такая работа, но все же нельзя не изумляться, когда узнаешь, что для того, чтобы выдолбить себѣ челнъ, нужно было три года работы, для изготовленія деревяннаго сосуда—1 годъ, и т. д. Но время врядъ ли можетъ быть дорого для полудикаго человѣка, при его духовной спячкѣ и незначительныхъ потребностяхъ. Поэтому намъ съ трудомъ вѣрится, что этотъ самый народъ при помощи своихъ примитивныхъ инструментовъ создавалъ предметы роскоши, настоящія чудеса искусства. Предметъ, вызывающій такое изумленіе—а именно, цѣпь, приблизительно около 40 сантиметровъ въ длину, выточенная изъ одной цѣльной пластинки китоваго уса и отличающаяся необычайно тонко обточенными звеньями—, былъ найденъ въ Камчаткѣ однимъ очень давшишимъ путешественникомъ. Коряки, живущіе по сосѣдству съ камчадалами, впервые получили желѣзо отъ русскихъ. Они не умѣютъ сами ни добывать его, ни обрабатывать, но зато умѣютъ съ большимъ вкусомъ украшать ножи и наконечники копій накладками изъ мѣдной проволоки. У чукчей, живущихъ еще дальше на сѣверъ, желѣзо стало извѣстно лишь въ концѣ XVIII столѣтія; однако, здѣсь, вслѣдствіе низкаго уровня умственного развитія, этотъ новый матеріалъ не нашелъ надлежащаго примѣненія. Чукчи получаютъ и американское, и европейское желѣзо все въ болышемъ и болышемъ количествѣ; но, въ общемъ, это не оказало на ихъ нравы и культурный обиходъ хоть сколько-ни-

будь замѣтнаго вліянія; ихъ посохи нерѣдко окованы желѣзомъ, на саняхъ придѣланы желѣзные кольца, а въ то же время такія вещи, какъ наконечники для стрѣлъ, рыболовные крючки, ложки и т. п. еще и понынѣ выдѣлываются: столько же изъ чужеземнаго металла, сколько и изъ кости, и изъ дерева. Молотки, по большей части, бываютъ у нихъ каменные, а для добыванія огня пользуются или кремнемъ и огнивомъ, или же древнимъ деревяннымъ сверломъ.

Впрочемъ, среди отсталыхъ народовъ Сѣверной Азіи встрѣчаются и такіе, которые были знакомы съ употребленіемъ желѣза раньше, чѣмъ въ Сибири появились русскіе,—обстоятельство, заслуживающее особеннаго вниманія въ виду его параллелизма съ нѣкоторыми отношеніями въ древней Европѣ. Такъ, остяки, повидимому, умѣли въ прежнее время добывать желѣзо, но теперь уже утратили это умѣніе, такъ какъ русскіе купцы доставляютъ имъ его по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ оно обходилось бы имъ при мѣстной обработкѣ. Туркское племя, якуты, живущіе по рѣкѣ Лентѣ, несмотря на привозъ русскаго желѣза, продолжаютъ добы ать его сами своимъ прежнимъ первобытнымъ способомъ. Можно убѣдиться на примѣрѣ этого народа, изъ всѣхъ народовъ Сибири наиболѣе знакомаго съ обработкою желѣза, что бродячій образъ жизни отнюдь не исключаетъ возможности металлическаго производства. Въ кузнечномъ дѣлѣ якуты также весьма преуспѣваютъ. Они изготовляютъ ножи, топоры, сѣкиры, наконечники стрѣлъ и коній, рогатины, шлемы, бляхи для кожаныхъ панцирей, серпы и ножницы и умѣютъ искусно украшать ихъ. Многія желѣзные вещи они подвергаютъ луженію, другія серебрятъ.

Въ сѣверной Азіи жили, однако, народы, которые были знакомы съ употребленіемъ металловъ не только въ эпоху, непосредственно предшествовавшую переходу этой страны во владѣніе русскихъ, но и въ гораздо болѣе отдаленныя времена. Собственно, желѣза племена эти не знали, но знали другіе металлы, особенно мѣдь. Этотъ народъ преданіе называетъ ч уд ь ю (чудаки). Древнія «чудскія копи» таятсѣ отъ Урала до Алтая и даже до Забайкалья. На Уралѣ—гдѣ живутъ теперь вогулы, которые не занимаются горнымъ дѣломъ, но въ преданіяхъ своихъ повѣствуютъ о чуди, искусной въ обработкѣ металловъ—во всѣхъ рудныхъ мѣстностяхъ проложены довольно глубоки, хотя и лишенныя подпорокъ и срубовъ, шахты и штольни. Въ этихъ старинныхъ шахтахъ, по отношенію къ которымъ большинство нынѣшнихъ рудниковъ—по крайней мѣрѣ, въ Оренбургской губерніи—является лишь продолженіемъ, встрѣчаются иногда любопытныя находки; таковы, напр., круглыя слитки мѣди, глиняные тигли (замѣняющіе горны и печи), кучи шлаковъ, содержащихъ еще до 20% мѣди, мѣдное оружіе, а также плоскіе топоры и просверленные молотки изъ

различныхъ сортовъ камня. На Алтаѣ старинныя золотыя копи идутъ на 10 и болѣе метровъ въ глубину, однако, пласта твердой руды не достигаютъ. Рыхлая золотоносная порода разрабатывалась при помощи мѣдныхъ кирокъ, а чтобы вогнать такую кирку въ почву, употреблялись круглые камни съ бороздками по краямъ, въ которыхъ былъ укрѣпленъ ремень, служившій рукояткой. Подобными же орудіями пользуются африканскіе кузнецы. Такъ какъ для огражденія работающихъ отъ несчастныхъ случаевъ почти никакихъ мѣръ въ тѣ времена не принималось, то въ копанияхъ часто попадаются скелеты раздавленныхъ рудокоповъ. Около одного скелета найденъ былъ также кожаный мѣшокъ съ кусками добытой руды.

«Чудскія копи» безусловно предшествуютъ желѣзному вѣку. Сходство прежнихъ наименованій и сказанія классической эпохи о народахъ сѣверной Азіи, знакомыхъ съ мѣдью и золотомъ, но незнакомыхъ съ желѣзомъ, уже съ давнихъ поръ послужили поводомъ къ тому, чтобы отождествлять чудь со скинами. Однако, послѣдніе отнюдь не представляютъ собою единого народа съ единой общей культурой. Поэтому чудь стали считать предками нынѣшнихъ финскихъ племенъ, ибо, во-первыхъ, по разсмотрѣніи лингвистическихъ данныхъ, пришли къ заключенію, что древнѣйшимъ металлическимъ производствомъ финновъ является обработка иковка мѣди; а во-вторыхъ, финскія слова для означенія бронзы и желѣза заимствованы изъ чужихъ индогерманскихъ языковъ.

Могила «чуди» доставили еще болѣе многочисленныя находки, чѣмъ рудники. Такія могилы, содержащія погребальныя дары и разрытыя грабителями съ цѣлью наживы, тянутся къ сѣверу по теченію Енисея до такихъ мѣстностей, гдѣ зимняя температура нерѣдко доходитъ до 40° по Реомюру ниже нуля. Въ степяхъ близъ Красноярска находятъ отличные бронзовые ножи, кинжалы, топоры и наконечники копій, причемъ нѣкоторые изъ нихъ украшены изображеніями животныхъ. Подвигаясь вверхъ по Енисею на югъ, вплоть до границы Монголіи, мы достигнемъ мѣстности съ болѣе мягкимъ климатомъ, являющейся центральнымъ пунктомъ области распространенія этихъ могилъ, а также и содержащихся въ нихъ металлическихъ древностей. Тутъ, по берегу рѣки и въ прибрежной мѣстности расположены такъ назыв. «тумули» (могильные холмы или курганы), тогда какъ болѣе новыя могилы киргизовъ расположены группами по 60—80 кургановъ у дѣли холмовъ, опоясывающей степную равнину. Въ могилахъ киргизовъ находятся желѣзныя вещи; въ могилахъ чуди почти исключительно мѣдныя. Покойники въ могилахъ чуди лежатъ въ деревянныхъ ящикахъ, покрытыхъ берестой или каменными плитами. У ногъ ихъ были сложены погребальныя дары: глиняные со-

суды, мѣльные котлы, деревянная посуда и всевозможныя мѣдныя орудія. Рядомъ и на поясъ нерѣдко находились украшенія, представившія собою изображенія животныхъ (олений), которыя были приарѣплены или пришиты къ кожанымъ кушакамъ и платью; затѣмъ также кинжалы, ножи и др. мелкіе предметы. Часто находятся также остатки головныхъ уборовъ и даже остатки платья (затканное золотомъ куски шелка и различные мѣха); просверленные кости животныхъ, которыя нанизывали на шнурокъ и носили въ видѣ украшенія, посохи съ мѣдными набалдашниками и т. п. Посохи и рукояти кинжаловъ были обвиты полосами изъ листового золота. Отдѣльные листочки золота носили также въ качествѣ головного украшенія. Впрочемъ, въ мѣстахъ чуди не всегда находятся остатки несожженныхъ труповъ; иногда рядомъ съ однимъ или нѣсколькими скелетами лежитъ кучка пепла—кальцинированные остатки костей человѣка, сожженного послѣ смерти на кострѣ.

На смѣну загадочной чуди, совершенно незнакомой или знакомой весьма мало съ употребленіемъ желѣза, въ началѣ христіанской эры въ верховьяхъ Енисея появляется племя набѣдниковъ тюркскаго происхожденія, о культурномъ уровнѣ котораго мы можемъ судить только лишь по раскопкамъ его могилъ. Въ могилахъ этихъ содержится лишь весьма немного мѣдныхъ издѣлій, но зато очень много предметовъ изъ желѣза, напр., стремени и другія принадлежности конской сбруи, выложенныя золотомъ и серебромъ, затѣмъ серебряная посуда, листовое золото и т. п. Изъ китайскихъ источниковъ мы узнаемъ, что тюрки на Алтаѣ умѣли плавить желѣзо, и черезъ нихъ искусство это распространилось, хотя и не особенно широко, по Сибири. Мѣдъ и желѣзо, по всей вѣроятности, были съ давнихъ поръ извѣстны тюркскимъ племенамъ, такъ какъ во всѣхъ турецко-татарскихъ нарѣчіяхъ для означенія этихъ двухъ металловъ служатъ одни и тѣ же слова.

с) А м е р и к а.

Америка представляетъ для насъ чрезвычайно любопытную картину: на всемъ этомъ обширномъ материкѣ, населенномъ многочисленными племенами, весьма различными по степени культуры, желѣзо до появленія европейцевъ оставалось совершенно неизвѣстнымъ; весьма интересное исключеніе представляетъ только одинъ народъ. Относительно этого сходятся показанія всѣхъ первыхъ представителей и носителей европейской цивилизаціи въ Америкѣ—испанцевъ, португальцевъ и англичанъ, участвовавшихъ въ открытіи Новаго Свѣта и въ первоначальномъ съ нимъ ознакомленіи. Изъ ихъ разсказовъ видно, что этотъ странный недочетъ въ американской культурѣ производилъ весьма сильное впечатлѣніе на всѣхъ вступавшихъ

въ соприкосновеніе съ краснокожими обитателями вновь открытой земли. При видѣ чрезвычайно искусныхъ издѣлій, исполненныхъ туземцами, напр., въ западномъ Гаити (фигуры идоловъ и другія рѣзныя работы изъ дерева, искусно выточенные сидѣнья, рѣзныя украшенія для носа кораблей и челноковъ и т. п.), нельзя было не удивляться тому, какими жалкими инструментами изъ камня или осколковъ раковинъ приходилось имъ работать. Металлы употреблялись исключительно для украшеній. Кацики носили золотыя короны, другіе привѣшивали къ носу пластинки золота. Между прочимъ, заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что краснокожіе не умѣли обрабатывать золото посредствомъ выплавки и принуждены были довольствоваться холодной ковкой, при помощи молотковъ.

Значительно болѣе развитую культуру засталъ Кортесъ у мексиканцевъ, а Пизарро—у перуанцевъ. Въ Мексикѣ, ко времени появленія европейцевъ, на ряду съ камнемъ были распространены мѣдь и бронза; культурное состояніе этой страны въ эту пору можно было бы опредѣлить какъ «бѣдную металломъ мѣдно-бронзовую эпоху». Хотя такая стадія культуры въ Европѣ была уже рано превзойдена—она соотвѣтствуетъ приблизительно эпохѣ свайныхъ построекъ Швейцаріи новаго каменнаго и древнѣйшаго бронзоваго вѣка—, въ Америкѣ она является уже довольно высокимъ уровнемъ культурности, по сравненію съ племенами, обитающими на сѣверъ и на югъ отъ Мексики и Перу и незнакомыми еще даже съ земледѣліемъ. Въ Мексикѣ, между тѣмъ, въ сельскомъ хозяйствѣ примѣнялось уже искусственное орошеніе; процвѣтали ткацкое и красильное искусства, живопись (эмблематическое письмо) и архитектура. Вольного совершенства достигла и обработка золота: Кортесъ доносилъ Карлу V, что среди сокровищъ Монтецумы были изображенія всего, что только имѣлось въ его царствѣ, причемъ изображенія эти были сдѣланы изъ золота, серебра, разноцвѣтныхъ перьевъ и драгоценныхъ камней. Изъ полезныхъ металловъ были извѣстны—мѣдь, олово и свинецъ, но широкаго примѣненія они не имѣли. Инструменты и оружіе изъ мѣди и бронзы употреблялись лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; зато широко распространены были орудія изъ камня, а именно изъ обсидіана, острые осколки котораго служили лезвиемъ деревянныхъ мечей, клинками кинжаловъ, пилами, копьями и т. п. Костяныя орудія также были еще въ ходу.

Мѣдь употреблялась какъ на украшенія, такъ и на рабочіе инструменты. Изъ нея изготовлялись иглы, кольца, бубенцы, изображенія черепахъ, а также топоры и наконечники копій. Небольшой размѣръ и немногочисленность находимыхъ здѣсь мѣдныхъ топоровъ (о наконечникахъ копій мы узнаемъ лишь изъ письменныхъ памятниковъ)

указываютъ на то, что металлъ этотъ не вошелъ еще, по настоящему, въ употребленіе. Топоры были, повидимому, отлиты въ литейныхъ формахъ и затѣмъ подверглись обработкѣ при помощи молота. Подобно древне-европейскимъ топорамъ они имѣютъ болѣею частью короткое лезвее; или же, наоборотъ, лезвее оказывается съ обоихъ концовъ вытянутымъ въ длину, такъ что весь клинокъ имѣетъ форму буквы Т. Такіе топоры были найдены однажды въ количествѣ 276 штукъ развѣ въ двухъ большихъ глиняныхъ сосудахъ (въ 11 сантим. длины и 15 сантим. ширины каждый); весьма возможно, что они служили деньгами, подобно тому, какъ въ Африкѣ употреблялись въ качествѣ денегъ топоры изъ желѣза.

Говорятъ, мексиканцы такъ хорошо закаливали мѣдь, что ихъ мѣдными топорами можно было рубить деревья и даже обрабатывать камень; между тѣмъ какъ подобные же древне-европейскіе топоры оказывались для этого совершенно непригодными. Чистая мѣдь, безъ примѣси олова, хороша для оружія, но не для инструментовъ; бронза—иное дѣло: при надлежащемъ приготовленіи бронзовыя орудія могутъ служить для обработки самыхъ твердыхъ матеріаловъ. Въ дѣлѣ обработки бронзы мексиканцы не особенно успѣвали. Древняя мексиканская бронза, которая встрѣчается, впрочемъ, очень рѣдко, содержитъ 9—10% олова такъ же, какъ и древне-европейская, но пропорція эта найдена ими самостоятельно, независимо отъ какого-либо чужеземнаго вліянія. Металлургію и технику обработки металла у ацтековъ нужно разсматривать какъ продуктъ вполне самобытной и, въ общемъ, высокоразвитой культуры. Они умѣли уже лить и обрабатывать металлы, но паять еще не умѣли. Литейщики и золотыхъ дѣлъ мастера составляли особую корпорацію, которая пользовалась большимъ почетомъ; богу, подъ покровительствомъ котораго находилась эта корпорація, въ опредѣленные праздничные дни торжественно приносились человѣческія жертвы. Послѣ завоеванія страны испанцами мѣстное металлическое производство весьма быстро пришло въ полный упадокъ.

Вліяніе древне-мексиканской культуры простиралось не далѣе Панамскаго перешейка. Здѣсь начиналась уже новая культурная область, къ которой прежде всего слѣдуетъ отнести земли индѣйцевъ чибча; цивилизація этого племени весьма заслуживаетъ нашего вниманія, ибо выработана вполне самостоятельно, а не заимствована у мексиканцевъ. Подобно послѣднимъ, чибча были знакомы и съ золотомъ, и съ серебромъ, и съ мѣдью, и съ бронзой; тѣмъ не менѣе, какъ оружіе ихъ, такъ и утварь лишь по исключенію изготовлялись изъ металловъ—обыкновенно же дѣлались изъ камня. Золото, на которомъ народы эти впервые научились искусству обрабатывать металлъ, они плавили, отливали въ формы, чеканили и паяли. Нужныя

для этого приспособленія и орудія дѣлались изъ камня или же изъ сплава золота и мѣди. Изготавливались, главнымъ образомъ, украшенія (серьги и кольца для ушей и для носа), пояса, грудныя бляхи, сосуды, фигуры людей и животныхъ (жабъ, ящерицъ, птицъ и рыбъ); украшенія, изображающія растенія, были неизвѣстны. Такого рода фигуры дѣлались весьма грубо и представляли собою пластинки литого золота, на которыхъ посредствомъ припаянной проволоки означались контуры и детальныя внутреннія очертанія рисунка. Такого же рода издѣлія выполнялись, впрочемъ, весьма рѣдко, и изъ бронзы.

Замѣчательно, что столь обширныя и, относительно, высокоцивилизованныя государства, какъ Мексика и Перу, не завязали между собою сношеній. Безъ сомнѣнія, такія сношенія не преминули бы вскорѣ установиться, если бы естественное теченіе событій не было нарушено вмѣшательствомъ посторонней силы, а именно — вторженіемъ европейцевъ. Страна, которую населяли перуанцы, весьма богата желѣзомъ, но, тѣмъ не менѣе, имъ также не было извѣстно его примѣненіе. Ихъ знакомство съ металлами ограничивалось знакомствомъ съ благородными металлами, мѣдью, оловомъ и свинцомъ. Они умѣли выплавлять эти металлы изъ руды, дѣлать изъ нихъ сплавы, отливать въ формы, ковать и паять. Горное дѣло, которымъ и понынѣ заняты тысячи индѣйцевъ въ горныхъ долинахъ Перу, достигало весьма высокаго уровня развитія. Плавильныя печи дѣлались изъ глины; мѣховъ еще не знали. Могиламъ и сокровищницамъ инковъ убѣждаютъ насъ, что золотыхъ дѣлъ мастера въ древнемъ Перу нисколько не уступали въ искусствѣ мексиканскимъ своимъ собратьямъ по ремеслу. При помощи восковыхъ моделей они изготавливали изъ золота шейные обручи, записки, вазы, серебряныя зеркала, вѣсы, колокольчики и т. п.; рабочіе инструменты и оружіе выдѣлывались изъ мѣди и изъ бронзы. Перу даже опередило Мексику въ культурномъ отношеніи, такъ какъ здѣсь въ качествѣ матеріала для орудій употреблялась преимущественно бронза, и лишь изрѣдка пользовались чистою мѣдью. Изъ мѣди дѣлались диски и полумѣсяцы, идолы, фигуры животныхъ (змѣй), посохи, топоры. Перуанская бронза имѣетъ другой составъ, чѣмъ мексиканская; это различіе является лишнимъ подтвержденіемъ уже отмѣченной выше полной самобытности этихъ двухъ обширныхъ областей бронзовой культуры. Впрочемъ, въ Перу не была выработана какая-либо опредѣленная и постоянная пропорція для сплава бронзы. Изъ бронзы отливались конья и наконечники стрѣлъ, земледѣльческія орудія, напоминающія долота, лопаты и лопаточки, клинки топоровъ и т. под. Издѣлія эти изготавливались въ такомъ громадномъ количествѣ, что послѣ того какъ было введено употребленіе желѣза, которое представляетъ несомнѣнныя преимущества, прежнія бронзовыя вещи

можно было покупать цѣлыми центнерами, въ обмѣнъ на новый металлъ.

Изъ Перу бронзовая культура распространилась на югъ, въ Чили, гдѣ нерѣдко находятся бронзовые предметы въ перуанскомъ стилѣ. Дальше на югъ и на западъ отъ Перу, а также на сѣверъ отъ Мексики обитали индѣйскія племена, у которыхъ незамѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ перехода къ болѣе высокой стадіи обработки какого-либо изъ упоминавшихся выше металловъ, имѣющихъ культурное значеніе въ жизни человѣчества. Въ Сѣверной Америкѣ находили и обдѣлывали метеорное желѣзо и самородную мѣдь, но не умѣли ни извлекать этихъ металловъ изъ руды, ни обрабатывать ихъ при помощи огня.

У эскимосовъ также имѣлось метеорное желѣзо, но это не оказало никакого вліянія на развитіе ихъ культуры.

Самородная мѣдь встрѣчается въ бассейнахъ нѣкоторыхъ рѣкъ. особенно же она изобилуетъ на Верхнемъ озерѣ («Native-Copper-District»). Такія мѣстности, еще задолго до появленія европейцевъ, привлекали къ себѣ многочисленныя индѣйскія племена, нерѣдко предпринимавшія долгія странствованія для того, чтобы добыть нужный имъ металлъ, изъ котораго они выдѣлывали себѣ ножи, кинжалы, шила, багры, топоры, наконечники копій и стрѣлы. Наибольшаго процвѣтанія обработка мѣди достигла въ области Верхняго озера. Здѣсь найдены были въ послѣдствіи шахты до 5 метровъ глубиною, съ поддерживающимъ ихъ деревяннымъ срубомъ, простая, грубо сдѣланная лѣстница, огромная глыба самородной мѣди, большіе тяжелые каменные молоты и молотки меньшихъ размѣровъ, а также одинъ молотъ изъ мѣди, деревянные бадьи для вычерпыванія изъ ямъ воды и т. под. Слѣды этой горной промышленности тянутся на 30 англійскихъ миль; но, судя по древности деревьевъ, выросшихъ на отвалахъ, дѣятельность эта уже давнымъ-давно здѣсь прекратилась. Добываніемъ металла занимались тутъ предки нынѣшнихъ индѣйцевъ, а оставили они свои копи вскорѣ послѣ появленія въ этой мѣстности бѣлыхъ. Потомки ихъ врядъ ли сохранили объ этомъ хотя бы смутное воспоминаніе; тѣмъ не менѣе, еще въ XVII вѣкѣ старыя мѣдныя находки пользовались у нихъ величайшимъ уваженіемъ и почитались почти какъ святыни.

Изъ области Верхняго озера, благодаря мѣновой торговлѣ, мѣдь распространилась дальше—на югъ до штатовъ Мексиканскаго залива, на востокъ до Атлантическаго океана и на западъ до Миссиссиппи. Чѣмъ ближе подходимъ мы къ области Великихъ озеръ, тѣмъ чаще встрѣчаются намъ мѣдныя находки. Чтобы правильно судить о культурномъ значеніи мѣди, нужно знать, что поблизости отъ Великихъ

озеръ попадаются превосходное оружіе и орудія изъ мѣди (топоры, наконечники копій, ножи и шила), тогда какъ на нѣсколько болѣе далекомъ разстояніи отъ нихъ преобладаютъ украшенія (бляхи, кольца, бусы и т. под.). Въ общемъ, можно сказать, что древне-американскія издѣлія изъ мѣди, въ особенности по сравненію съ огромнымъ количествомъ сохранившейся каменной утвари, встрѣчаются довольно рѣдко.

Уже вскорѣ послѣ перваго появленія европейцевъ въ Америкѣ, испанская культура распространилась до южной Калифорніи. Съ 1542 года, когда испанскіе корабли, по приказанію вице-короля Мексики, стали посѣщать берега Калифорніи, въ могилахъ индѣйцевъ попадаются многочисленныя издѣлія испанской промышленности: оружіе, серебряныя ложки, сосуды и пр. Особенно высоко цѣнилось желѣзо; даже небольшіе кусочки этого металла подвергались шлифовкѣ и вставлялись въ деревянные рукоятки. Въ одной индѣйской могилѣ на полуостровѣ Юкатанѣ, на ряду съ украшеніями (бусами и раковинами) и глиняными сосудами, наполненными до краевъ наконечниками стрѣлъ изъ обсидіана, былъ найденъ также старый европейскій перочинный ножъ въ костяной оправѣ. Повидимому, индѣйцы такъ и не научились у европейцевъ ни первоначальному добыванію желѣза, ни дальнѣйшей его обработкѣ, т.-е. кузнечному ремеслу. Они удовольствовались тѣмъ, что замѣнили прежніе кремневые наконечники своихъ стрѣлъ желѣзными, причемъ желѣзо это было европейскаго происхожденія и привозилось въ видѣ полосъ, а затѣмъ подвергалось обработкѣ посредствомъ холоднойковки.

Сѣверная Калифорнія и другія области Сѣверной Америки, расположенныя далѣе на сѣверъ, получили желѣзо уже не изъ испанскихъ коловій и не съ Востока, а съ Запада, изъ Азіи. На крайнемъ сѣверѣ безъ особыхъ затрудненій установились сношенія между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, но особенное значеніе сношенія эти приобрѣли лишь съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь появились русскіе мѣхопромышленники. Правда, нѣкоторыя племена были знакомы съ желѣзомъ еще до того, какъ берега эти были открыты европейцами; по всей вѣроятности, желѣзо было впервые занесено сюда на разбитыхъ бурю судахъ японцевъ,—такъ, въ Южной Америкѣ патагонцы добывали желѣзо изъ обломковъ потерпѣвшихъ крушеніе кораблей и изъ этого желѣза посредствомъ холоднойковки изготовляли топоры и ножи. Впрочемъ, не далѣе какъ въ концѣ прошлаго столѣтія, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ того, какъ русскіе стали ввозить сюда желѣзо, въ Уналашкѣ находились еще люди, употреблявшіе костяныя иглы и изъ кости же дѣлавшіе наконечники для своихъ копій.

Особаго слова для означенія желѣза въ индѣйскихъ нарѣ-

чѣхъ не было, такъ какъ металлъ этотъ не былъ извѣстенъ. Впослѣдствіи же соотвѣтствующій терминъ былъ не заимствованъ изъ европейскихъ языковъ, а составленъ изъ другихъ словъ. Такъ, мексиканцы называли желѣзо «черною мѣдью»; народы кечуа и арауканцы стали называть его просто «металлъ», а мѣдь — «красный металлъ». Племя Коста-Рика употребляло просто слово «ножъ», являвшееся синонимомъ «желѣза», такъ что, напримѣръ, желѣзный горшокъ или котелъ они называютъ «ножевый глиняный сосудъ». Въ сѣверо-западной части Новаго Свѣта желѣзо означается просто словомъ «черный».

д) Острова Великаго океана.

И въ историческую эпоху во всѣхъ частяхъ свѣта встрѣчаются еще народы, не знакомые съ употребленіемъ металловъ. Путешественники еще и въ наше время открываютъ въ Южной Америкѣ и въ центральной Африкѣ племена, у которыхъ вмѣсто желѣза и мѣди служатъ камень и дерево. Но въ то же время во всѣхъ странахъ есть народы и даже цѣлыя группы народовъ, которыя познакомились съ употребленіемъ металловъ безъ малѣйшаго содѣйствія европейцевъ и благодаря этому достигли болѣе или менѣе высокой ступени культуры. Совсѣмъ иное видимъ на Великомъ океанѣ. Разсѣянные здѣсь небольшіе острова, по своеобразному геологическому строенію своему, не заключаютъ въ своей почвѣ никакихъ металловъ, которые могли бы пріобрѣсть культурное значеніе. Островитяне получили желѣзо отъ испанцевъ. Единственнымъ источникомъ для полученія металловъ была торговля съ пристающими къ ихъ островамъ европейскими мореплавателями; кромѣ того, туземцы съ жадностью отыскивали желѣзо среди обломковъ погибшихъ судовъ и даже доставали съ морского дна брошенные съ кораблей и почему-либо оставшіеся тамъ якоря. Позднѣе англичане стали доставлять на эти острова значительныя количества желѣза. Кукъ, который въ первое свое путешествіе въ Новую Зеландію въ числѣ прочихъ предметовъ привезъ туда и желѣзо, во время своей второй поѣздки увидѣлъ, что маорійцы уже пренебрегаютъ стеклянными бусами, лентами, разноцвѣтной бумагой и т. под. вещами и требуютъ гвоздей и топоровъ. Въ первое посѣщеніе Кука туземцы относились къ предлагаемому имъ желѣзу съ полнымъ равнодушіемъ; но ко времени его вторичнаго пріѣзда оказалось, что человѣкъ, которому знаменитый мореплаватель подарилъ 9—10 топоровъ и штукъ 40 большихъ гвоздей, считается первымъ богачомъ во всей Новой Зеландіи, а за небольшіе куски желѣза туземцы приносили сколько угодно живности (свиней, собакъ, куръ).

Приблизительно то же самое происходило и на другихъ островахъ, въ особенности на болѣе мелкихъ, гдѣ желѣзо очень быстро

вошло во всеобщее употребленіе благодаря тому, что островитяне были хорошими мореплавателями и весьма охотно предпринимали значительныя морскія путешествія. На болѣе крупныхъ островахъ распространеніе желѣза встрѣчало значительныя затрудненія. Такъ, напримѣръ, въ то время какъ на западномъ берегу Новой Гвинее папуасы познакомились съ этимъ металломъ еще черезъ малайцевъ, племена восточной части острова почти совсѣмъ не знали его вплоть до нашихъ дней. Обладаніе ничтожнымъ кусочкомъ желѣза, изъ котораго можно было сдѣлать грубое, но страшное оружіе, доставляло здѣсь его владѣльцу почетъ и уваженіе всего племени. Лишь въ семидесятихъ годахъ XIX столѣтія, благодаря обильному ввозу желѣза, положеніе вещей, наконецъ, измѣнилось. Такимъ образомъ, оказывается, что Новая Гвинея познакомилась съ желѣзомъ позже всѣхъ другихъ странъ земного шара.

Первобытныя племена Океаніи такъ же, какъ и всѣ народы Америки, начиная отъ Патагоніи и кончая Гренландіей, первоначально придавали своимъ желѣзнымъ издѣліямъ знакомыя и привычныя формы своихъ прежнихъ орудій изъ камня и изъ раковинъ. Клинки топоровъ представляли собою плоскія металлическія пластинки, напоминающія долото, и вставлялись въ колѣнчато-изогнутую деревянную рукоятку. Желѣзо въ виду подходящей формы вставлялось, просто-на-просто, въ такія же рукоятки—и насколько усиѣшнѣе шла теперь работа по сравненію съ прежними! Было бы вполне естественно предположить, что ввозъ желѣза въ достаточномъ количествѣ долженъ былъ измѣнить весь жизненный укладъ туземнаго населенія въ самомъ благопріятномъ направленіи; въ дѣйствительности, однако, произошло нѣчто какъ-разъ обратное. Во-первыхъ, островитяне весьма скоро возымѣли такое сильное пристрастіе къ новому металлу, что безъ малѣйшихъ колебаній рѣшались на воровство или торговали тѣломъ своихъ женъ, сестеръ и дочерей ради того только, чтобы достать его. Притомъ это культурное приобрѣтеніе не только не увеличило въ нихъ склонность къ труду, но, напротивъ, благопріятствовало естественной лѣни, свойственной всѣмъ дикимъ народамъ.

Прежде для того, чтобы изготovitъ каменный топоръ, при помощи котораго можно было срубить дерево или соорудить чепъ, приходилось продѣлать тяжелую работу. Удовлетвореніе самыхъ элементарныхъ потребностей, при тѣхъ жалкихъ орудіяхъ, которыми располагалъ тогда человекъ, требовало значительнаго напряженія силъ. Теперь этотъ спасительный гнетъ отпалъ. «Желѣзо европейца—говоритъ изслѣдователь одной изъ группъ этихъ острововъ—слишкомъ быстро смѣнило камень дикаря; такимъ образомъ, то, что могло бы явиться для нихъ благословеніемъ, привело ихъ къ болѣзнямъ и вырожденію какъ тѣлесному, такъ и душевному».

Теперь, сдѣлавъ обзоръ всего земного шара и приблизившись уже къ современной эпохѣ, возвратимся назадъ, къ двумъ важнѣйшимъ группамъ народовъ, еще въ до-историческія времена населявшихъ западную Азію и Европу и положившихъ основанія высшему расцвѣту человеческой культуры. Дѣятельностью этихъ двухъ группъ—сперва семитической, а затѣмъ аріійской—путемъ длительного, сложваго процесса создано было то направленіе культуры, которое до сихъ поръ показало себя наиболѣе плодотворнымъ и, тѣми или иными путями, получило преобладаніе въ большинствѣ обитаемыхъ странъ земного шара.

II. Металлы на Востокъ и въ Греціи.

Въ Египтѣ желѣзо получило значеніе культурнаго металла, вѣроятно, около 1800 г. до Р. Хр. До тѣхъ поръ, во времена «древняго царства», т.-е. той эпохи, когда воздвигнуты были пирамиды, роль желѣза выполняла бронза, а еще раньше чистая мѣдь. Впрочемъ, послѣдняя и въ сравнительно позднюю эпоху употреблялась для нѣкоторыхъ не-рѣжущихъ орудій. Мѣдь египтяне добывали въ западной части Синайскаго полуострова; олово же приходилось привозить издалека. Поэтому многія древне-египетскія издѣлія сдѣланы изъ бронзы, содержащей въ себѣ очень немного олова. Обыкновенно древне-египетская бронза содержала 120/0 олова, но иногда встрѣчаются предметы, содержащіе лишь 50/0 олова и 950/0 мѣди. Греческій писатель Агатархидъ писалъ приблизительно за сто лѣтъ до Р. Хр., что въ старыхъ золотыхъ рудникахъ Египта найдены бронзовые зубила, изъ чего слѣдуетъ заключить, что прежде желѣзо не было извѣстно. На это же указываетъ стѣнная живопись египетскихъ построекъ, гдѣ все оружіе и инструменты изображены въ желтой и красной краскѣ. Слово, которымъ позднѣе стали означать желѣзо, первоначально значило просто «металлъ». Притомъ едва ли было возможно, чтобы Греція, Малая Азія и острова восточной части Средиземнаго моря въ XV—XII вѣкахъ до Р. Хр. находились на уровнѣ чистой бронзовой культуры и совершенно не имѣли желѣза, какъ свидѣлствуютъ находки такъ назыв. «микенской стадіи», если бы Египеть, расположенный въ столь близкомъ сосѣдствѣ и имѣвшій уже въ то время такое сильное вліяніе на нихъ, былъ съ давнихъ поръ знакомъ съ желѣзомъ.

Флиндерсъ-Петри изслѣдовалъ развалины двухъ древнихъ египетскихъ городовъ въ мѣстности, называемой Эль-Фаюмъ; а именно Кахунъ, существованіе котораго относится ко времени XII династіи (еще «Древняго царства»), и Гуробъ, который достигъ высокаго расцвѣта въ началѣ «Новаго царства». Развалины Кахуна доставили

намъ многочисленные и хорошо выдѣланные экземпляры каменныхъ орудій; подъ развалинами Гуроба найдено значительно меньше каменныхъ орудій, и сдѣланы они уже не такъ искусно. Но желѣза ни въ томъ, ни въ другомъ городѣ не оказалось и слѣда, что вполне согласуется съ историческимъ преданіемъ, относящимъ появленіе желѣза ко времени царствованія Рамзеса II (великаго завоевателя «Сезостриса» въ XIII столѣтіи до Р. Хр.). Такъ какъ въ почвѣ Египта сохранилось много даже деревянныхъ предметовъ и папируса, то нѣтъ основанія предполагать, что желѣзо могло быть уничтожено здѣсь ржавчиной. Въ развалинахъ Наукратиса, процвѣтаніе котораго относится къ болѣе поздней эпохѣ, найдено было много хорошо сохранившихся желѣзныхъ вещей.

Въ Халдеѣ и Ассиріи древнѣйшая культура, какая только извѣстна намъ по историческимъ даннымъ, также покоится на широкомъ примѣненіи бронзы. Желѣзо и тамъ становится извѣстнымъ лишь позднѣе и вначалѣ является рѣдкостью. Оно употребляется на кольца и другія украшенія и, такимъ образомъ, получаетъ значеніе благороднаго металла.

Могины, принадлежащія этой эпохѣ (отъ второй половины третьяго до конца второго тысячелѣтія до Р. Хр.), находятся близъ Мугеира и Варки. Мугеиръ, городъ асфальта, есть древній «Уръ» и расположенъ недалеко отъ устья Евфрата; Варка, древній «Эрехъ», стоитъ нѣсколько выше Мугеира по теченію Евфрата, но значительно ниже Вавилона. Въ числѣ вещей, найденныхъ въ этихъ древнихъ могилахъ, имѣются предметы изъ камня, мѣди, бронзы, свинца и золота, но совершенно не встрѣчается серебряныхъ вещей. Желѣзо появляется впервые лишь въ концѣ названнаго періода и служить исключительно для украшеній.

Той же эпохѣ принадлежитъ большая бронзовая находка Телль-Сифра, нѣсколько сѣвернѣе Мугеира, между Тигромъ и Евфратомъ. Эта коллекція, которую Лайардъ купилъ въ 1856 году для Британскаго музея, представляетъ образцы оружія и инструментовъ халдейской бронзовой эпохи: кинжаловъ, ножей, мотыкъ, топоровъ и кирокъ. Всѣ эти предметы сдѣланы просто и цѣлесообразно, совершенно безо всякихъ украшеній. Характернымъ является отсутствіе обоюдоострыхъ мечей и такъ назыв. «полыхъ цельтовъ» съ колѣчато-изогнутой рукояткой. Нѣкоторыя формы сходны съ египетскими, что указываетъ на существованіе сношеній съ областью Нила, о которыхъ говорить намъ и исторія.

Персія также богата находками бронзовой эпохи, напр., около Астрабада, на южномъ берегу Каспійскаго моря. Это мѣстонахожденіе расположено въ области, гдѣ нѣкогда кочевало иранское племя

наѣздииковъ массагетовъ, которые, по свидѣтельству Геродота, еще въ 500 до Р. Хр. знали только мѣдь и золото и совершенно не знали желѣза. Лучше изслѣдованы многочисленныя могильныя поля Кавказа, къ югу отъ Тифлиса (Редкинъ-лагерь, Муца-Іери, Шайтанъ-Дагъ) и къ сѣверо-западу (Самтавро), а также на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго горнаго хребта (Кобань). Эти находки принадлежать частью послѣднему періоду бронзоваго вѣка, частью же чистому желѣзному вѣку. Могильникъ въ Кобань является, повидимому, наиболѣе древнимъ изъ названныхъ могильныхъ полей. Бронзовое оружіе встрѣчается здѣсь очень часто, желѣзныя же вещи весьма рѣдко. Мечей нѣтъ совсѣмъ. Формы нѣкоторыхъ бронзовыхъ кинжаловъ указываютъ на ассирійское вліяніе. Судя по тому, что въ могилахъ этихъ попадаются раковины каури (*Surugaea moneta*), можно думать, что въ древности мѣстность эта находилась въ сношеніяхъ со странами, лежащими у Персидскаго залива или на Индійскомъ океанѣ. Съ другой стороны, въ формѣ бронзовыхъ топоровъ и въ томъ предпочтеніи, которымъ пользуется, повидимому, животная орнаментовка, нельзя не усмотрѣть отголосковъ сибирской бронзовой эпохи «чудскихъ могилъ». Но особенно любопытно чрезвычайное сходство нѣкоторыхъ типовъ съ типами средней и южной Европы. Кавказскія могилы заключаютъ въ себѣ шейные обручи и спиральныя браслеты, серпы и полые цельты, подобные тѣмъ, какіе извѣстны намъ изъ области средняго и верхняго Дуная, затѣмъ застѣжки съ полукруглыми, завитыми реберчатыми и гравированными дужками, какія попадаются также на Дунаѣ, а, кромѣ того, въ Греціи и Италіи, а на кинжалахъ, топорахъ, поясныхъ бляхахъ и т. под. часто встрѣчаются спиральныя украшенія.

Древнѣйшія кавказскія могилы принадлежатъ, по мнѣнію Вирхова, XI и X вв. до Р. Хр. Имъ должна была предшествовать продолжительная бронзовая эпоха, совершенно не знавшая желѣза, во время которой наиболѣе характерныя типы издѣлій проходили извѣстныя ступени развитія; послѣднія звенья этого развитія мы имѣемъ передъ собою въ этихъ могилахъ.

На средиземноморскомъ побережьи Передней Азіи особенный интересъ представляетъ для насъ Святая Земля, съ ея столь древними и столь почитаемыми памятниками письменности. Въ книгахъ Ветхаго Завета уже упоминается о большинствѣ металловъ, примѣняемыхъ въ промышленности (золото, серебро, желѣзо, олово, свинецъ и «металлъ»). Еврейское слово, которое обыкновенно переводится словомъ «металлъ», въ большинствѣ случаевъ означаетъ, вѣроятно, мѣдь, а иногда—бронзу. Согласно Библии, уже въ седьмомъ поколѣніи послѣ Адама былъ нѣкій Тубалкаинъ, котораго называютъ «мастеромъ во всѣхъ металлическихъ (мѣдныхъ) и желѣзныхъ работахъ».

Преданіе это, однако, не имѣетъ подѣ собою почвы исторически-достовернаго изученія глубокой древности. Гораздо вѣрнѣе будетъ полагаться на несомнѣнные упоминанія о желѣзномъ оружіи и орудіяхъ въ сказаніяхъ, относящихся ко времени исхода евреевъ изъ Египта. Во всемъ Пятикнижій (пяти книгахъ Моисея) желѣзо упоминается всего 13 разъ, въ то время какъ о металлѣ (мѣди) говорится въ 44 мѣстахъ. Такимъ образомъ, и здѣсь знакомство съ мѣдью и бронзою и ихъ примѣненіе, повидимому, предшествовало употребленію желѣза.

На рубежѣ Передней Азіи и Греціи находится островъ Кипръ, который благодаря своему благопріятному географическому положенію и изобилію мѣди занимаетъ видное мѣсто въ древнѣйшей исторіи металловъ. Вслѣдъ за чисто-каменнымъ вѣкомъ здѣсь весьма рано наступаетъ продолжительная эпоха мѣди, слѣды которой находятъ въ могильныхъ ямахъ продолговатой формы. Мѣдь, изъ которой сдѣланы найденные тамъ предметы, не содержитъ никакой примѣси олова; формы орудій самыя простыя и лишенныя украшеній: плоскіе топоры безъ боковыхъ пластинокъ (и всегда безъ отверстія для рукоятки) и кинжалы съ длинной, крючкомъ загнутой кверху, рукояткой. Оборонительныхъ воинскихъ доспѣховъ нѣтъ. Золото и серебро еще рѣдки, застежки, повидимому, еще неизвѣстны. Изъ глины дѣлались плоскія, всегда одѣтыя фигуры идоловъ, а также сосуды, которые вначалѣ совершенно лишены украшеній, впослѣдствіи же, съ дальнѣйшимъ культурнымъ развитіемъ, украшаются нацарапанными въ видѣ прямыхъ линій и заполненными бѣлой массой орнаментами. Понадаются и предметы иностраннаго происхожденія, напр., вавилонскія печати съ фигурами и клинообразными письменами, судя по которымъ періодъ этотъ начался не позднѣе 3800 г. до Р. Хр.

За этимъ мѣднымъ періодомъ слѣдуетъ столь же продолжительный бронзовый вѣкъ. Въ теченіе этого бронзоваго періода количество содержащагося въ бронзѣ олова, которое сначала было весьма незначительно, постепенно увеличивается. Появляются наконечники копій, имѣющіе (сначала открытыя—образуемыя лишь загибаньемъ краевъ, а позднѣе замкнутыя—сдѣланныя во время самой отливки) особые влагающія для древка; простыя двухлезвийные топоры, съ отверстиемъ для рукоятки, и мечи; однако, нѣтъ еще ни металлическихъ оборонительныхъ доспѣховъ, ни застежекъ. Попрежнему дѣлаютъ еще одѣтыхъ женскихъ идоловъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, научились дѣлать и обнаженныя фигуры.

Глиняные сосуды въ болѣе древній періодъ расписаны «геометрическими фигурами», а въ болѣе позднее время—такъ назыв. «микенскимъ стилемъ». Предметы иноземнаго производства (стекло, бусы, скарабей, т.-е. изображенія священныхъ жуковъ, слоновая кость) по-

сать слѣды египетскаго вліянія временъ Тутмеса III (около 1500 г. до Р. Хр.).

Бронзовый вѣкъ смѣняется желѣзнымъ, отмѣченнымъ печатью греческаго и финикійскаго вліянія. Въ этотъ періодъ все оружіе для нападенія (за исключеніемъ лишь наконечниковъ стрѣлъ) изготовляется уже изъ желѣза. Изъ бронзы выдѣлываютъ теперь оборонительные воинскіе доспѣхи, застѣжки, лампы, свѣтильники, зеркала и т. под. Камень служитъ матеріаломъ для построекъ и для статуй. Подобную же послѣдовательность культурныхъ пластовъ, какую мы наблюдаемъ на Кипрѣ, слѣдуетъ предполагать и во всей западной части Малой Азіи, какъ это видно на примѣрѣ Трои.

Въ покрытыхъ развалинами холмахъ Гиссарликъ, гдѣ, какъ доказалъ Шлиманъ, находилась древняя Троя, имѣется цѣлый рядъ пластовъ, сохранившихъ обломки древнихъ строеній. Пласты эти могутъ быть разбиты на три большія группы или три періода:

1. До-микенскіе или до-историческіе слои.

1. Въ самомъ нижнемъ пластѣ—наиболѣе древнее поселеніе (исслѣдована лишь незначительная часть). Стѣны сложены изъ мелкихъ обломковъ камня и глины. Издѣлія весьма примитивны. Нѣтъ ни желѣза, ни бронзы, а только мѣдь и камень (плоскіе и просверленные каменные топоры, кремневые ножи и пилы), глиняные сосуды самой простой формы, украшенные нацарапанными и покрытыми бѣлымъ веществомъ штрихами. Историческій возрастъ (лишь предполагаемый)—3000—2500 лѣтъ до Р. Хр.

2. Остатки цвѣтущаго города съ толстыми стѣнами и большими кирпичными домами. Городъ былъ трижды разрушенъ и каждый разъ отстроенъ заново. Остатки его составляютъ приблизительно $\frac{1}{3}$ всей массы обломковъ. Множество предметовъ изъ камня, бронзы, серебра и золота. Глиняные сосуды одноцвѣтные, еще не расписанные; наиболѣе характерными формами сосудовъ является большой кубокъ съ двумя ручками (рис. 21) и такъ назыв. «лицевая урна» (рис. 22).

Этотъ «до-историческій городъ Троя» назывался прежде «сожженнымъ городомъ» и совершенно ошибочно принимался за воспѣтую Гомеромъ столицу Пріамова царства. Предполагаемый историческій возрастъ 2500—2000 лѣтъ до Р. Хр.

* 3—5. Три историческія поселенія, повидимому, деревни, построенныя послѣдовательно, одна за другою, на развалинахъ «сожженнаго города». Дома изъ мелкихъ обломковъ камня и кирпичей. Бронзовое и каменное оружіе; расписанныхъ сосудовъ еще нѣтъ, глиняная посуда въ родѣ древне-троянскій и «лицевыя урны», какъ во второмъ культурномъ слое. Историческій возрастъ приблизительно 2000—1500 лѣтъ до Р. Хр.

II. Микенскіе слои.

6. Гомеровскій Пергамъ. Мощныя крѣпостныя стѣны съ большой башней и красивые дома изъ хорошо обдѣланнаго камня. Бронзовое и каменное оружіе; желѣза все еще нѣтъ. Одноцвѣтная (троянская) посуда въ болѣе развитыхъ формахъ, и на ряду съ нею при-

Рис. 21. Кубокъ съ двумя ручками изъ Гиссарликъ-Трои.

Рис. 22. Лицевая урна изъ Гиссарликъ-Трои.

ровныя микенскіе сосуды (расписанные). Историческій возрастъ приблизительно 1500—1000 лѣтъ до Р. Хр.

III. Послѣмикенскіе слои.

7 и 8. Деревенскіе поселки древне-греческой и позднѣйшей (элленистической) эпохи. Два раздѣльныхъ слоя простыхъ каменныхъ домовъ поверхъ развалинъ микенской Трои. Орудія и оружіе изъ желѣза; посуда мѣстнаго производства (одноцвѣтная) и почти всѣ извѣстныя намъ типы греческой керамики. Историческій возрастъ—отъ 1000 г. до Р. Хр. приблизительно до начала нашего лѣтосчисленія.

9. Акрополь римскаго города Иліона. Развалины знаменитаго храма Аенны и другихъ великолѣпныхъ зданій изъ мрамора. Рим-

скіе глиняные сосуды и множество другихъ предметовъ. Надписи на мраморѣ. Историческій возрастъ приблизительно отъ Рождества Христова до 500 г. по Р. Хр.

Такимъ образомъ, разрѣзъ гиссарликскихъ пластовъ даетъ намъ картину развитія человѣчества на восточномъ побережьи Средиземнаго моря, въ мѣстности, непрерывно обитаемой человѣкомъ съ начала третьяго по середину перваго тысячелѣтія до Р. Хр. Мы видѣли, что большая часть этого длиннаго промежутка времени (около 2000 лѣтъ) принадлежитъ періодамъ употребленія мѣди и бронзы, и лишь въ началѣ послѣдняго тысячелѣтія до-христіанской эры, одновременно съ переходомъ въ историческій періодъ развитія, человѣкъ вступаетъ, наконецъ, въ желѣзный вѣкъ.

Могины весьма древняго бронзоваго вѣка открыты были и на островахъ, расположенныхъ между Греціей и Передней Азіей подобно устоямъ соединительнаго моста между этими странами. Такія могилы найдены на островахъ Аморось и Мелось, принадлежащихъ къ группѣ Цикладовъ. На островѣ Оера (Санторинъ) имѣются развалины, относящіяся къ той же эпохѣ. Но наиболѣе цѣнныя открытія сдѣланы Шлиманомъ на греческомъ материкѣ, въ старинныхъ развалинахъ Микенъ и Тиринеа, расположенныхъ неподалеку отъ Навплии.

Знаменитыя могилы въ развалинахъ Микенъ — всего ихъ найдено 6 (5—въ 1876 г. и одна въ 1877 г.)—заключали остатки труповъ 17 взрослыхъ людей и 2 дѣтей. Въ качествѣ погребальныхъ даровъ при мужскихъ трупахъ находилось оружіе, при женскихъ украшенія; кромѣ того,—сосуды и многіе другіе предметы изъ золота, серебра, мѣди, алебаstra и глины. Золота въ пяти могилахъ заключалось, въ общемъ, болѣе 100 фунтовъ; оружіе и орудія почти всѣ изъ бронзы, и только наконечники стрѣлъ и ножи сдѣланы изъ обсидіана; желѣза еще нѣтъ и слѣда. Бронзовое оружіе состоитъ изъ кинжаловъ (иногда удивительно красиво выложенныхъ золотомъ), мечей (простыхъ и обоюдоострыхъ; послѣдніе были очень длинныя и узкіе, съ выложенными золотомъ деревянными рукоятками, а иногда съ яблокомъ изъ кости или алебаstra), наконечниковъ копій (съ литыми влагалищами весьма рѣдко) и плоскихъ топоровъ (топоровъ съ отверстіемъ для рукоятки не найдено). Предметы украшенія и убранства такъ же, какъ и художественныя изображенія, обнаруживаютъ нѣкоторую своеобразность въ стилѣ, хотя еще сильно сказывается вліяніе Востока. На сношенія съ сѣверомъ указываетъ значительное количество бусъ изъ балтійскаго янтаря. Изъ слоевъ земли, лежащихъ надъ этими древними могилами, добыто множество предметовъ, принадлежащихъ нѣсколько болѣе поздней стадіи бронзоваго вѣка. Въ развалинахъ,

лежащихъ на вершинѣ одной горы и представляющихъ остатки царскаго дворца, стѣны котораго были нѣкогда изукрашены живописью, въ числѣ прочаго найденъ былъ скарабей (изображеніе жука) съ именемъ египетской царицы Ти, жившей въ концѣ XV стол. до Р. Хр.

Къ этому же времени относится дворецъ, открытый Шлиманомъ въ развалинахъ окруженнаго циклопическими стѣнами Тиринеа. Желѣзо и здѣсь совершенно отсутствуетъ; зато найдены были безчисленное множество ножей и наконечниковъ стрѣлъ изъ обсидіана и типическій бронзовый топоръ о двухъ лезвьяхъ. Въ нижнихъ археологическихъ слояхъ аѣинскаго Акрополя былъ найденъ цѣлый складъ древнихъ бронзовыхъ издѣлій, формы которыхъ совершенно сходны съ формами микенскаго оружія (изъ слоевъ, лежащихъ подъ могилами).

Далѣе, къ этой же эпохѣ относятся древніе склепы, также находящіеся на греческомъ материкѣ. Одни изъ нихъ представляютъ собою большія окруженныя стѣнами и увѣнчанныя куполомъ гробницы, съ круглой камерой внутри и длиннымъ ходомъ (въ Микенахъ 7 такихъ гробницъ, относящихся къ болѣе поздней эпохѣ; вышеописанныя могилы: около Хереона, неподалеку отъ Микенъ,—1, около Спарты—2, въ Мениди, сѣвернѣе Аѣинъ,—1, у Орхомена, въ Беотіи,—1, близъ Димитри, въ юго-западной Ѳессаліи,—1, всего—13). Подобныя же княжескія усыпальницы обнаружены въ Крыму и въ Этруріи. Другія, гораздо болѣе многочисленныя могильныя сооруженія представляютъ собою четырехугольныя могильныя камсы значительно меньшихъ размѣровъ (могилы народа), паходящіеся въ Микенахъ, Навплии, Спартѣ, Аѣинахъ, Антикирѣ (Фокида), Воло (Ѳессалія) и въ ихъ окрестностяхъ, а также открытыя на греческихъ островахъ (въ Мелосѣ, Іализосѣ и т. д.). Гробницъ этихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ болѣе древнимъ типомъ каменныхъ могильныхъ склеповъ, напр., въ Аморгосѣ и т. п. О томъ, что первыя принадлежатъ уже концу бронзоваго вѣка, свидѣлствуютъ нѣкоторыя новыя находки, напр., застѣжки простѣйшей формы, найденныя въ «народныхъ гробницахъ» Микенъ, а также появленіе желѣза въ видѣ простыхъ перстней. Весьма интересно отмѣтить, что какъ въ Передней Азіи, такъ и въ Греціи оружіе и орудія сохраняли весьма простыя формы въ теченіе всего бронзоваго вѣка, тогда какъ въ Италіи и во всей Европѣ тѣ же первоначальные типы получили богатое развитіе.

На основаніи сравненій съ египетскими памятниками и находками мы можемъ приблизительно установить хронологическія границы греческаго бронзоваго вѣка. Особенно поразительныя совпаденія относятся ко времени XVIII династіи фараоновъ (около 1400 г. до Р. Хр.). Около 1000 г. до Р. Хр. желѣзо должно было быть уже извѣстно въ Греціи, хотя—насколько можно судить на основаніи поэмы Гомера—

не имѣло еще широкаго примѣненія. Такимъ образомъ, греческій бронзовый вѣкъ можно опредѣлить приблизительно отъ 2000—1100 гг. до Р. Хр. Около 1100 г. по старинному, заслуживающему довѣріе, преданію, произошло переселеніе дорянъ—послѣдняго греческаго племени, которое покинуло свою первоначальную родину, лежащую значительно сѣвернѣе, чтобы завоевать себѣ мѣсто среди обитателей Эллады. Очевидно поэтому, что первое появленіе въ Элладѣ болѣе древнихъ греческихъ племенъ, какъ ахейцы, минійцы и др., нужно отнести на нѣсколько вѣковъ ранѣе. Такимъ образомъ, получается весьма цѣнное этнологическое и культурно-историческое уравниеніе. Микенскій періодъ, эту послѣднюю и высшую ступень бронзоваго вѣка Греціи, можно теперь отнести за счетъ воспѣтыхъ Гомеромъ ахейцевъ, а слѣдующій за нимъ такъ назыв. «Дипилоновъ періодъ» или начало желѣзнаго вѣка Греціи—за счетъ племенъ, жившихъ послѣ переселенія дорянъ. До появленія ахейцевъ, приблизительно отъ 2000 г. до Р. Хр. и въ первые вѣка послѣдняго тысячелѣтія до начала нашего лѣтосчисленія, Греція и окружающіе ее острова были населены не-греческими племенами, культура которыхъ (древнѣйшая стадія бронзовоѣ эпохи), благодаря близости высокоразвитой цивилизаціи Передней Азіи (Сиріи), находилась въ весьма благоприятныхъ условіяхъ. Съ этимъ первоначальнымъ пелазгическимъ населеніемъ и слились въпослѣдствіи пришедшіе сюда ахейцы; усвоивъ культуру пелазговъ, они переработали ее затѣмъ, подѣ не прекращавшимся благотѣльнымъ вліяніемъ Востока, и развили въ своеобразную микенскую культуру.

Такимъ образомъ, по своему первоначальному происхожденію микенская культура не принадлежитъ грекамъ, но они принимали участіе въ ея выработкѣ, и слѣды духа и труда грековъ можно ясно видѣть и въ микенскомъ періодѣ.

Бронзовый вѣкъ.

Какимъ же образомъ, однако, произошло, что распространеніе бронзы положило конецъ новому каменному вѣку и наложило на европейскую культуру совершенно новый отпечатокъ? Мы видимъ, что на юго-востокѣ, въ древнемъ Египтѣ и у народовъ Передней Азіи до начала господства желѣза бронза играла весьма видную роль. Поэтому надо думать, что именно отсюда проникло въ Европу знакомство съ этимъ стариннымъ, блестящимъ какъ золото культурнымъ металломъ. Но не малый путь должна была она пройти, чтобы проникнуть изъ этихъ странъ въ самое сердце Европы, и мы не знаемъ, черезъ какія моря и земли лежалъ этотъ путь. Раньше другихъ испытали

вліяніе чужеземной культуры страны, расположенныя къ востоку и къ югу отъ Альповъ,—Венгрія и Италія. Возможно, что древнѣйшія бронзовые издѣлія проникли въ область Дуная сухимъ путемъ—черезъ Оракію, а въ Италію—моремъ. Дальнѣйшее распространеніе шло по теченію Дуная и Роны. Металлъ быстро переносился изъ одной области въ другую; само собою разумѣется, что его вездѣ принимали съ радостью; и въ томъ, какъ воспользовались бронзою различные народы, ознакомившіеся съ ея примѣненіемъ, ясно сказывается различіе ихъ природныхъ дарованій.

Въ отношеніи формы европейскія бронзовые издѣлія обнаруживаютъ мало сходства съ восточными; лишь въ наиболѣе древнихъ изъ нихъ можно замѣтить заимствованіе основныхъ типовъ, и пропорціи мѣди и олова въ сплавѣ остается та же, что является, конечно, несомнѣннымъ доказательствомъ восточнаго происхожденія европейской бронзы. Однакоже, въ дальнѣйшемъ европейскіе народы отливаютъ, куютъ, чеканятъ металлъ, находятъ новыя формы и варіаціи основныхъ типовъ, уже вполне самостоятельно и по собственному своему почину. Впрочемъ, связь съ промышленнымъ Востокомъ, разъ завязавшись, уже не прорывается болѣе въ теченіе всѣхъ до-историческихъ періодовъ, и этому обязано европейское бронзовое производство своимъ непрерывнымъ развитіемъ и обогащеніемъ новыми формами. Въ Венгріи и Швейцаріи, въ сѣверной Германіи, Скандинавіи и Великобританіи возникла и очень долго длилась особая культурная стадія, получившая (въ средней Европѣ) названіе «изящнаго бронзоваго вѣка». Типы издѣлій этого періода значительно разнообразнѣе, цѣлесообразнѣе и изящнѣе, чѣмъ въ древній бронзовый вѣкъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы дадимъ краткій обзоръ тѣхъ формъ, которыя наиболѣе характерны для этихъ двухъ періодовъ бронзоваго вѣка средней Европы.

А. Древній бронзовый вѣкъ.

Плоскіе топоры съ гладкими краями или узкими боковыми пластинками, доходящими почти до самаго лезвья. Топоры съ уступомъ, у которыхъ боковыя пластинки доходятъ лишь до середины клинка и, оканчиваясь здѣсь уступомъ, соединяются другъ съ другомъ.

Кияжалы съ треугольнымъ клинкомъ и цилиндрической рукояткой. Послѣднія часто дѣлались изъ дерева, кости или рога и потому не сохранились.—Мечи съ короткимъ, нерѣдко также треугольнымъ, клинкомъ и съ широкимъ, прямымъ эфесомъ или же съ короткой, массивной изукрашенной рукояткой.

Бритва о двухъ лезвияхъ (рис. 23).—Слабо изогнутые серпы.—Булавки, служившія для украшенія, заканчивавшіяся кверху двумя

спиральными завитками.—Двойныя булавки.—Булавки съ горизонтальной головкой въ видѣ колесика.—Маленькіе массивные браслеты.

В. Новый бронзовый вѣкъ.

Топоры съ лопастями для рукоятки (пальштабы), т.-е. съ крылообразными боковыми пластинками, которыя съ обѣихъ сторонъ обхватываютъ расщепленный конецъ колѣнчато-изогнутой рукоятки.—Полые топоры, т.-е. клинки съ влагалицемъ, куда вставлялся нерасщепленный конецъ рукоятки. Полые топоры такъ же, какъ и топоры съ лопастями, нерѣдко имѣютъ ушко для продѣванія шнура, при помощи котораго клинокъ привязывался къ рукояткѣ, вслѣдствіе чего получилось болѣе прочное скрѣпленіе.

Долота съ плоскимъ или вогнутымъ лезвиемъ (полое долото), пилы, шила и сильно изогнутые серпы (серпы бронзоваго вѣка отливались въ половинчатой, односторонней формѣ, такъ что задняя сторона оставалась совершенно плоской).

Ножи весьма изящной формы, украшенные разнообразными, иногда весьма тонко гравированными рисунками въ видѣ группъ линій. Для прикрѣпленія къ деревянной или роговой рукояткѣ такіе ножи были снабжены на концѣ короткимъ крючкомъ, иногда же, хотя рѣже, имѣли особое влагалице. Иногда клинокъ и рукоятка отливались заразъ, въ одной формѣ.—Кинжалы, напоминающіе по формѣ ивовые листья, съ отверстіемъ для скрѣпленія съ рукояткою посредствомъ заклепокъ или же съ широкимъ стержнемъ, на который прикрѣплялся черенокъ. Мечи, съ массивнымъ, по большей части, тонко изукрашеннымъ, бронзовымъ эфесомъ или же съ плоскимъ широкимъ стержнемъ рукоятки. Клинки ихъ имѣютъ форму камышеваго стебля и сильно заострены на концѣ; они дѣлаются значительно длиннѣе, чѣмъ прежде, и украшаются тонкой чеканкой или рѣзбой.

На ряду съ этими формами встрѣчаются также бритвы съ однимъ лезвиемъ и разнообразныя украшенія, какъ-то: подвѣски, шюговидныя, булавки съ литыми, весьма замысловатой формы головками, большіе, полые съ верхней стороны украшенные рѣзбой браслеты въ видѣ подковъ, съ шипами на концахъ, и многое другое.

Рис. 28. Двойная бронзовая бритва изъ свайной постройки Пескиеры на Гардскомъ озерѣ.

Несмотря на различіе въ приѣмахъ производства, оружіе и орудія бронзоваго вѣка отличаются отъ родственныхъ имъ формъ новаго каменнаго вѣка лишь болѣе совершенствомъ работы и болѣе многочисленными видоизмѣненіями типовъ. Пропастъ между ними далеко не такъ велика, какъ между формами древняго и новаго каменнаго вѣка. Что касается предметовъ украшеній, то о нихъ мы знаемъ гораздо меньше, чѣмъ объ орудіяхъ, такъ какъ они изготовлялись, болѣею частью, изъ непрочныхъ матеріаловъ. Въ этомъ отношеніи бронзовый вѣкъ значительно превзошелъ предшествовавшія культурныя стадіи благодаря тому, что украшенія стали выдѣлываться изъ болѣе прочнаго матеріала.

Въ числѣ находокъ позднѣйшей бронзовой эпохи свайныхъ построекъ Швейцаріи есть не мало такихъ, которыя указываютъ, что къ этому времени въ сосѣдней Италіи не только миновалъ уже древній бронзовый вѣкъ террамаръ, но что и вообще бронзовый вѣкъ окончился, и начинается ранній желѣзный періодъ. Желѣзный вѣкъ, кромѣ знакомства съ новымъ металломъ, характеризуется и нѣкоторыми новыми формами издѣлій. Къ такимъ издѣліямъ относятся: чаши изъ чеканной листовой бронзы; мечи, яблоко которыхъ представляетъ двѣ идущія навстрѣчу другъ другу спирали: фибулы или застежки, иглы которыхъ застегивались за крючекъ или вставлялись кончиками въ ложе изогнутой и разнообразно украшенной дужки на другомъ концѣ застежки.

Если отъ свайныхъ построекъ Швейцаріи и Боденскаго озера мы перейдемъ теперь далѣе, въ область средняго Рейна, то встрѣтимъ здѣсь, въ общемъ, тѣ же типы бронзоваго вѣка, какъ и только-что рассмотрѣнные. Нѣкоторыя попадающіяся въ нихъ отклоненія объясняются сношеніями съ другими странами. Такъ, мы часто видимъ здѣсь топоры не съ прямыми, а съ остроугольнымъ уступомъ, какіе были распространены по среднему и верхнему Дунаю,—формы мечей, встрѣчающіяся постоянно въ Венгріи и Австріи, и т. д. Другіе типы выдають свое происхожденіе сходствомъ съ французскими находками и дають основаніе считать долину Роны ихъ первоначальной родиной. «Ступенчатые топоры» съ прямыми уступами были также однимъ изъ распространенныхъ типовъ сѣвернаго бронзоваго вѣка. И обратно—видоизмѣненія этого послѣдняго типа проникли въ Рейнскую область и даже въ Швейцарію, какъ это видно по найденнымъ на Невшательскомъ оверѣ бронзовымъ сосудамъ и застѣжкамъ сѣвернаго типа.

Для бронзоваго вѣка южной Германіи особенно характерны нѣкоторыя запястья подковообразной формы. Запястья эти представляютъ собою овальныя дуги съ болѣе или менѣе выступающими кверху

пирами на концахъ. Въ древнѣйшую эпоху обручъ былъ массивный, а шипы весьма небольшіе; въ болѣе позднее время обручъ дѣлается болѣе широкій и съ внутренней стороны полый (желобовидный), а шипы выступаютъ далеко впередъ. Появляются также браслеты въ видѣ широкихъ, плоскихъ, по большей части покрытыхъ продольными желобками обручей, которые нѣсколько сужены къ концамъ, но на самыхъ концахъ имѣютъ небольшое утолщеніе. На ряду съ этими «плоскими браслетами» въ юго-западной Германіи встрѣчаются подобныя же обручи, окапчивающіеся маленькими спиральными проволоками, по двѣ на каждомъ концѣ. Кромѣ того, въ южно-германскихъ могильныхъ холмахъ бронзоваго вѣка часто находятся большія бронзовыя булавки, въ томъ числѣ булавки съ характерной формой головки въ видѣ вертикальнаго диска съ отверстіемъ, напоминающей колесо, а также бронзовые кинжалы.

Многочисленные находки такого рода сдѣланы были въ могильныхъ холмахъ верхней Баваріи между Аммерскимъ и Штаффельскимъ озерами. Въ началѣ бронзоваго вѣка въ этой мѣстности господствовалъ обычай погребать трупы, не сжигая ихъ, и лишь позднѣе ихъ стали предавать сожженію. Въ качествѣ погребальныхъ даровъ служатъ здѣсь обыкновенно урна и чаша, а иногда также мечи, бляхи отъ поясовъ, большія булавки съ головками изъ спирально завитой проволоки, головные ободки съ крючками и ушками, различныя подвѣски (очкообразныя, сдѣланныя изъ двухъ спиральныхъ проволочныхъ кружковъ, а также въ видѣ сердецъ, колесъ и т. п.), затѣмъ шипцы, катушки спиральной проволоки, которыя надѣвались на шнурокъ и употреблялись какъ шейное украшеніе, и т. д. Глиняные сосуды какъ въ формѣ, такъ и въ орнаментикѣ представляютъ характерныя черты, отличающія ихъ отъ сосудовъ послѣдующаго періода, т.-е. отъ ранняго желѣзнаго вѣка. Украшенія этихъ сосудовъ состоятъ изъ рядовъ круглыхъ вдавленій ниже краевъ и на горлышкѣ и рядовъ вертикальныхъ бороздокъ на мѣстѣ расширенія сосуда, а также выпуклостей и небольшихъ ручекъ. Въ позднѣйшій бронзовый періодъ всѣ эти углубленные орнаменты были заполняемы бѣлой массой. Различныя страны Европы, для которыхъ бронза явилась первымъ металломъ, получившимъ широкое примѣненіе, не были разобщены между собою. Въ древнѣйшій бронзовый вѣкъ почти повсюду господствуютъ однѣ и тѣ же простыя формы; это указываетъ на подражаніе однимъ и тѣмъ же первоначальнымъ образцамъ и свидѣлствуетъ о томъ, что они распространялись весьма быстро и притомъ повсюду одновременно. Въ новый бронзовый вѣкъ различныя страны слѣдуютъ уже различными путями развитія, причемъ ясно сказываются различія въ характерѣ мѣстности и географическомъ положеніи отдѣльныхъ частей европейскаго континента.

Мы различаемъ въ Европѣ страны, имѣвшія блестящій и высоко-развитой, иными словами—продолжительный бронзовый періодъ, и другія -- съ короткимъ, рано закончившимся бронзовымъ вѣкомъ. Первые прошли обѣ описанныя выше ступени бронзоваго вѣка, вторыя—пережили только первую его стадію. Къ числу странъ, бронзовая эпоха которыхъ окончилась быстро, принадлежать на югѣ Европы—Греція и Италія, а въ средней Европѣ—тѣ области, до которыхъ не трудно было добираться какъ изъ южной Европы, такъ и Востока, т.-е. которые лежали на морскомъ пути сѣверной части Средиземнаго моря; таковыми являются: мѣстность между Адриатическимъ моремъ и верхнимъ Дунаемъ (нынѣшняя южная Австрія или восточно-альпійская область) и бассейнъ Роны (южная Франція). Продолжительный бронзовый вѣкъ въ средней Европѣ имѣли страны, расположенныя на сѣверномъ склонѣ Балканъ и къ сѣверу отъ Апеннинскаго полуострова, т.-е. Венгрія и Швейцарія; затѣмъ, сѣверо-германская низменность и весь сѣверъ Европы,—а именно Данія, Швеція и Великобританія.

Причина этого различія въ развитіи бронзовой культуры состоитъ въ томъ, что знакомство съ желѣзомъ и его обработкой такъ же, какъ и новые типы желѣзныхъ орудій, начали распространяться по Европѣ съ юга. Въ тѣхъ странахъ, куда культурное движеніе это проникло раньше, бронзовая культура не получила высокаго развитія; въ странахъ же, куда новый металлъ проложилъ себѣ путь уже значительно позднѣе, бронзовая культура достигла глднаго расцвѣта во второй продолжительной стадіи своего развитія. Поэтому о венгерскомъ, швейцарскомъ, сѣверномъ бронзовомъ вѣкѣ говорятъ какъ о крупныхъ и яркихъ проявленіяхъ до-исторической жизни Европы, тогда какъ бронзовый вѣкъ Греціи и Италіи, восточно-альпійской области и Франціи прежде почти совершенно упускался изъ виду; нынѣ существованіе въ этихъ странахъ бронзовой эпохи вполне достоверно установлено, все же она не представляется тамъ настолько законченною, какъ длительная стадія бронзовой культуры въ упомянутыхъ выше сѣверо-европейскихъ странахъ.

Если мы попробуемъ теперь опредѣлить въ приблизительныхъ числахъ различную продолжительность бронзоваго вѣка въ различныхъ областяхъ Европы, то окажется, что первую (а для странъ съ короткимъ бронзовымъ вѣкомъ—и единственную) фазу его мы можемъ отнести къ періоду приблизительно 1500—1000 гг. до Р. Хр.; вторая фаза въ сѣверной Европѣ продолжалась, несомнѣнно, до 400 г. до Р. Хр., а въ Швейцаріи и Венгріи окончилась уже около 600 г. до Р. Хр. Цифры эти могутъ, конечно, претендовать лишь на приблизительную вѣрность; ибо, хоть самая послѣдовательность трехъ до-историческихъ періодовъ (камя, бронзы и желѣза) для Европы и

другихъ обширныхъ культурныхъ областей должна считаться несомнѣнно доказанной, но несомнѣнно также и то, что переходъ отъ одной стадіи къ другой совершался далеко не сразу. Конецъ каменнаго вѣка и начало бронзоваго или конецъ бронзовой эпохи и наступленіе желѣзнаго періода не могутъ быть поэтому опредѣлены съ хронологическою точностью. Періоды эти незамѣтно переходятъ одинъ въ другой, какъ цвѣта солнечнаго спектра; и какъ шкала цвѣтовъ въ спектрѣ, несмотря на незамѣтные переходы, все же можетъ считаться точно разграниченною, такъ и «система трехъ періодовъ» первобытной исторіи человѣчества не теряетъ отъ этого своего значенія.

Галльштаттскій періодъ.

Въ то время какъ въ нѣкоторыхъ обширныхъ странахъ земного шара, благодаря знакомству съ бронзой и широкому примѣненію ея, была уже достигнута, сравнительно, высокая ступень культуры, и не чувствовалось даже потребности въ новомъ лучшемъ матеріалѣ, въ другихъ мѣстностяхъ происходила быстрая смѣна, и совершался значительный прогрессъ въ культурныхъ средствахъ. Такъ, наприм., воинственные ассирійцы—какъ это видно изъ списковъ налагаемой ими дани—раньше другихъ культурныхъ народовъ Востока оцѣнили преимущества желѣза, и, такимъ образомъ, мѣдъ и бронза должны были скоро отступить у нихъ на второй планъ. Обстоятельство это объясняется не только природными дарованіями и воинственнымъ духомъ этого народа, но и благопріятными условіями времени, когда совершались ихъ завоеванія, а также близостью обширной, изобилующей желѣзными рудниками области, являвшейся въ древности колыбелью горнаго дѣла и доставлявшей желѣзо хорошаго качества. Область эта расположена между Чернымъ моремъ, Кавказомъ, Каспійскимъ моремъ, западнымъ склономъ Иранскаго плоскогорья, равниной Месопотаміи, Таврскими горами и гористой Каппадокіей. Здѣсь, среди другихъ народовъ, славившихся искусствомъ въ обработкѣ металловъ, жило племя понтійскихъ халибовъ, самое имя котораго употреблялось греками для означенія стали. У этого-то маленькаго, но знаменитаго народа греки—согласно ихъ собственнымъ преданіямъ—научились добыванію и обработкѣ желѣза.

Хотя въ Египтѣ желѣзо было извѣстно уже въ серединѣ предпослѣдняго тысячелѣтія до Р. Хр., тѣмъ не менѣе въ Европу оно еще не проникло въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ ни въ то время, — какъ это показываютъ раскопки въ Троѣ, Тиринѣ и Микенахъ, — ни въ послѣдующіе вѣка. Лишь въ послѣднее тысячелѣтіе до Р. Хр., а именно въ IX и VIII вѣкахъ, встрѣчается оно

въ значительномъ количествѣ у народовъ Азіи—о чемъ свидѣлствуютъ списки платимой ассирійцамъ дани, — и одновременно съ этимъ, хотя и менѣе часто, появляется въ культурныхъ пластахъ древней Европы. Нужно замѣтить при этомъ, что стиль ранняго желѣзнаго вѣка Европы, такъ называемый «галльштаттскій стиль» (по могильнику близъ города Галльштатта въ Верхней Австріи), носитъ ясно выраженный отпечатокъ своего восточнаго происхожденія, и потому не остается сомнѣнія въ томъ, что родиной многихъ формъ культурной жизни нашего континента является именно Востокъ. Мнѣніе это еще подтверждается открытіемъ могильныхъ полей на Кавказѣ (Кобань и др.), принадлежащихъ къ тому же періоду и обнаруживающихъ значительное сходство съ могилами ранняго желѣзнаго вѣка средней Европы.

Вообще «галльштаттская культура» представляетъ собою гораздо болѣе распространенную стадію, чѣмъ это можно думать, судя по названію. Но такъ какъ терминъ этотъ гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ наименованіе «ранній желѣзный вѣкъ», то мы и отдаемъ ему предпочтеніе, хотя далеко не все, что является характернымъ для галльштаттскихъ раскопокъ, встрѣчается повсемѣстно въ области распространенія упомянутой ступени культуры. Принимая въ расчетъ это ограниченіе, можно сказать, что область галльштаттской культуры простирается отъ Кавказа до Атлантическаго океана и отъ Средиземнаго до Нѣмецкаго моря. Такимъ образомъ, она въ отношеніи протяженія захватываетъ почти всю Европу, а въ отношеніи времени является періодомъ перваго полу-историческаго выступленія на сцену передовыхъ европейскихъ народовъ. Къ этому времени поселеніе грековъ, италійцевъ, этрусковъ, кельтовъ и иллирійцевъ на мѣстахъ ихъ исторической осѣдлости можетъ считаться вполне доказаннымъ, ибо никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что древнѣйшіе жертвенные дары въ Олимпіи принадлежатъ элинамъ, могильныя поля въ Болоньѣ, Корнето и т. п.—италійцамъ и этрускамъ, могильныя холмы въ долинахъ Роны—кельтамъ, а безчисленные курганы въ Босніи—иллирійцамъ. Въ болѣе сѣверныхъ областяхъ, между прочимъ, и въ самомъ Галльштаттѣ, мы уже не можемъ съ достовѣрностью установить, какому именно племени принадлежатъ сохранившіяся тамъ могилы.

Въ сѣверной Европѣ, куда проникло собственно не желѣзо, а лишь нѣкоторыя характерныя формы галльштаттской культуры и отдѣльные предметы, ввезенные изъ другихъ областей, мы можемъ снова вполне увѣренно признать въ населеніи германцевъ.

Подобно тому какъ въ отношеніи бронзовой культуры мы различали страны съ болѣе продолжительнымъ и болѣе краткимъ бронзовымъ вѣкомъ, такъ и область распространенія галльштаттской культуры распадается на страны съ болѣе длительными и болѣе корот-

кими періодами ея господства. Къ первымъ мы должны отнести Грецію и Италію, гдѣ ранній желѣзный вѣкъ является только переходною ступенью къ исторической эпохѣ. Ко вторымъ относятся сѣверная часть Балканскаго полуострова и вся область восточныхъ Альповъ, а также Баварія, Вюртембергъ, Ваденъ, Эльзасъ, Швейцарія, Франш-конте и Бургундія, т.-е. тѣ страны, къ которымъ примѣняется названіе области галлыштаттской культуры въ тѣсномъ смыслѣ слова. Здѣсь ранній желѣзный вѣкъ продлился приблизительно до 400 г. до Р. Хр.; въ теченіе послѣдующихъ столѣтій въ формахъ различныхъ издѣлій выработался новый стиль, и желѣзо получило еще болѣе широкое примѣненіе; въ то же время оно распространилось также и въ сѣверной Европѣ. Этотъ послѣдній, такъ назыв. латѣньскій (La Tène) періодъ замыкаетъ собою длинный рядъ до-историческихъ періодовъ средней Европы и образуетъ переходъ къ историческимъ эпохамъ, изъ которыхъ первая, время римскаго владычества, известна намъ какъ по раскопкамъ, такъ и по литературнымъ источникамъ.

Но и въ тѣхъ странахъ, гдѣ періодъ галлыштаттской культуры былъ продолжителенъ, время это отнюдь не является временемъ застоя. Подобно тому какъ въ бронзовомъ вѣкѣ можно различать двѣ стадіи, имѣющія свои характерныя формы—неразвитую и развитую,—такъ и галлыштаттская эпоха—тамъ, гдѣ она была продолжительна—распадается на двѣ ступени: и мы можемъ даже указать причины, обусловившія этотъ ходъ развитія. Правда, многія могильныя поля альпійской и дунайской областей свидѣтельствуютъ, повидимому, о множествѣ однородныхъ и одновременныхъ погребеній. Таковы, наприм., могильникъ съ плоскими могилами на Зальцбергѣ около Галлыштатта на солянномъ промыслѣ дворцоваго вѣдомства въ Верхней Австріи, изъ раскопокъ котораго извлечены предметы, изображенные на рисункахъ 24—31 и 33—40 (тамъ же найдены типичные топоры, изображенные на рис. 4 и 5).

Общее число найденныхъ тамъ могилъ—считая и плоскія могилы—достигаетъ вѣсколькихъ тысячъ, изъ которыхъ детальному изученію подвергнута была лишь тысяча съ небольшимъ. Приблизительно половина всѣхъ могилъ заключаетъ останки несожженныхъ труповъ, въ остальныхъ же могилахъ находится прахъ сожженныхъ тѣлъ. Этому различію въ способѣ погребенія ни мало не соотвѣтствуетъ, однако, столь же замѣтная разница въ погребальныхъ дарахъ. Такъ, въ 525 могилахъ, заключавшихъ останки скелетовъ, найдено было изъ бронзовыхъ вещей: 18 предметовъ вооруженія, 1543—украшенія, 37 предметовъ домашней утвари, 31 сосудъ; желѣзныхъ: 165 предметовъ вооруженія, 42—домашней утвари; затѣмъ 6 золотыхъ вещей, 171 янтарное, 41 стеклянное украшеніе, 342 глиняныхъ сосуда,

61 веретенное кольцо, точильный брусокъ и другія мелочи. Тогда какъ въ 455 могилахъ съ остатками сожженныхъ труповъ заключалось—бронзовыхъ вещей: 91 предметъ вооруженія, 1735 украшеній, 55 предметовъ утвари, 179 сосудовъ; желѣзныхъ: 348 предметовъ вооруженія, 43 орудія, также 59 золотыхъ, 106 янтарныхъ, 35 стеклянныхъ украшеній, 902 глиняныхъ сосуда и 100 различныхъ мелкихъ вещей.

На основаніи этого мы можемъ заключить, что, въ общемъ, мо-

Рис. 24. Могила съ остатками сожженного трупа; изъ галльштаттскаго могильника (видъ въ разрѣзъ и сверху).

гилы съ остатками сожженныхъ труповъ богаче оружіемъ, а также бронзовыми и глиняными сосудами, между тѣмъ какъ могилы съ не-сожженными трупами содержатъ больше янтарныхъ украшеній. Въ обѣихъ категоріяхъ могилъ можно замѣтить, что бронза уступаетъ первое мѣсто желѣзу при производствѣ оружія, но зато значительно больше употребляется для выдѣлки сосудовъ. Рис. 24 изображаетъ расположеніе и составъ предметовъ въ одной изъ наиболѣе богатыхъ могилъ съ прахомъ сожженного трупа. Пепель усопшаго по-коится на днѣ плохо обожженного глинянаго корыта овальной формы. а ближе къ краю поставлено нѣсколько глиняныхъ и бронзовыхъ со-

судовъ. На самомъ пеплѣ лежатъ оружіе и украшенія: 1 желѣзный кинжалъ съ бронзовой ручкой, нѣсколько желѣзныхъ наконечниковъ для копій, 1 бронзовый пальштабъ, затѣмъ пара бронзовыхъ пряжекъ—одна изъ скрученной проволоки, напоминающая по формѣ очки, другая литая, своеобразной ажурной работы съ подвѣсками, запястье и т. п. Могила принадлежитъ болѣе позднему періоду галльштаттской культуры.

На рис. 25 мы видимъ лежащій на подобномъ же глиняномъ корытѣ скелетъ съ парю застежекъ на груди. Въ области таза насыпана кучка пепла отъ сожженного тѣла, на которой положены въ качествѣ погребальныхъ даровъ ножъ и наконечникъ копья. Судя по галльштаттскимъ скелетамъ, можно заключить, что люди того племени, которому они принадлежали, были сильные, средняго роста, длинноголовые (быть-можетъ, кельтскаго или даже германскаго происхожденія) и несомнѣнно арійской расы. Въ бронзовыхъ и глиняныхъ сосудахъ, которые лишь въ исключительныхъ случаяхъ служили для сохраненія пепла, находятъ иногда кости животныхъ, т.-е. остатки пищи. Каждая могила заключаетъ въ себѣ отъ 3 до 5 глиняныхъ сосудовъ. Иногда могилы обкладывались камнями и покрывались сверху каменными плитами.

Среди находимыхъ въ могилахъ предметовъ вниманіе наше прежде всего привлекаетъ оружіе. Другія могильныя поля, принадлежащія той же эпохѣ, далеко не такъ богаты оружіемъ, а въ нѣкоторыхъ оно и вовсе отсутствуетъ; здѣсь же, напротивъ, много прямо-таки превосходныхъ образцовъ мужскихъ воинскихъ доспѣховъ, въ которые и облечены покойники. Длинные мечи, характерные для болѣе древняго періода галльштаттской культуры, по болѣе части, имѣютъ форму, изображенную на рис. 26; сдѣланы они или изъ бронзы, или изъ желѣза, причѣмъ желѣзные имѣютъ иногда яблоко изъ слоновой кости, украшенное янтаремъ. Въ болѣе поздній періодъ появляются въ большомъ количествѣ желѣзные кинжалы съ

Рис. 25. Могила со скелетомъ; изъ галльштаттскаго могильника.

бронзовыми рукоятками и подковообразными эфесами. Наиболѣе замѣчательный изъ найденныхъ въ Галлыштаттѣ кинжаловъ изображенъ на рис. 27; рукоятка этого кинжала по формѣ своей восходитъ къ вышеупомянутому типу подковы. Наконечники копій дѣлались изъ бронзы или изъ желѣза и встрѣчаются въ большомъ количествѣ, тогда какъ наконечники стрѣлъ попадаютъ лишь изрѣдка.

Съ формою палаша и полыхъ цельтовъ мы познакомились уже раньше (рис. 4 и 5); но чаще встрѣчающагося формою являются плоскіе желѣзные топоры съ маленькою ручкою, служившею для скрѣпленія клинка съ топорникомъ, а также маленькіе бронзовые топоры-украшенія съ длиннымъ влагалищемъ и изображеніемъ какого-нибудь животнаго на обратной сторонѣ. Изрѣдка попадаютъ также шлемы, съ широкими плоскими краями и парю низкихъ гребней, между которыми помѣщался султанъ (рис. 28).

Кромѣ того, къ мужскому вооруженію принадлежали также различныя панцирные пластинки (цѣльныхъ панцирей на все тѣло во встрѣчается) и кожаные пояса, покрытые бронзовыми бляхами богатой чеканки.

Среди орудій первое мѣсто занимаютъ ножи. Они дѣлались изъ бронзы или изъ желѣза и имѣли удлинненную форму съ красивымъ закругленіемъ на концѣ; попадаютъ и маленькіе ножи съ загнутымъ назадъ концомъ, и тяжелые желѣзные съ изогнутымъ остріемъ (ножъ для рубки, рис. 29). Весьма распространены точильные бруски (рис. 30); отъ времени до времени встрѣчаются ремесленные инструменты, какъ, напр., напилки, наковальни и т. под., а также мелкія туалетныя принадлежности.

Какъ мы уже видѣли, украшенія встрѣчаются въ болѣе значительномъ количествѣ, чѣмъ оружіе и орудія. Явленіе это оказывается характернымъ для всѣхъ почти до-историческихъ

Рис. 26. Рис. 27. Желѣзный кин-
Бронзо- лѣзный кин-
вый мечъ жалъ съ брон-
(Галль- зовою рукоят-
штаттѣ). кою и бронзо-
выми же нож-
нами (Галль-
штаттѣ).

могилъ. Чаще всего попадаютъ—кромѣ упомянутыхъ уже богато украшенныхъ поясовъ, которые были въ употребленіи какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ—булавки, застежки, кольца и подвѣски. Многія изъ

этихъ вещей — мѣстнаго производства и представляютъ, въ смыслѣ формы, мѣстное изобрѣтеніе. Женщины носили на ватылкѣ гребень изъ простыхъ булавокъ. Для застегиванія одежды служили красивыя, разукрашенныя шариками булавки, остріе которыхъ вставлялось въ особыя, костяныя или бронзовыя ножны (рис. 31 изображаетъ головку и кончикъ такой булавки).

Гораздо употребительнѣе, однако, были здѣсь, какъ и во всей области распространенія галлыштатской культуры, такъ назыв. фибулы,

т.-е. пружинныя застежки, состоящія изъ дужки съ ложемъ для иглы (ножки) и самой иглы со спиральною пружиною въ одинъ или въ нѣсколько оборотовъ (головка). Въ древнее время такія застежки дѣлались, большею частью, изъ одного куска, но, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія, имъ стали придавать самыя различныя формы.

Въ Галлыштатѣ всего чаще встрѣчается фибула въ формѣ восьмерки, образуемой спирально скрученною проволокою, концы

которой проходятъ съ одной стороны въ иглу, а съ другой—въ ложе. Такую «галлыштатскую фибулу» мы видѣли на рис. 24, изображающемъ могилу съ сожженными останками, рядомъ съ рукоятью кинжала. Другія фибулы болѣе подходятъ къ сдѣланному выше описанію. Изъ прямой фибулы бронзоваго вѣка развилась, главнымъ образомъ, въ южной части нашего континента, фибула съ полукруглой дужкой и короткой ножкой—характерная для древнѣйшей стадіи галлыштатской культуры. Первоначально онѣ дѣлались изъ изогнутой, слегка сплюсненной желѣзной или бронзовой проволоки; въ послѣдствіи же, главнымъ образомъ, изъ бронзы и уже посредствомъ отливки (на югѣ также и изъ золота, съ богато изукрашенной дужкой). На рис. 32 мы видимъ полную, челнокообразную дужку, украшенную разнообразными выгравированными линіями и съ длиннымъ ложемъ, которое заканчивается пуговкою. Подобныя фибулы встрѣчаются уже въ греческихъ могилахъ VII вѣка въ Сициліи, а также нерѣдко и въ альпійскихъ странахъ, куда онѣ попадали благодаря ввозу изъ Италіи.

Рис. 28. Бронзовый шлемъ (Галлыштатъ).

Рис. 33 еще точнѣе воспроизводитъ древнюю, основную форму,

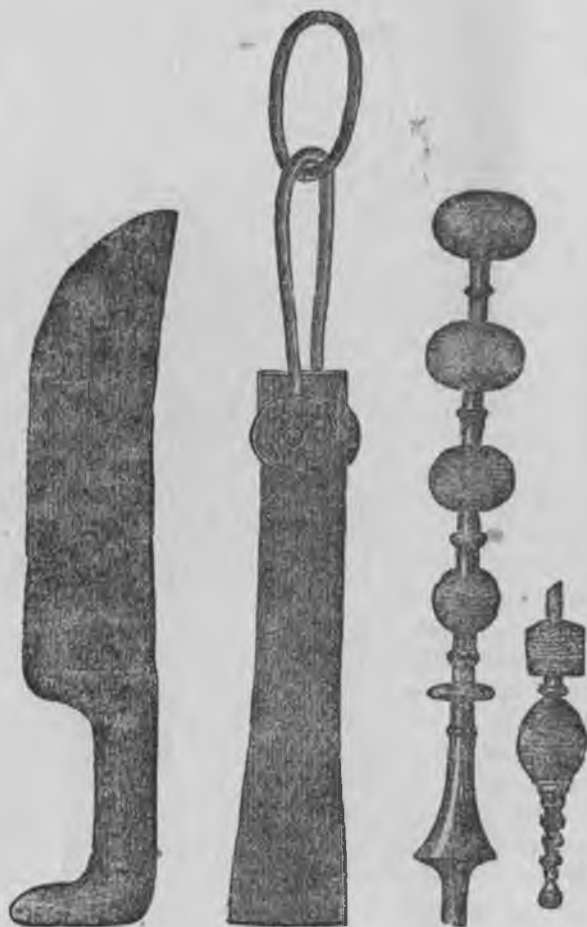

Рис. 29. Железный ножъ изъ галльштаттскаго могильника.

Рис. 30. Точильный брусокъ съ железною рукояткою и кольцомъ изъ галльштаттскаго могильника.

Рис. 31. Бронзовая булавка для застегиванія одежды, украшенная нѣсколькими шариками, съ ножнами для острія (Галльштаттъ).

которая, впрочемъ, разукрашена нѣсколько въ варварскомъ вкусѣ

двумя грубыми изображеніями животныхъ внутри дужки и серповиднымъ расширеніемъ съ наружной ея стороны, покрытымъ зигзагообразною гравировкою; къ наружному краю дужки прикрѣпленъ рядъ цѣпочекъ съ подвѣсками, въ видѣ бляшекъ, на концѣ. Какъ эти, такъ и другія украшенія древней основной формы фибулы, повидимому, проникли сюда съ сѣвера, гдѣ шла самостоятельная разработка основного типа, хотя въ общемъ больше развито было подражаніе южно-европейскимъ образцамъ. Естественное развитіе фибулы можно прослѣдить не только въ бронзовый вѣкъ и въ галльштатскій періодъ, но и въ ла-тѣнскій періодъ. Отсюда оно переходитъ, затѣмъ, въ римскую эпоху и въ эпоху переселенія народовъ и, наконецъ, теряется въ глубокомъ средневѣковѣѣ.

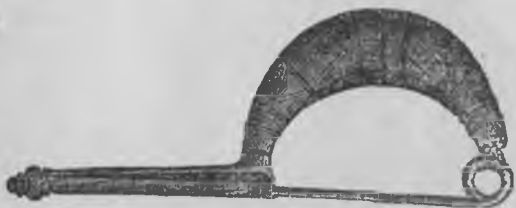

Рис. 32. Челнообразная бронзовая застѣжка сь длиннымъ остріемъ и шарикомъ на концѣ, украшенная гравировкою (Ваць, въ Крайплѣ).

бронзовый вѣкъ и въ галльштатскій періодъ, но и въ ла-тѣнскій

періодъ. Отсюда оно переходитъ, затѣмъ, въ римскую эпоху и въ эпоху переселенія народовъ и, наконецъ, теряется въ глубокомъ средневѣковѣѣ.

Среди украшеній, въ собственномъ смыслѣ слова, первое мѣсто занимаютъ кольца (главнымъ образомъ, запястья, нерѣдко съ большимъ вкусомъ, но нѣсколько тяжело изукрашенныя, какъ, напр., на рис. 34) и подвѣски. Последнимъ придавали самыя разнообразныя формы; падѣвались они всюду, гдѣ только находилось для нихъ мѣсто, и, повидимому, доставляли истинное наслажденіе своимъ постояннымъ бряцаньемъ и звяканьемъ.

Платье также украшалось нашитыми на него бронзовыми чешуйками (крѣмъ того, ихъ натыкивали и въ глиняные сосуды); на себя наѣвшивали еще множество бусъ и привязанныхъ на шнуркахъ прово-

Рис. 33. Полулунная застѣжка сь цѣпочками и бляшками, украшенная гравировкою (Галльштатъ).

лочныхъ спиралей. Здѣсь большую роль играютъ стеклянныя бусы, въ особенности же бусы и толстыя кольца, послѣднія — изъ янтаря. Стекло и янтарь служили также для украшенія и дужекъ фибулы,

и иглы. Вообще, характерными чертами галлыштаттского періода являются: любовь къ пышности, свойственная всѣмъ некультурнымъ народамъ,—такъ, нѣкоторыя некультурныя племена и теперь еще охотно вымѣниваютъ «бѣлолицему» чело-вѣку цѣнныя произведенія своей земли на стеклянныя бусы и т. под. бездѣлки. Напротивъ, въ ла-тѣйскомъ періодѣ, по мѣрѣ того какъ у вар-варовъ стало пробуждаться самосознаніе, черта эта стала значительно ослабѣвать.

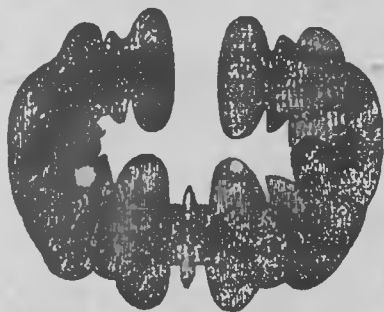

Рис. 34. Уловатый браслетъ (Галлыштаттъ).

Впрочемъ, сношенія съ болѣе развитыми странами юга дали населенію этой культурной области не только новыя формы фибулы и разныхъ

другихъ бездѣлушекъ, но и многое гораздо болѣе существенное, напр., издѣлія изъ тонкой листовой бронзы, изъ которой научились въ особенности хорошо выдѣлывать изящныя сосуды. Рис. 35 — 39 изображаютъ нѣкоторые сосуды этого рода.

Экземпляры, изображенные на рис. 35—37, вѣроятно, привозные, италіанскіе, а тѣ, которые представлены на рис. 38 и 39, по-видимому, мѣстнаго производства. Въ древнѣйшую стадію галлыштаттскаго періода встрѣчаются, по большей части, лишь привозные сосуды, украшенные выбивными кружками и изображеніями животныхъ; туземное же производство начало процвѣтать лишь позднѣе.

Рис. 35. Бронзовый тазъ съ гравировкою по краю и съ ручкою въ видѣ фигуры животнаго (Галлыштаттъ)

Изъ цилиндрическихъ реберчатыхъ сосудовъ наиболѣе древней является италянская форма, характеризующаяся немногочисленными далеко отстоящими другъ отъ друга обручами (рис. 37); такіе сосуды изготовлялись близъ Болоньи. Наоборотъ, «тѣснореберчатый» типъ (рис. 39) созданъ обитающими въ болѣе сѣверныхъ областяхъ иллирійскими племенами и принадлежитъ уже V столѣтію до Р. Хр.

Два таза, изображенные на рис. 35 и 38, даютъ намъ образцы простыхъ, прямолинейныхъ «геометрическихъ»

орнаментовъ, весьма употребительныхъ въ то время при украшеніи такого рода издѣлій; орнаментовка произ-

Рис. 37. Широкореберчатый сосудъ изъ листовой бронзы (Галльштатъ).

Рис. 36. Бронзовая ваза, составленная изъ четырехъ отдѣльныхъ частей (Галльштатъ).

водилась при помощи особаго рѣзца. На сосудѣ, изображенномъ на рис. 37, мы видимъ, напротивъ, выбивныя или чеканныя, отчасти фигурныя украшенія. Вообще, въ работахъ по металлу достигли къ этому времени уже большого совершенства, но искусство паянія еще не было извѣстно, вслѣдствіе чего для соединенія частей сложныхъ сосудовъ, изготовлявшихся изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ кусковъ металла (какъ, напр., на рис. 36), примѣнялось только фальцованіе и склепываніе листовъ.

Литейное дѣло процвѣтало; однако, придавать отливаемымъ предметамъ желаемую форму удавалось еще очень плохо, о чемъ свидѣтельствуетъ фигура животнаго, изображенная на рис. 40. Изобра-

жасть она вола съ удивительно толстымъ хвостомъ, который является не то дѣйствительною особенностью известной породы, не то свидѣтельствомъ о недостаточной ловкости и искусствѣ мастера.

Если на бронзовыхъ сосудахъ или поясахъ встрѣчаются чекан- ные или выгравированныя фигурныя украшенія,—что не составляетъ рѣдкости въ альпійскихъ странахъ,—то издѣлія эти нужно считать при- возными, изъ верхней Итали, гдѣ при выдѣлкѣ такого рода предметовъ

установился свое- образный аляпова- тый стиль, упрочив- шійся въ силу ча- стаго примѣненія. Образчикомъ такого стиля можетъ слу- жить изображенное на рис. 41 бронзо- вое ведро изъ Куф- фарна въ нижней Австріи, которое най- дено было въ одной изъ могилъ переход- ной эпохи отъ галль- штаттскаго періода къ ла-тѣньскому. На данномъ экземплярѣ изображенъ кулач- ный бой на приязь въ видѣ племена, состоя- заніе въ верховой ѣздѣ и въ управле-

Рис. 38. Бронзовый тазъ съ гравированными краями и двумя проволоочными ручками въ видѣ обручей (Галльштаттъ).

ніи колесницами, сена пира — однимъ словомъ, рядъ праздни- чныхъ сценъ.

Гончарное искусство галльштаттскаго періода успѣшно конку- рируетъ съ производствомъ бронзовыхъ сосудовъ. Изъ гончарныхъ из- дѣлій особеннымъ распространеніемъ (въ могилахъ) пользуются пуза- тыя урны съ высокимъ горлышкомъ, покрытыя слоемъ блестящаго графита; большія круглыя вазы съ узкимъ горлышкомъ, украшенныя «геометрическими» орнаментами по крытому фону; блюда и чаши съ изящными украшеніями на внутренней поверхности, причемъ ярко раскрашенный рисунокъ разнообразится иногда характерными бѣлыми выкладками. Иногда, впрочемъ, даже и это непритязательное искус- ство принимаетъ фантастическое направленіе, и на глиняныхъ со-

судахъ появляются разные придатки, ручки или шишечки въ видѣ головъ различныхъ животныхъ. Примѣромъ такого рода фигурныхъ украшений на глиняной посудѣ могутъ служить маленькія чашечки и птички, которыя расположены по краямъ блюда, изображеннаго на рис. 42 (мѣстонахождение — могильный холмъ близъ Оденбурга); сверхъ того, посрединѣ этого блюда помѣщается еще фигура неизвѣстнаго животнаго о двухъ головахъ. Само собою разумѣется, однако, что сосуды, предназначенные для повседневнаго употребленія, дѣлались проще и цѣлесообразнѣе.

Несмотря на такое развитіе гончарнаго искусства, гончарный кругъ еще не былъ извѣстенъ въ продолженіе всего этого періода; лишь въ позднѣйшую стадію галльштаттской эпохи начинаютъ появляться отдѣльные экземпляры глиняныхъ сосудовъ новой формы и съ новой орнаментовкой, изготовленныхъ при

Рис. 39. Тѣснореберчатый сосудъ изъ листовой бронзы (Галльштаттъ).

Рис. 40. Фигура вола изъ литой бронзы (Галльштаттъ).

помощи круга. Такіе сосуды являются, впрочемъ, предметами ввоза изъ болѣе южныхъ странъ, гдѣ вся эпоха до-исторической культуры уже приходитъ въ это время къ концу.

Позднѣйшая стадія галльштаттскаго періода, наиболѣе блестяще представленная въ западной Германіи такъ назыв. «княжескими могилами» Хундерзингена и Людвигсбурга въ Вюртембергѣ, является—судя по всему, что мы о ней знаемъ — эпохой усилившагося ввоза изъ юж-

ныхъ странъ и оживленныхъ сношеній съ ними. Галльштатт-

ской культура, являвшаяся въ началѣ достояніемъ какъ южной, такъ и средней Европы, значительно дольше продолжается въ послѣдней, хотя и испытываетъ воздѣйствіе съ юга. Въ позднѣйшій періодъ галльштаттской культуры, приблизительно за 500 лѣтъ до Р. Хр.,

Рис. 41. Бронзовое ведро съ
фигурными украшеніями, изъ
Куффарна.

Италія получаетъ руководящую роль по отношенію къ средней Европѣ. Но торговый обмѣнъ и взаимное вліяніе различныхъ странъ—благодаря тому, что нѣкоторыя области изобилуютъ природными богатствами почвы (соль, золото), другія же богаты продуктами земледѣлія и скотоводства, наконецъ, трѣтьи обладаютъ благоприятными торговыми путями, прелетающими по альпійскимъ долинамъ, — создали тѣ разнообразныя культурныя формы, которыя мы теперь изучаемъ по дошедшимъ до насъ остаткамъ давно умершихъ людей той отдаленной эпохи.

Ла-тэньскій періодъ.

Благодаря тому, что значительныя группы человѣчества постепенно выходятъ изъ круга до-исторической культуры и вступаютъ уже на пути, освѣщенные исторіей, область распространенія позднѣйшихъ стадій до-историческаго развитія, — слѣды которыхъ встрѣчаются въ Германіи,

и границы которыхъ мы стремимся установить, — область эта становится все уже и уже. Мы видѣли, что черезъ стадіи каменнаго вѣка прошли такъ или иначе всѣ народы земного шара; бронзовый вѣкъ также былъ пережитъ большинствомъ странъ какъ Старо, такъ и Новаго Свѣта. Но уже галльштаттскій періодъ не распространяется за предѣлы Европы, а культурная область слѣдующей ла-тэньской стадіи еще меньше, такъ какъ мы должны выключить изъ нея даже Грецію и Италію, за исключеніемъ лишь долины По. Впрочемъ, культура эта распространилась зато по всей сѣверной Европѣ, куда не проникала или мало проникла галльштаттская культура.

Мы видѣли изъ предыдущихъ отдѣловъ, что народы, населявшіе западную часть Европы, долгое время находились въ состояніи застоя.

Благодаря вліянню восточныхъ и южныхъ областей они познакомились съ новыми формами жизни и прошли весь тотъ путь развитія, который совершила вообще культура европейскаго континента; но сдѣлать свой вкладъ въ общую сумму культурныхъ пріобрѣтеній имъ еще не удалось. Вслѣдствіе своего особаго географическаго положенія, страны эти сравнительно поздно подверглись благотворному воздѣйствію цивилизаціи Востока и, занимая самую западную часть европейскаго материка, не могли служить проводниками этой цивилизаціи для другихъ странъ.

Рис. 42. Глиняное блюдо изъ Оденбурга съ узорчатыми и лѣнными украшеніями (Венгрія).

Однако, именно за время этого продолжительнаго періода покоя кельтское племя собралось съ силами, чтобы хотя и поздно, но ярко проявить себя въ созданіи своеобразной культуры, наложившей свой отпечатокъ на послѣднія столѣтія, предшествующія завоеванію Галліи и альпійскихъ странъ римлянами. Ла-тѣнская культура, почти внезапно получившая господство во всей Европѣ, за исключеніемъ лишь древне-классическихъ областей, является, въ сущности, культурою кельтовъ; расцвѣтъ ея относится къ тому времени, когда это высоко-одаренное племя, могучее по своей многочисленности, предприимчивое, далеко ушедшее впередъ въ обработкѣ металловъ и располававшее многими техническими усовершенствованіями, подчинило себѣ обширную область нашего материка. Верхняя Италия, прирейнскія и придунайскія страны, вся альпійская область и часть Балканскаго полуострова сдѣлались добычей кельтскихъ дружинъ, а власть надъ завоеванными странами переходила въ руки ихъ королей и предводителей. Даже въ Малой Азіи полчища «галатовъ» — трокмы, тектосаги, толистобойи — основывали варварскія государства среди грековъ и эллинизированныхъ туземцевъ.

Галлыштатская культура сложилась изъ различныхъ элементовъ; въ числѣ ихъ были: переживанія бронзоваго вѣка, непосредственныя заимствованія съ Востока, продукты самостоятельнаго творчества и, наконецъ, вліяніе этрусковъ послѣ завоеванія ими сѣверной Италии. Культура ла-тѣнской стадіи также имѣетъ нѣсколько различ-

ныхъ корней. Въ созданіи ея участвовали, повидимому, греческія (древне-іонійскія?), восточныя (кареагенскія?) и италійскія (этрuscoскія?) вліянія; кромѣ того, сказываются, конечно, и переживанія галльштаттской культуры.

Но самое главное это—сравнительно позднее происхожденіе этой культурной стади, сообщающее ей новыя, такъ сказать, «модерныя» (современныя) черты и дѣлающее ее необходимымъ звеномъ въ общемъ развитіи европейской культуры. Исторія едва даетъ намъ отдѣльныя отрывочныя извѣстія объ этой эпохѣ; но изслѣдованіе доисторической древности не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ ту пору, когда совершалась эленизація Востока и начинало распространяться міровое владычество Рима, народы сѣверной Европы переживали культурную стадію, которую можно рассматривать какъ естественное преддверіе культуры римскихъ провинцій. Можно даже сказать, что провинціальная римская культура, особенно въ прирейнскихъ и дунайскихъ областяхъ, во многихъ отношеніяхъ, является лишь естественнымъ продолженіемъ ла-тэньской культуры.

Ла-тэньская культура такъ же, какъ и галльштаттская, получила свое наименованіе отъ одного весьма знаменитаго мѣстонахожденія этой эпохи. Ла-Тэнь (La Tène — отмель) это — мѣсто около деревни Маринъ на сѣверномъ концѣ Невшательскаго озера въ Швейцаріи, гдѣ въ развалинахъ небольшого замка, расположеннаго на островѣ, было найдено многое множество разнаго желѣзнаго оружія, инструментовъ, сосудовъ, украшеній, которые значительно отличаются какъ отъ галльштаттскихъ, такъ и отъ римскихъ издѣлій. Бронзовые мечи, топоры и наконечники копій здѣсь уже не встрѣчаются. Всѣ сто найденныхъ здѣсь мечей, почти въ метръ длиной, сдѣланы изъ желѣза; они обоюдоострые, имѣютъ лезвее одинаковой ширины какъ у рукоятки, такъ и до самаго острія; рукоятка простая, безъ украшеній; ножны дѣлались всего изъ двухъ желѣзныхъ или бронзовыхъ полосъ. Наконечники копій также новой формы — они характеризуются или широкой бородкой, или длиннымъ стерженькомъ при короткой бородкѣ; послѣдняя форма произошла отъ дротика, напоминавшаго римскій pilum. Наконечники стрѣлъ встрѣчаются рѣдко; кинжалы совсѣмъ отсутствуютъ. Какъ кинжалъ, такъ и стрѣлы — оружіе, недостойное настоящаго героя, а потому они были въ пренебреженіи у мужественныхъ кельтовъ. Зато войны-кельты были вооружены длинными кривыми ножами и большими, обитыми желѣзомъ, щитами; они носили также желѣзныя или бронзовыя цѣпи для мечей и незамкнутые шейные обручи, которые у знатныхъ лицъ и у прославленныхъ воиновъ были сдѣланы изъ золота, и которые легко отличить по характерной формѣ концовъ, напоминающей печатку. Шлемы ла-тэньской стади, встрѣчающіеся, впрочемъ, рѣже, чѣмъ въ галльштаттской, имѣютъ

иную форму, чѣмъ галлытаттскіе; они часто бываютъ заострены сверху, украшены шишкою и снабжены маленькимъ козырькомъ и скуловыми выступами; защищавшими виски. Въ могилахъ кельтовъ и другихъ мѣстонахожденіяхъ этой эпохи нерѣдко попадаются также обломки боевыхъ колесницъ, на которыхъ обыкновенно сражались галлы, а также остатки богатой конской сбруи.

Характернымъ показателемъ этой культурной стадіи является не одно только оружіе кельтовъ; серьезнаго вниманія заслуживаютъ и орудія ихъ, и домашняя утварь. Найденные предметы—ножи, ножицы, серпы, пилы, мотыки, грабли, топоры, сошники отъ земледѣльческихъ орудій - частью представляютъ совершенно новыя формы, частью же повторяютъ старыя образцы, но отличаются болѣею практичностью. Желѣзныя вещи совершенно лишены украшеній, но сдѣланы прочно и хорошо; нерѣдко на нихъ замѣчаются клейма, что указываетъ на фабричный способъ ихъ производства. Въ числѣ новыхъ культурныхъ пріобрѣтеній слѣдуетъ отмѣтить гончарный кругъ и печь для обжиганія глиняной посуды и вращающіяся мельницы; затѣмъ совершенно неизвѣстныя до этого времени игральныя кости и какіе-то камешки въ родѣ домино и наконецъ, золотую и серебряную монету; монета представляетъ подражаніе массалійской и македонской чеканкѣ, причемъ вначалѣ профили головъ и рисунокъ оборотной стороны монеты воспроизводились довольно точно, но, съ теченіемъ времени, превратились въ сложный линейный орнаментъ. Нѣкоторый регрессъ наблюдается въ производствѣ бронзовыхъ сосудовъ, которые или выдѣлываются по старымъ образцамъ, но уже довольно грубо, или же ввозятся въ готовомъ видѣ изъ Италіи (такъ называемыя кружки съ носкомъ). Украшенія этого времени уже не имѣютъ значенія самостоятельныхъ вещей, какъ въ галлытаттскій періодъ; по болѣеи части, они уже являются лишь въ качествѣ отдѣлки различныхъ вещей житейскаго обихода; поэтому форма предмета опредѣляетъ и характеръ покрывающихъ его украшеній. Новымъ, хотя и не особенно изящнымъ, является орнаментъ въ классическомъ стилѣ, черпающій мотивы изъ міра растений. Характерными для ла-тѣньскаго стиля могутъ также считаться арабески въ видѣ фантастическихъ фигуръ животныхъ, человѣческихъ лицъ, равнобедренныхъ треугольниковъ съ закругленіями и завитками на углахъ, двойныхъ спиралей, также орнаментъ въ видѣ «рыбьяго пузыря». Подобныя украшенія покрываютъ ножны мечей, сосуды, цѣпи, кольца племени, застежки и т. под. Новостью является также эмаль («крово-красное стекло»), которою заполняли углубленныя линіи орнаментовъ, и инкрустации на бронзѣ изъ коралла и гипса. Изъ Англіи и Франціи, гдѣ находились главные центры эмалевыхъ работъ древнихъ кельтовъ (одинъ изъ такихъ центровъ находился, какъ достовѣрно

извѣстно, на горѣ Бѣрей, близъ Отѣна), мы имѣемъ украшенные эмалью бронзовые щиты, застѣжки, шейные обручи, ножны мечей, шпоры и т. д. Развитіе у кельтовъ городской жизни чрезвычайно спо-

собствовало процвѣтанію разнаго рода ремеслъ, чего совершенно нѣтъ у германцевъ, жившихъ небольшими разбросанными поселками.

Рис. 43 — 45 изображаютъ нѣкоторыя желѣзные вещи изъ Ла-Тѣни, а именно типичную форму наконечника копья, ножницъ (въ родѣ ножницъ, употребляющихся теперь для стрижки овецъ; инструментъ этотъ встрѣчается въ могилахъ весьма часто) и застѣжки. Характернымъ для ла-тѣнской фибулы, дѣлавшейся обыкновенно изъ желѣза или бронзы (а въ Венгріи часто и изъ серебра), является спиральный завитокъ на двѣ стороны упругой «головки» и, въ особенности, удлиненіе ложа, отогнутого соотвѣ-

Рис. 43. Желѣзный наконечникъ копья изъ Ла-Тѣни (Швейцарія).

Рис. 44. Желѣзные ножницы изъ Ла-Тѣни (Швейцарія).

Рис. 45. Желѣзная фибула изъ Ла-Тѣни (Швейцарія).

ственно съ дужкою; ложе сначала оставалось свободнымъ, но впоследствии его стали прикрѣплять къ дужкѣ. Развитіе въ этомъ направленіи какъ бы заранѣе намѣчено въ позднѣйшихъ формахъ галльштаттской фибулы и представляетъ основную форму для дальнѣйшаго развитія провинціальной римской застѣжки.

Единственной оригинальной формой ранней ла-тѣнской эпохи

(имѣющей, впрочемъ, весьма ограниченное распространеніе) являются фибулы въ видѣ головы животного. На рис. 47 мы имѣемъ передъ собою одно изъ высшихъ произведеній искусства, какое только могла создать пластика культурныхъ стадій до-римской эпохи. Это—небольшая бронзовая фигура воина-варвара, одѣтаго въ плотно облегающую его тѣло одежду и съ шапкой, въ родѣ шлема, на головѣ; руки и ноги его украшены браслетами. Положеніе его рукъ представляется непонятнымъ въ виду того, что предметъ, который онъ, повидимому, долженъ былъ держать, теперь отсутствуетъ; повидимому, это—воинъ, опѣнивающий на глазъ остроту своего меча, который онъ держитъ на вѣсу.

Рис. 46 изображаетъ предметъ, принадлежащій болѣе поздней эпохѣ, а именно длинный желѣзный мечъ германцевъ, извѣстный подъ названіемъ «шпаты». Мечъ этотъ настолько сходенъ съ мечомъ позднѣйшей стадии латѣнской эпохи, что есть полное основаніе считать воинскіе доспѣхи германцевъ заимствованіемъ у кельтовъ.

Съ распространеніемъ классической культуры въ прирейнскихъ, въ придунайскихъ странахъ и далѣе, реалистическія, утилитарныя стремленія варварскаго искусства исчезаютъ, уступая мѣсто идеальнымъ, хотя уже значительно опошлѣннымъ и обезцвѣченнымъ образцамъ искусства южныхъ культурныхъ народовъ. Напротивъ, техническіе приемы и формы промышленной дѣятельности послѣдней эпохи до-классическаго періода сохранились, хотя и не безъ измѣненій, что, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о присущей имъ жизненности.

Рис. 46. Желѣзный мечъ германцевъ (шпата).

Рис. 47. Бронзовая фигура воина изъ Идриі близъ Бака (Приморская область Австріи).

Содержаніе.

	стр.
Понятіе первобытной исторіи	3
Положеніе человѣка въ природѣ	3
Животный міръ и человѣкъ. — Признаки, отличающіе человѣка отъ животнаго. — Колыбель человѣчества, переселенія, расы.	
Отличительныя признаки человѣческой культуры	9
Языкъ, религія и общественность. — Скотоводство и земледѣліе. — Жилища. — Одежда и украшенія. — Орудія и оружіе. — Международныя сношенія и торговля.	
Древнѣйшіе слѣды человѣка	20
Человѣкъ и ледниковая эпоха. — Древній каменный вѣкъ. — Стоянки подъ открытымъ небомъ и пещеры.	
Новый каменный вѣкъ	29
Культурный прогрессъ новаго каменнаго вѣка. — Попытка его объясненія. — Основные устои новой жизни. — Кухонные отбросы древней стадіи неолитическаго періода. — Періодъ расцвѣта новаго каменнаго вѣка: свайныя постройки, пещеры.	
Аріицы и семиты	40
Первобытная эпоха исторіи аріійцевъ. — Ранній расцвѣтъ культуры въ Месопотаміи. — Противоположность жизненнаго уклада пастуха и земледѣльца. — Значеніе городовъ. — Мореплаваніе. — Преемники семитической культуры.	
Свайныя постройки	48
Статистика свайныхъ построекъ. — Величина ихъ, — Каменный и бронзовый вѣка. — Стоянки переходнаго времени. — Конецъ оверныхъ поселеній. — Террамары. — Люди свайныхъ построекъ.	
Металлы	58
I. Обзоръ земного шара. II. Металлы на Востокъ и въ Греціи: Египеть. — Халдейцы и ассирійцы. — Персія, Кавказъ. — Кипръ и греческій архипелагъ. — Микены, Тиринъ и Аѣны. — Греческіе могильные склепы. — Хронологія.	
Бронзовый вѣкъ	87
Распространеніе бронзы въ Европѣ. — Формы древняго и новаго бронзоваго вѣковъ. — Страны съ продолжительнымъ и страны съ короткимъ бронзовымъ періодомъ. — Хронологія бронзоваго вѣка.	
Галльштаттскій періодъ	93
Желѣзо на Востокъ (ассирійцы и халдейцы). — Предѣлы распространія культуры галльштаттскаго періода въ Европѣ. — Страны съ продолжительной стадіей галльштаттской культуры и страны съ краткой галльштаттской стадіей. — Древнѣйшая и позднѣйшая стадія галльштаттской эпохи. — Галльштаттскій могильникъ.	
Ла-тѣньскій періодъ	106
Кельты. — Характеръ ла-тѣньской культуры. — Оружіе, орудія, украшенія. — Заключеніе.	

Другие книги нашего издательства:

URSS

Археология

Шапова Ю. Л. Археологическая эпоха (хронология, теория, модель).

Шапова Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории.

Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия.

Ганевская Э. В., Дубровин А. Ф., Огнева Е. Д. Пять семей Будды. Металлическая скульптура северного буддизма IX–XIX вв. из собрания ГМБ.

Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.).

Флерова В. Е. Граффити Хазарин.

Исланова И. В. Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья.

Рындина Н. В. Древнейшее металлообработ. производство Юго-Восточной Европы.

Лемиденко С. В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.).

История письма

Чегодаев М. А. Папирусная графика Древнего Египта.

Фридрих И. История письма.

Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков.

Дирингер Д. Алфавит.

Струве В. В. Происхождение алфавита.

Гельб И. Е. Опыт изучения письма. Основы грамматики.

Папина А. Ф. Происхождение славянской письменности.

Серия «Из наследия мировой социологии»

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.

Кареев Н. И. Общие основы социологии.

Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности.

Ковалевский М. М. Современные социологи.

Тард Г. Происхождение семьи и собственности.

Тард Г. Социальные законы.

Уорд Л. Ф. Очерки социологии.

Летурно Ш. Прогресс нравственности.

Летурно Ш. Социология по данным этнографии.

Спенсер Г. Многообразие и многоженство.

Мюллер-Лиер Ф. Фазы любви.

Гюйо Ж. М. Воспитание и наследственность. Социологическое исследование.

Тел./факс:

(499) 135-42-46,

(499) 135-42-16,

E-mail:

URSS@URSS.ru

<http://URSS.ru>

Наши книги можно приобрести в магазинах:

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2457)

«Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)

«Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)

«Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)

«Дом книги на Ладонской» (м. Бауманская, ул. Ладонская, 8, стр. 1. Тел. 267-0302)

«Гюизис» (м. Университет, 1 г-м. корпус МГУ, комн. 141. Тел. (495) 939-4713)

«У Нептавра» (РГГУ) (м. Новослободская, ул. Чаянова, 15. Тел. (499) 973-4301)

«СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)